

На боевом посту

ВДВ

1'92

ЖУРНАЛ

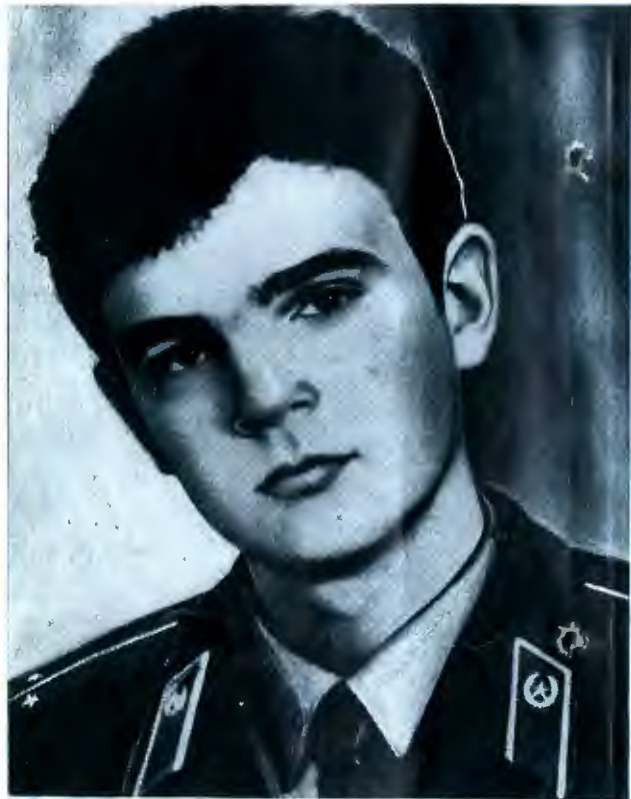
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Звезда погибшего лейтенанта

Экономика России: история болезни

Ниндзюцу: секреты невидимок

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Присвоении звания Героя Советского Союза лейтенанту Бабаку О. Я.

За мужество, героизм и самоотверженные действия, проявленные в выполнении воинского долга, присвоить лейтенанту **Бабаку Олегу** Леонидовичу звание **Героя Советского Союза** (посмертно).

Президент Союза Советских Социалистических Республик М. ГОРБАЧЕВ.

Москва, Кремль, 17 сентября 1991 г.

на боевом посту

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК**

1'92

Издается с 1958 г.

Учредитель — МВД СССР

Главный редактор
А. Г. ГОРЛОВ.

Редакционная
коллегия:

В. Ш. АМЕРХАНОВ
(зам. главного редактора),
В. В. АФАНАСЬЕВ,
Б. Р. БОРУКАЕВ,
В. И. БУСЫГИН
(ответственный секретарь),
В. П. ВОРОЖЦОВ,
Э. В. КАЛАЧЕВ,
И. Т. КОЗЛОВ,
Н. П. КУЗЬМИН,
В. В. МУРАТОВ,
Е. А. НЕЧАЕВ,
Л. А. ПАНКРАТОВ,
Л. Н. ПЕЧЕВОЙ,
Н. Н. ПРОКОПЕНКО,
Л. Л. СМЕРНОВ,
В. Н. УСКОВ
(зам. главного редактора),
А. Г. УШАР,
В. С. ФРОЛОВ,
А. А. ШЕМАЕНКОВ,
В. И. ЯКУБОВСКИЙ.

**Пятьдесят послевоенных лет
не пополнялся войсковой список
Героев Советского Союза.
Но 17 сентября минувшего года
его дополнило новое имя.
Лейтенант Олег Бабак совершил
подвиг и погиб в горах Карабаха.**

Читайте о нем в этом номере журнала.

■ НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ
ОБЛОЖКИ: фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

“Дорогие мои мама и папа, родные мои, не волнуйтесь. У меня все хорошо, все в норме, как обычно... Как я хочу увидеть вас, крепко-крепко обнять и поцеловать. Забиться, как в детстве, под твою руку, папка, спрятавшись от всех этих невзгод, от этих мерзких неприятностей. Забиться под теплое ватное одеяло, постеленное твоей нежной рукой, милая мама. Спрятаться от них хочу, но они достают, проклятые. Достают и хватают своими грязными руками. А жизнь одна. А жизнь одна...”

Из последнего письма домой.

НА СНИМКАХ: село Виктория Пирятинского района Полтавской области – здесь дом Героя, здесь покоится его прах, здесь живут его родители – Надежда Ивановна и Яков Андреевич, которым вручены орден Ленина и Золотая Звезда сына.

“А ЖИЗНЬ”

ОДНА...»

Фото
А.АЛЕКСАНДРОВА.

“Я выбираю дорогу...”

Трудно сказать, кто из этих улыбающихся парней – водителей и ремонтников, которых вы видите на верхнем снимке, твердо решил связать свою судьбу с техникой. А вот для подполковника Николая Ивановича Локтионова, зампотеха части, автомобильная дорога стала дорогой его жизни. Он выбрал ее однажды и никогда об этом не жалел.

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

СОДЕРЖАНИЕ

■ В ОСОБОМ РАЙОНЕ

ГЕРАЩЕНКО В. Первые	2
АРТЮХОВ Е. Герой народа советского	10

■ ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

УДИНЦЕВ А. Зона: взгляд изнутри	28
Письма читателей	37
НИКОЛАЕНКО О. Заслон	39

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

КАРЕВ А. ...Вечная наша вина (стихи)	14
ГОРЛОВ А. Однажды в августе (рассказ)	16
Сапоги всмятку (юмор, сатира)	62

■ ПУБЛИЦИСТИКА

ЛЕКСИН В. Экономика России (выписки из истории болезни)	41
БЕЛИКОВ И. И хоть к старому нет возврата...	48
МАЛЬКЕВИЧ В. Власть меняется?	52

■ КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

РОНИН Р. Черные демоны	54
ТОКУНОВ В. Немецкая овчарка (о жизни собачьей: советы специалиста)	58
Рыболовам и охотникам	60
Клуб знакомств «Возможна встреча»	64

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

■ К 50-летию Сталинградской битвы. Воспоминания свидетеля и участника грандиозного сражения на Волге генерал-майора в отставке Василия Ивановича ЗАЙЦЕВА.

■ «Горячая линия»: читатель — журнал — командование. На вопросы, касающиеся различных аспектов служебно-боевой деятельности, отвечает первый заместитель начальника штаба внутренних войск генерал-майор В. Р. БОРУКАЕВ.

■ «Рентгенография революции». Точная машинная запись допроса бывшего посла СССР во Франции Х. Г. РАКОВСКОГО в период процесса троцкистов в 1938 г.

ATTENTION
FOREIGN READERS!
East View Publications
handles:

- o subscriptions
- o back issues
- o advertising

for Na boevom postu.

For further details,
please contact us at:
EAST VIEW PUBLICATIONS,
12215 North 28th Place,
Minneapolis, MN 55441 USA
voice: (612) 550-0961
fax: (612) 559-2931

Адрес редакции:

107120, Москва, В-120,
Сыроматинский
проезд, 8

Телефоны:

361-82-57,
361-81-71.

Художественное
оформление

Э. П. Копылова,
Е. К. Селиновой.
Корректоры
Е. Ю. Гаврилова,
И. Ю. Семibrатова.

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы материалов.

Сдано в набор 5.11.91 г.
Формат бумаги 70×108¹/₈ Усл. печ. л. 5,6 + вкл. 1/4 п. л.
Уч.-изд. л. 8,8.

Подписано к печати 15.01.92 г.
Зак. № 3080

Индекс 70610.
На боевом посту,
1992, № 1, 1—64.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда»,
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

ПЕРВЫЕ

ТРОЕ СУТОК СО СПЕЦНАЗОМ

КОГДА генерал попросил остаться в кабинете только командиров бригад специального назначения и офицеров штаба войск, надо было притвориться глухим или невоспитанным: из первых уст узнал бы и обстановку в республике, и замысел предстоящей операции. Подумалось, выставили бы за дверь персонально! А теперь в награду за исполнительность сиди в предбаннике и держи уши на макушке: голос-то из-за стены слышен, а ни слова не разобрать.

— «Голос Америки» послушать надо, вдруг ведут прямую трансляцию?

Шутка моя повисает в воздухе. Среди тех, для кого на время совещания тесен оказался генеральский кабинет, много офицеров из местной части, а им не до юмора. Вот уже несколько месяцев в республике относительно тихо — нет митингующих толп на площадях и косых взглядов в магазинах и автобусах. Но и спецназ просто так с неба не падает. Помня уроки Ферганы, его теперь перебрасывают в нужное место вовремя, а то и раньше, пока не встал с топором или автоматом сосед на соседа.

— Да слушал вчера. Даже там ничего не знают.

Наконец дверь открылась. Вслед за спешащими в курилку офицерами в пятнистых комбинезонах из кабинета вышел подполковник Сергей Иванович Лысюк — один из первых офицеров спецназа внутренних войск. В декабре 1978 года, когда одну роту дивизии имени Ф. Дзержинского освободили от караулов и приказали усиленно заниматься боевой подготовкой, он командовал в ней взводом. С тех пор войсковой спецназ вырос в число, и умением. В разных уголках страны появились батальоны и бригады, а рота дзержинцев, побыв батальоном, превратилась в отряд, и командует им Лысюк. Для меня эта встреча — подарок судьбы: как всегда, по крепчайшей армейской традиции — кто везет, на того и грузят — его орлов в краповых беретах посылают в самое пекло.

В шестнадцать выезд на рекогносциров-

ку. Подождать бы в штабе, не мелькать по городу туда-сюда, но Сергей Иванович без командиров боевых групп на разведку не поедет: им вести людей, пусть сами изучают маршруты и объекты. Так что пора в отряд. В «уазике» и без меня точно. «Братишки, поедем по уплотненному варианту», — сказал Лысюк. Его поняли: уступая мне место, радист мгновенно взобрался на радиостанцию. Последним, передав радисту длинный пистолет с глушителем — насадкой для бесшумной стрельбы, — втиснулся Сергей Иванович.

— Товарищ подполковник, — доложил сверху солдат, — частоты нам дали тихие-тихие, никто на них не работает.

— Получаем вас на уровне шумов! — хрипло возвестил динамик и посоветовал... перестроиться. До 1985 года это называлось перейти на запасную частоту...

Ни за что бы не подумал, что за великолепным фасадом казармы возможен такой неуют. Хозяева на полевом выходе, а их дом приютит на время залетных гостей. Лысюк собрал офицеров, чтобы довести поставленную задачу. События назревают: экстремисты готовят ряд провокаций силами незаконных вооруженных формирований. По данным разведки, на территории республики есть несколько складов оружия, которое они могут использовать в любую минуту. Отряду Лысюка поручены два таких объекта: около тысячи стволов в бывшем здании ДОСААФ и несколько БРДМ, «позаимствованных» экстремистами у местных воинских частей и спрятанных где-то в пригороде. Оружие изъять, БРДМ привести в негодность.

Подполковник распорядился выдать полтора боекомплекта, занять людей делом.

— Оружие с собой постоянно. Применять только в ответ на стрельбу...

РОТА СПЕЦНАЗА создавалась к Московской олимпиаде: руководство страны не забыло, как террористическая вылазка омрачила спортивный праздник в Мюнхене. Понадобилась сила, способная противостоять тер-

рористам. А как? Чему учить людей? Лысюк тогда ездил к десантникам, смотрел их рукопашный бой и вернулся разочарованный — не понравилось. Подход там принципиально другой — жестокий, безжалостный. Так можно и нужно обращаться со смертельным врагом. Это годится для десантников, выполняющих диверсионные задачи, разрушающих особо важные объекты в глубоком тылу противника. А внутренние войска обязаны щадить сограждан, даже отъявленных преступников, и работать по возможности без ущерба для социалистической собственности, чтобы дом, квартира, цех, самолет — да мало ли где может укрыться мерзавец, захвативший заложников! — оставались невредимыми.

Русский рукопашный бой ныне известен считанным профессионалам, точнее, фанатам-любителям. Если не утрачен, так засекречен опыт фронтовых разведчиков, СМЕРШа. Пришлось практически заново создавать свою школу, свой стиль рукопашного боя. За основу приняли модное тогда каратэ и быстро убедились: за два года службы, а тем более за полгода учебы, новичка едва азам научишь. Безжалостно выбросили эффектные, показушные красоты, разбавили восточное единоборство западным искусством драки по правилам — боксом. Получилась простая, эффективная методика, созданная специально для подготовки солдата срочной службы. Она своеобразна — нет жестоких приемов, вроде лопатой по голени. Ударами в уязвимые точки боец лишает противника способности оказывать сопротивление — для внутренних войск этого достаточно.

Тактика тоже своя. Поначалу даже у киношников учились — на московских кинофестивалях старались попасть на боевики, в программе «Время» высматривали зарубежную хронику «классовых битв» — в кадрах разгона демонстрантов на экране считанные секунды мелькали пластиковые забрала иностранных коллег. Перед самой Олимпиадой появились такие и у дзержинцев. Надевали, тренировались, чувствуя себя не то космонавтами, не то водолазами: была в подобной экипировке ненашенская экзотика. И относились к ней не совсем всерьез, иронизировали в душе над непоколебимым сценарием регулярно повторяющихся показательных занятий — разве у нас в стране может пригодиться подобная «наука»?

Увы, пригодилась. 28 февраля 1986 года по тревоге вылетели в Сумгаит. Из подмосковного мороза — в плюс четырнадцать. Из самолета попрыгали в машины, а местные гаишники пытались автоколонну остановить, вести в сторону, чтобы время оттянуть. Прибыли — толпа на площади стоит. Задача — изъять зачинщиков беспорядков. Боевое крещение прошло удачно. Справились: тогда в основном за счет общефизической подготовки. Мудрость при-

шла с опытом, а опыта, будь он неладен, хватало...

ВЕРНУЛАСЬ разведке. Хорошего мало: экстремисты спрятали БРДМ за забором склада каких-то материальных ценностей. Хитро придумано — территории охраняемая, просто так не сунешься! Издали поглядели. Под навесом, где раньше стояли БРДМ, теперь пусто. По периметру три вышки. Днем никого, но если на ночь на каждую поставят по охраннику, — без шума не управиться. А надо.

Но как проникнуть на территорию? Как нейтрализовать охрану без вреда для ее здоровья? Таранить ворота — это шум. К тому же за металлическими створками совершенно случайно может оказаться человек. Пожалуй, единственный выход — мощное психологическое давление. Представляете — с трех сторон, по числу вышек, подъезжают бронетранспортеры с крупнокалиберными пулеметами — неужели станут сопротивляться?

— Братишки, надо разобрататься, по какому уставу они службу несут!

Трезвая мысль. При явном нападении (а как еще назвать ночное вторжение бронетехники?) часовой обязан применять оружие, и тогда его остановит только снайпер, а этого никому не хочется.

Короче, при заданных условиях задача невыполнима. Без шума на объект не попасть. Жаль, что нельзя опереться на местную милицию: кто гарантирует, что замысел предстоящей операции не «уйдет» из горотдела за экстремистам? И надо позаботиться, чтобы охрана склада не позвонила в милицию: некогда будет сбрасывать приехавшим по вызову стражам порядка, что военные не грабители и пришли за краденой боевой техникой. Сейчас главное — не спугнуть, использовать эффект внезапности, чтобы не смогли подготовить достойную спецназа «встречу» или столкнуть лбами с теми же милиционерами — среди националистов есть талантливые провокаторы.

Зато обезвредить БРДМ проще пареной репы: расколоть картер, в пулемет под крышку ствольной коробки — гранату... Найти бы только, где эти обреченные бронники спрятаны. А командиры тем временем обсуждают, как все-таки выполнить задачу — попасть на территорию склада и в поисках оружия вывернуть все наизнанку...

— Ребята, не слишком ли мы увлеклись? Если БРДМ нет под навесом, то, может, объект и брать не надо?

От «экспропрированного» националистами здания ДОСААФ разведка тоже вернулась невеселая. Территория большая, а оружие может быть где угодно, даже в кузовах машин автошколы. Чтобы идти на операцию не вслепую, нужна дополнительная разведка. Надо войти в здание, походить по коридорам, отыскать вход в подвал.

— Так и сделаем! Под видом местных жителей все посмотрим!

Святая простота! Местные парни как один щуплые бронеты, к тому же знают родной язык, а для вас он никогда не был иностранным, вы его никогда не учили, рассчитывая на универсализм родного — русского. Теперь поздно — жизни не хватит, чтобы выучить языки тех народов, что нуждаются в миротворческом присутствии спецназа. И чикакой — среднеазиатский, кавказский — загар не замаскирует славянского покрова лиц, светлых волос. Под любой «гражданкой» за версту видны профессионально широкие плечи. Ни одна «легенда» не объяснит столь обширные интересы визитера: и в кабинет директора заглянуть хочется, и в кузова автомобилей. Хотя, пожалуй, есть такая работа — пожарный инспектор. Драконовский характер, диктаторские полномочия, профессиональная дотошность и придирчивость — идеальная «ширма» для подробного осмотра любого административного здания. И даже форму искать не надо — повседневка у внутренних войск и госпожнадзора одинаковая.

Но есть и контрдоводы. Местных пожарников тут должны знать как облупленных. Приезжего обязательно сопровождал бы кто-то из своих, хорошо известных. А главное — чихать они хотели на московского инспектора, иные теперь времена...

Лысюк слушал спор молча, потом улыбнулся и серьезно спросил:

— Знаете, почему Кутузов военный совет в Филях проводил? Потому что на Красной площади советами замучили бы. Не обижайтесь, братишки — кто был на разведке, пошли в класс, так быстрее будет.

ЗА УЖИНОМ, когда не до разговоров, есть время присмотреться к интерьеру «жилья специального назначения». Вдоль стен пенкомнаты — солдатские кровати с матрацами, но без наволочек и простыней, только на некоторых — одеяла. На спинках кроватей, как на вешалках, — бронезилицы (представьте ширину плеч!). На подоконнике боксерские лапы, аккумуляторы к портативным радиостанциям, автомат, по-афгански спаренные изолентой снаряженные магазины, спецгранаты в резиновых «ежиках» (чтобы не откатывалась в сторону, взрывалась, где упадет) да штурмовые каски с алым подбором.

Таких касок в отряде пока немного, и появились они недавно. У Лысюка неформальные, как теперь принято говорить, контакты с НИИ спецтехники. Когда в январе 1990 года пулей в глаз убило рядового Андрея Кузьмина из соседнего полка, Сергей Иванович попросил ученых помочь. Вот результат — пуленепробиваемое стекло и небольшая стальная маска. Как-то отряд Лысюка проводил показ всех наличных средств защиты офицерам ГУКВВ — чего только не надевали на себя солдаты!

Легкие и тяжелые бронезилицы, разнокалиберные шлемы и даже сплошной броневой щит в человеческий рост с застекленной смотровой щелью. За таким панцирем можно вплотную подойти к стреляющему автомату — не прошибет! Правда, и весит такая «кодежка» полцентнера, но надежность и безопасность того стоят.

Жаль только, что все это добро в командировку не возьмешь — рук не хватит. Перед каждым вылетом прикидывают, что может понадобиться, и берут, как правило, тяжелые бронезилицы да штурмовые каски — если раньше при массовых беспорядках из толпы могли бросить камень или бутылку, то теперь, как правило, стреляют...

Недавно в отряд приезжали туляки с оружейного завода, привезли перспективные модели: девятимиллиметровый автомат и укороченную снайперскую винтовку — испытайте! Подчиненные Лысюка за месяц их освоили и вернули на завод с рекомендациями по доработке. Чем же спецназу не подходит лучшее в мире оружие системы Калашникова?

Не подумайте плохо об автомате Калашникова. Лысюк убежден: для современного общевойскового боя ничего лучше, надежнее пока не придумали. Во всех телепередачах из горячих точек планеты обязательно мелькнет на экране знакомый каждому настоящему мужчине хотя бы по солдатским годам силуэт АКМа, а ведь у них, в условиях рыночной свободы, выбор неограниченный. Применяют — значит, уважают, ценят. Но у спецназа свои задачи, а потому и свои требования к оружию. Ни к чему, например, прицельная дальность на тысячу метров, штык-нож или приклад как оружие ближнего боя. Надо, чтобы оружие занимало меньше места, чтобы темп стрельбы был выше, а задачи не было совсем — тогда в цель попадут все пули очереди, а не только первая. Нет пока у спецназа оружия с лазерными прицелами, как у Арнольда в «Терминаторе». Где-то раздобыли два от американской автоматической винтовки, но к автоматам их пришлось прикручивать проволокой, представляете?

Ночью три офицера отправились на деполнительную разведку. Укладываюсь спать на освободившееся место. Кто уже спит, кто в конце длинного ряда столов костяшками от домино играет в покер — вяло, без азарта. Завтра переодевание — заместитель Лысюка по специальной подготовке старший лейтенант Виктор Путилов в своей «гражданке» пойдет в здание ДОСААФ на разведку. Если, конечно, сумеет застегнуть рубашку... Уже засыпая, слышу, как местные «разведчики» убеждают Лысюка, что совсем недавно все было спокойно и везде можно было пройти, без труда все посмотреть. «Так чего ж вы не смотрели, пока было можно?» — устал и почему-то почти ласково спрашивает их Сергей Иванович...

САМОЕ ЯРКОЕ впечатление дня — занятие по тактике внутренних войск прямо на плацу. Это надо было видеть — местные солдаты смотрели на наших, как на пришельцев. Жара под тридцать, даже в расстегнутом хэбэ, без ремня и пилотки, на лавочке в тени дышать невозможно, а ребята в полной экипировке — тяжелый бронжилет, «сфера» на голове, с оружием.

Сначала отработывали блокирование здания — поротно выходили на плац и по негромкой команде мгновенно охватывали казарму со всех сторон. Выходы, окна под прицелом — даже десанникам есть на что посмотреть. Лысюк стоял на трибуне плаца и негромко говорил в черной брусочек радиостанции:

— Снайпер опять на открытом месте позицию выбрал. Гранатометчики прицелы не расчехлили — буду штрафные секунды прибавлять!

Потом собрал людей в каре и кратко поставил задачу:

— На первом этаже казармы в самом дальнем помещении находятся террористы с заложником. Роты поочередно все там блокируют, когда группа захвата выходит к последней двери, старший докладывает мне по радиостанции. Посредник — представитель особого отдела — посмотрит, в самом ли деле группа захвата у цели, чтобы все было наглядно и честно. Кто победит, на целый день в полном составе поедет с офицером отряда в Москву, как только вернемся из командировки.

Рота погрузилась в полученные накануне «Уралы». Машины рванули с места и тут же по сигналу Лысюка остановились, на плац посыпались камуфлированные солдаты. Секундомер остановлен — минуты не прошло. Съём тоже на время — в считанные секунды рота исчезает в грузовиках, а те уносятся с плаца, словно их здесь и не было. Подполковник довольно складывает результаты, и получается, что рота, действовавшая без передышки, опередила отдохнувшую на 1,7 секунды.

Для подведения итогов отряд смыкает каре вокруг командира. Рослые, крепкие парни стоят с поднятыми автоматами — приклад у плеча, ствол в небо — и спокойно, весело смотрят на Лысюка. Они не едят глазами начальство, потому что никого не боятся, а командира уважают и любят — это он сделал их смелыми, сильными и дружными. Издали не разглядишь, сколько пота пролили они на занятии, а из центра каре обзор прекрасный. Мокрые лица, влажные бронжилеты, но если вы не видели счастливых людей, надо было стоять на плацу в эту минуту и смотреть на солдат, которые добросовестно выполнили приказ своего «бати».

Слово посреднику.

— Вторая рота понравилась больше — не только бегает быстрее, но и страховать друг друга успевают. С оглядкой работают, и суеты меньше.

Лысюк объявляет итог — в Москву поедет вторая рота.

По желто-зеленому пятну на переносице и под глазом — следу редкой красоты: «фонаря» — я сразу узнал в строю рядового Олега Рышкевича. Синяк он заполучил во время сдачи экзамена на право носить «краповый берет» — своеобразных соревнований по спецназовскому многоборью. После гимнастики, спуска с высотного здания, штурмовой полосы шесть километров бежал по пересеченке и болоту, преодолевал водную преграду, а разукрасили в спарринге — двенадцать минут боя по кругу, со всеми по очереди «соискателями». Вроде до армии боксом занимался, а тут такой удар пропустил. Но без обид — в бою труднее пришлось бы.

Олег отнюдь не по секрету сказал, что краповый берет — его гордость. Без него нельзя служить в подразделении специального назначения — могут на операцию не взять, и вообще, сразу видно, какой ты солдат.

«На берет» сдают в конце периода обучения, в мае и ноябре, второй раз для тех, кто не сумел с первого раза и горит желанием — в июне и декабре. Берет — наглядный пример того, как могут работать сугубо моральные стимулы. Берет — символ самоуважения и личного достоинства, самолюбия владельца. Да и другие уважают — даже в чайной военного городка люди расступаются, без очереди пропускают. Однажды дошла до Лысюка информация, что краповый берет собираются выдать каждому солдату дивизии имени Дзержинского, несколько тысяч на вещевого склад завезли — от возмущения чуть дара речи не лишился: нельзя же символы девальвировать!

Но берет, камуфляж, автомат с подствольником или насадкой для бесшумной стрельбы — это внешний антураж, экзотика.

Главное — служба в отряде исключительно добровольная: охота, как известно, пуще неволи. Свое отношение к подразделению эти парни переносят на всю армию, и потому любят ее. Здесь труднее, чем в других частях, но попробуйте любому сказать, что его переведут отсюда — ни за что не согласится. Это честолюбие в лучшем смысле слова.

Особый, спецназовский дух воспитывают в отряде с первого дня службы. Вместе с беретами вручают значки — сжатый кулак и автомат с насадкой-глушителем на фоне краповых очертаний вырезанного из карты силуэта страны, а по кругу надпись: «Подразделение специального назначения внутренних войск». Благодарственные письма на родину пишут сами, не пользуясь трафаретными бланками. Родителям открытым текстом сообщают: ваш сын служит в части специального назначения, о ней не раз писали центральные газеты и журналы, а ваш Николай (Сергей,

Алексей...) тем-то и тем-то занимается и такие-то подвиги совершил. Подпись — Лысюк. Эту фамилию теперь вся страна знает. И даже боевое клич тут своей. Вместо «ур-а-а!» — «спецна-а-а!» Понятно, что безударное «спец» никто со стороны не расслышит, но парни-то знают, что кричат...

Попасты сюда непросто. Лысюка буквально заваливают письмами солдаты, готовые променять относительный уют и безопасность своей нынешней службы на настоящую мужскую жизнь под началом подполковника в краповом берете. Но еще труднее с этой жизнью расстаться. «Гражданка» в себя засасывает, — пишет замполиту старший сержант запаса Юрий Григоренко, — но и в армию тянет. Как там профессионалы — набрали роту или нет? Прапорщики уже, наверно, лейтенантов получили? Отряд после нашего увольнения улетел в командировку — как там воевалось? Будет время — пишите о службе, о профи, о ребятах, командирах. Передавайте привет всем ребятам. Поздравляю с днем дивизии. До свидания».

До свидания — это не дань эпистолярным традициям. Бывшие солдаты спецназа не только пишут боевым друзьям, но и приезжают. Другое дело, что далеко не всегда родное подразделение можно заставить на зимних квартирах. Даже зимой в мгновение ока они могут унести в курортные широты навстречу беде и своей работе. Но в декабре 1993 года спецназу войск, первой спецназовской роте исполняется пятнадцать лет. Многие обещают приехать.

Люди в спецназе интересные, поэтому работать с ними нелегко. Вот только одна история. Просится солдат в отпуск: ребенок родился, надо брак зарегистрировать. Возвращается — глаза виноватые. Как дела, женился? Нет, отвечает, родители о ребенке не знают, и сказать страшно... В отряде — солдат, гроза боевиков, за его голову десятки тысяч сулят, а дома — все тот же мальчишка. Может, в этой не по годам ранней взрослости, командирском доверии, привязке к судьбе страны и скрыт секрет притяжения спецназа для сотен и тысяч парней, мечтающих о своем краповом берете? Но какими же должны быть командиры, за десять лет создавшие особый мир — мир спецназа!

ТАК ПОЛУЧИЛОСЬ, что все эти годы спецназ и Сергей Иванович Лысюк неразделимы. Он первый, а теперь и единственный из офицеров отряда, кто был офицером у истоков той преолимпийской роты. Офицерами стали уже те солдаты, что начинали здесь срочную службу. И на всех — печать обаяния командира, след его характера, привычек, поведения. Сколько раз влетало Сергею Ивановичу за то, что лейтенанты и прапорщики называют его по имени-отчеству, за неуставное обращение

«братишки», кажется, навсегда вытеснившее из командирского лексикона воинские звания и фамилии, но очень точно передающее глубинный смысл взаимоотношений в отряде. Не панибратство это, а братство — главный фактор выживания в молниеносных боях — специальных операциях.

Любой штурм, убежден Сергей Иванович, если он длится больше десяти-пятнадцати секунд, уже бойня, особенно если преступник вооружен. Вся работа — быстро ворваться туда, где засел противник, и сделать, что скажет командир. Втиснуть в десять секунд максимум обдуманных действий учатся на занятиях и в повседневье. Действуя по знаменитой «вспышке ядерного взрыва», солдат должен мгновенно укрыться, на любом построении занять свое место за пять-восемь секунд. На любом занятии рядом с людьми может упасть имитационная граната. Срабатывает запал, и через положенные четыре секунды каждый, кто не успел укрыться, получает небольшой дискомфорт, чтобы даже на подсознательном уровне остались отрицательные эмоции на такой же раздражитель. Дрессировка? Да, но в боевой обстановке она помогает выжить. За свои 18—20 лет солдат привык к мирной жизни, он видел только тех людей, которые не могли и не хотели причинить ему вред. Его с детства учат верить окружающим, а в боевой обстановке избыток доверчивости способен подвести — в спину стреляют без предупреждения. Поэтому Лысюк приучает своих автоматически реагировать на команду. Услышит «К бою!» — пусть немедленно выполнит, а потом уже соображает, что к чему. Результат налицо — боевых потерь за всю историю подразделения не было. А вот небоевые... Серьезная это проблема — риск на занятиях в отряде особого риска. Нельзя научиться ездить на велосипеде, не сядя в седло. Нельзя научить солдата выжить в рискованной ситуации, не подвергая его риску.

В кабинете Лысюка висит над столом портрет бородача в берете со звездой: Эрнесто Че Гевара. В соседнем кабинете рядом с портретом и цитата: «Каждый из нас может стать Человеком с большой буквы, но для этого нужно превозмочь себя. Кто чувствует, что способен на это — пусть остается. А кто не в состоянии за свою жизнь ничего выдающего, его портрет все равно висел бы в спецназовских канцеляриях — за три эти фразы, выражающие кредо «краповых беретов».

— Я заграничным коллегам альбом готовил, — рассказал майор Олег Кублин, — наш флаг, их флаги, спецназовская атрибутика, фотографии. Что, спрашиваю Лысюка, Че Гевару им прилепить? А он: ты что, у них его террористом считают!

У нас к нему другое отношение, хоть мы и не одобряем экспорта революции.

Некоторые действительно уходят. Только за год ушла треть офицеров и прапорщиков. В основном по причинам материального характера: прошедшие школу спецназа в горячих точках офицеры и прапорщики весьма популярны в московских конфиденциальных службах. Зарплата в отряде мало связана с характером выполняемых заданий, а на «гражданке» в спортшколах или охране по пять тысяч платят — всякий ли удержится от соблазна? Никто не держит, добровольность превыше всего. Одно не нравится Лысюку — когда ушедшие начинают публично оправдываться через прессу. Храню, мол, у сердца свой берет, а ушел, потому что не понял, не оценили бездушные военные бюрократы. Побуждения вроде благие у них, но каждое такое выступление обязательно завершается описанием прелестей жизни вне войск, а это удар ниже пояса. От служения Родине зовут к сытым кормушкам, да еще обозначают дорожку хорошо заметными вешками — мол, смело за мной, вчерашние коллеги, процветание гарантировано. В материальном плане Лысюку крыть нечем — по сравнению с телохранителями или инструкторами спортшкол командир взвода спецназа или тот же инструктор-рукопашник получает смехотворно мало. Но уходить сейчас — значит обречь на риск и возможную гибель молодых, необученных солдат. Спецназ создан, чтобы защищать конституционные права советских людей. Человек достоин своего берета, пока служит этой цели. А если офицер или прапорщик уходит, оставляя свою ношу на плечах зеленых мальчишек, он уносит с собой все, чему здесь научился, но краповый берет надо бы сдавать, как сдается на склад боевое оружие уходящего. Кто выбрал деньги, тому символы не нужны...

Владимир Николаевич Кургин будучи прапорщиком, получал 170 рублей и на старте перестройки ушел в кооператив. Строил гаражи, по тысяче домой приносил, а все равно назад потянуло. Сейчас офицер, заместитель командира роты. Формировали отряд — звали людей на бесквартирье, на риск, и люди идут. Что сюда тянет? Кто служил, романтикой, как правило, не интересуется. Тянет дух, который здесь воспитывается и только здесь существует. Дух коллектива, взаимоотношения, забота друга о друге — то, чего нельзя перенести на бумагу, купить за деньги или налить в стакан.

КАК Я И ОЖИДАЛ, моя рубашка Виктору Путилову оказалась маловата. «Гражданкой» его снабдил каптерщик, вместе со всеми наблюдавший тренировку спецназа и не скрывавший восхищения. Через четыре долгих часа офицер вернулся и доложил — в здании ДОСААФ оружия нет.

Вывод серьезный. Тысяча стволов — не игрушка. Ошибся ли тот, кто добывал предварительные данные или оружие успо-

ли вывезти, но операция теряет смысл. Лысюк немедленно уехал к генералу, а когда вернулся, сразу объявил — завтра в полдень домой, но перед отлетом, ночью, надо проведать объект, где оружие есть...

Во всех кинобоевиках есть предкульминационный момент, когда главный герой, охваченный благородным гневом, готовится к последнему и решительному бою, точнее, разгрому огромного скопища негодяев. По залу в такую минуту прокатывается волна зрительского восторга: стряхнув ощущение от жутких сцен, где «нашему» доставалось сверх всякой меры, они потирают руки, устраиваются поудобнее на стульях и ждут жизнеутверждающей развязки: сейчас он им задаст!

Я бы и рад живописать сборы спецназа на операцию, но все происходило незаметно и буднично: кто готов действовать в любую минуту, не нуждается в эффектных жестах. Разве что начальник связи раздал всем желающим по две таблетки синтокарба, объяснив, что это помогает не заснуть. Лысюк напомнил, что такие таблетки надо дать водителям «Уралов», и попросил помочь ему упрятать портативную радиостанцию в карман на рукаве камуфлированной куртки.

Дневальный по КПП, открыв ворота, долго смотрел вслед нашей колонне. Не знаю, завидовал он парням в бронежилетах и штурмовых касках или нет, но сами солдаты боевой группы ничем не выдавали своих эмоций. Кто не воспользовался таблетками, пытался спать. Юный лейтенант गया без конца единственную кассету на громком для отечественной аппаратуры «Романтике», а во время недолгой паузы сказал подчиненным:

— Если увидите, что они вооружены и собираются стрелять, не ждите, пока начнут — ваши жизни мне дороже!

Операция заняла считанные минуты. Боевые группы исчезли в темноте и неожиданно скоро вернулись с длинным свертком и железным ящиком.

Трофеи разочаровали: пневматические винтовки и пульки к ним, затворы от «маллокалиберок», учебные гранаты. Заметив мою обескураженность, Сергей Иванович поведал одну историю. Однажды ночью солдат подняли по тревоге и объяснили, что заложили в машину — дети очень большого начальства, преступника задержать «вручную», оружия ни в коем случае не применять!

Захват прошел блестяще. Преступника «играл» милиционер. Сопrotивлялся отчаянно, бока ему намаяли, стекло в машине разбили... Когда солдатам сказали, что это только учения, они поверили не сразу...

А может, смысл у этой скоротечной командировки был иной: все знают, что бывает, если спецназ не пришлют вовремя, но очень трудно оценить результат, когда он прибывает заблаговременно...

Майор В. ГЕРАЩЕНКО,
наш спецкор.

В БОЮ ПОБЛАЖЕК НЕ БУДЕТ

ФОТОРЕПОРТАЖ

Учись до боя, а после боя — вдвое. Справедливость этой, казалось бы, прописной истины подчиненные подполковника В. Сидорова постигли на собственном опыте. Прошедшие не одну горячую точку, они, как никто, знают цену каждой учебной минуты.

На снимках: отдых занятия.

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

ГЕРОЙ

народа советского

Да какая там Звезда Героя! Даст Бог, отметят парня посмертно традиционной в таких случаях «красной звездочкой». И все. Хотя, спору нет, — по всем статьям он герой, да не на той войне совершил лейтенант Бабак свой подвиг.

Разве не думалось так с первой декады апреля и практически по конец сентября? Не знаю, как другие, а я — грешен. И рад, что ошибался. Хотя горька эта радость.

НА ПОЛТАВЩИНЕ стояла ясная раннеоктябрьская осень. В эту пору по утрам уже знобко, но часам к одиннадцати солнце разгорается прямо по-летнему, благоухают цветы, порхают бабочки. Жить хочется!

А ведь ему и всего-то только-только исполнилось двадцать четыре.

Третий час автобус шел по здешней теплыни, и пирамидальные тополя, выстроившиеся обочь дороги и лишь кое-где тронутые золотом, набегали почти сплошной зеленой полосой на чистую небесную голубизну. Виктория — тихое украинское село с громким — по всей вероятности, петровских времен — названием, вот-вот должно было показаться. И тем навязчивее становилось ощущение жизненной несправедливости.

Ведь это он собирался сюда в очередной отпуск и скорее всего не один, а с невестой. Ведь это его молодое сердце заколотилось бы сейчас призывно-радостно, предчувствуя встречу с отцом и матерью, тогда как мое щемило от приближения минуты встречи с людьми, охваченными скорбью по погибшему единственному сыну и вообще — единственному ребенку.

В Кубатлинском районе Азербайджанской Республики на протяжении нескольких лет сохраняется сложная общественно-политическая обстановка на межнациональной основе. С 3 марта 1991 года 16-я застава от войсковой части... под командованием заместителя командира 11-й роты по политической части лейтенанта О. Я. Бабака выполняла службу по охране и обороне поселка Юхары-Джибикли...

—В ОТ СЕЙЧАС повернем налево, и дальше мимо клуба сразу пойдет его улица, — обернулся с переднего сиденья старший лейтенант Игорь Митяков — один из четверых сослуживцев погибшего лейтенанта, командированных в Викторию на вручение его родителям Золотой Звезды. В апреле он уже побывал здесь: вез гроб, как мог успокаивал родителей друга, хотя слова в таких случаях — звук пустой. Вот и сейчас

...7 апреля к военнослужащим обратились местные жители с просьбой помочь вывезти тело убитого боевиками в полтора километрах от заставы лесника Мамедова. К месту происшествия выехала санитарная машина с военврачом и мажоранской группой, в которую вошли лейтенант Бабак и старшие сержанты Логинов, Бочков. Около трупы уже находились участковый инспектор лейтенант милиции Гусейнов, невеста лесника и трое крестьян. В 15.40 примерно в четырехстах метрах от них на дороге Горис-Кафан, проходящей по территории Армени, остановилась «Нива» белого цвета. Четверо ее пассажиров открыли огонь из автоматического оружия...

они вязли в горле, едва вошел в калитку и протянул руки навстречу заплаканным Надежде Ивановне и Якову Андреевичу.

Этот дом часто видел своего Олега последние время. И то — сперва четыре курсантских года в Ленинграде, потом — полтора лейтенантских в Подмоскowie, а если точнее, то 385 суток из них, как подсчитали дотошные кадровики, пришлось на горячие точки.

Запасшись родительским терпением, дом ждал. Пока не осиротел на Пасху — 7 апреля.

— В КОНЦЕ марта отмечали день рождения лейтенанта Василия Атамаса. Олег целый вечер не расставался с гитарой и напел кассету, — вспоминает старший лейтенант Эдуард Иванов. — Русские, украинские песни. Была там и его собственная — шуточная песенка. Точнее — слова его, а мелодия — знаменитой «Раскинулось море широко»:

Напрасно комбат

Бабака ждет назад, —

Доложат ему — обалдеет.

В иранский аул

он увел караул,

Где снег на вершинах белеет.

Тогда мы смеялись. Олег пел про свою заставу, куда даже продукты забрасывались не иначе как «вертушкой». Бывало и голодно... Смеялись, а теперь от первой строки мороз бежит по коже. Как будто он предчувствовал, что случится.

Впрочем, мы ведь сами определили свою судьбу. Еще курсантами ВПУ поняли, что такое межнациональные конфликты. Сумгаит, Баку, Ереван — через это прошли. Так что к выпускному курсу каждый знал, что его ожидает в войсках. Кто-то стал метить в спеццы, в конвойку, иные вообще поворачивали на попятную из училища. А мы, одиннадцать лейтенантов, в бригаду спецназа пришли по собственному желанию.

Перед выпуском приехал к нам полковник из Центрального управления. Так, мол, и так — нужны железные ребята. Мы понимали, что ни жилья, ни каких-то благ там не будет. Напротив — сплошные командировки, сопряженные с немалым риском. Но зато предстояла настоящая боевая жизнь.

Вызвалось человек двадцать. Все — сплошь холостяки, каратисты, рукопашники. Сейчас, спустя два года, в строю нас осталось чуть больше половины. Киреев «сломался», не хочет служить, Грудина списали по здоровью, а теперь и Сулему.

Не погибни, Олег бы устоял. Он жил службой. Солдаты его любили, политотдел ценил: предлагали стать инструктором по работе среди молодежи. Но, мне кажется, он бы предпочел перейти к «краповым беретам».

...Очередь в трех местах прошла кузов санитарной машины. Под огнем водитель рядовой Лезогуб вывез труп Маневренна в Юхары-Джибикли. Маневренная группа прикрывала огнем отход местных жителей. Через 15—20 минут боя к нападавшим подошло усиление: БТР-60ПВ и 70—80 боевиков на трех автомобилях. Начался интенсивный обстрел военнослужащих из пулемета, автоматов и снайперских винтовок...

— МЫ С НИМ сдружились уже в части, — вспоминает Игорь Митков. — Приехали из командировки, жить негде. Общежитие хо-

лощатское есть, но там условия не ахти какие. Сняли квартиру, но прожили недолго: опять командировка. Наш батальон в Лачине стоял, Олегов — в Кубатлы. Заезжали друг к другу. Настала пора возвращаться, меня посылают за молодым пополнением. Приезжаю: — «Олег, как дела?» «Отлично, — говорит, — только бабка нас из хаты турнула. Твои вещи я перенес к себе в канцелярию». Так вот и жили. Где жарко, там и мы. Лишь Фергане обошлась без нас — мы тогда гуляли первый офицерский отпуск. Но потом наверстали: Баку, Нагорный Карабах... На границе Лачинского и Кельбаджарского района Олег попал со своими бойцами под обстрел. На БТРе они были, повоевали. И Бабак в числе первых из сверстников получил медаль «За отличную службу по охране общественного порядка»...

А 7 апреля мы как раз были на операции в Гадрутском районе. По селам мотались, по горам лазили — искали оружие, боевиков. Вернулись — сразу в баню, солдаты помыли, сами, возвращаемся в Степанакерт, а тут проходит информация: кого-то из наших в плен взяли. Не сообщают, где. Часа полтора гадали, а потом догадки кончились: узнаем, Олега Бабака убили. У ребят один вопрос: почему его? Нелепый вопрос. Но, видно, потому, что всем он помнился такой живой...

...Была ранена женщина, и тяжелое ранение в бедро получил участковый. Боевики начали окружать военнослужащих с флангов. В это время к месту боя возвратилась санитарная машина с группой усиления заставы: сержант Митковский, ефрейтор Дубина, рядовые Дурасов и Небеский. Отстреливаясь от боевиков, они вынесли раненых и погрузили в машину. По команде лейтенанта Бабака вся группа начала отход к заставе...

ОН МОГ БЫ остаться в живых. Шанс был. Ведь ему и его подчиненным боевики отпустили пять минут на то, чтобы покинуть поле боя. «Солдаты, вы нам не нужны. Бросайте турок и уходите», — кричали им.

— Поступи так товарищ лейтенант, он сейчас бы разговаривал с нами, — как-то очень просто сказал рядовой Сергей Лунев. — Но, наверное, тогда бы это был не Олег Яковлевич.

А каким был Олег Яковлевич Бабак? Каким? Об этом я спрашивал у его отца, матери, у Веры Михайловны Бурсюк, директора его школы, у капитана Игоря Павлова из Военно-политического училища, которое он кончал, у Александра Удовиченко, в недавнем прошлом комсомольского лидера Полтавщины, у сельчан, на глазах которых он рос, у однопольчан, с которыми плечом к плечу шел в бой.

Как с тобой служить —

знали все ребята.

Песни под гитару
 пели мы с тобой.
 Но теперь все это
 вдаль ушло куда-то.
 Лишь со мной остался
 тот последний бой...

Плохим людям не посвящают стихов, и песен о них не слагают. «А на таких, как лейтенант Олег Бабак, еще держится наша земля, еще могут войска выполнить задачи, чтобы защитить честь и достоинство всех советских людей», — сказал генерал А. Чайковский землякам героя и вручил его Золотую Звезду, его орден Ленина родителям лейтенанта.

В зале сельского клуба яблоку упасть было негде. Сосредоточенно молчали мужчины, всхлипывали женщины, затихали ребятишки. А в открытые двери вырывалась на простор песня:

Ты много сделать смог тогда
 один.

Патроны кончились,
 и ты ребят прикрыть остался.
 Ты выбрал смерть,
 а жизнь отдал другим,
 И в выборе своем не сомневался.

...Лейтенант Бабак отходил последним, прикрывая отход подчиненных. Когда кончились патроны, пытаясь отвлечь внимание боевиков, он вышел на дорогу и крикнул: «Не стреляйте. Я остался один...» В это время группа отошла в безопасное место...

— СЕГОДНЯ азербайджанские матери оплакивают не только своих погибших сыновей, но и Олега. Он будет вечно жить в сердцах спасенных им людей. Он герой и азербайджанского народа.

Я хорошо понимаю чувства Гарида Гараоглы Джафарова, полковника внутренней службы, прилетевшего из Баку, чтобы поклониться праху героя. И все-таки он не совсем прав, говоря те слова.

Лейтенант Бабак — герой не азербайджанского, русского или даже украинского народа. Он герой советского народа, без малого полвека мирно жившего в своей великой стране — Союзе Советских Социалистических Республик. Он — Герой Советского Союза, того Союза, который сегодня тоже убили, растоптав итоги всенародного мартовского референдума. Великую державу рвут на куски, режут по живому, жгут на кострах племенных распрей.

Да, на Полтавщине я не встречал изуродованных памятников, разбитых и загаженных мемориальных досок, почти не сталкивался с кликушами, размахивающими пестрой старорежимной символикой. «Мы не допустим у нас вандализма, националистического разгула!» — звучало за поминальным столом.

Дай-то Бог! Но ведь совсем недавно о том же говорили и в Киеве. Кто тогда надругался над памятью павших советских солдат в Великой Отечественной? Кто не пощадил святого пламени Вечного огня? Не долетят ли злые ветры на могилу Олега, не сорвут ли табличку с солдатской пирамидки, не обломят ли красную пятиконечную звезду, поднявшуюся над ней? Тревожно думать об этом.

...Через 30 минут к месту боя прибыли на БТР заместитель коменданта участка № 12 майор Никифоров и эрио командира 12-й роты лейтенант Агамась. Они обнаружили лейтенанта Бабака без бронжилета, убитым выстрелом в спину. При попытке эвакуировать тело офицера группа была обстреляна боевиками...

Я ВСЕ цитировал стихи Сережи Лулева, но настало время вспомнить и хрестоматийное: «...мы идем сквозь револьверный лай, чтобы, умирая, воплотиться в пароходы, в строчки и другие долгие дела». Правда, там, где погиб Олег Бабак, «лай» больше автоматный, пулеметный, а то и орудийный. А в остальном все верно.

О лейтенанте Бабаке снимут фильм, изваяют его бюст, напишут картины. На каждой вечерней поверке старшина 11-й роты выкликает его имя, а его автомат — вручают лучшему стрелку. Его именем, вероятно, скоро будут названы школа, улица, теплоход...

Но кто вернет матери ее Олежку?

Если бы пройти через Афганистан грозило сыновьям не только простых смертных, а и наших высокопоставленных чиновников, та необъявленная война не растянулась бы на десятилетие. Она, скорее всего, и вообще бы не началась. Мысль, конечно, не нова, но она с особой болью стучится сегодня, на четвертом году перестроечных войн, когда встречаешься в горячих, а точнее — кровотокающих точках страны с парнями из внутренних войск. Ведь если чему и научились за это время наши недальновидные политики, так только нещадно выстраивать солдат живой стеной между разьедаемыми племенной рознью людьми.

Счет наших боевых потерь приближается к сотне, раненых, контуженных, потерявших здоровье — идет на тысячи. А раздору не видно конца.

Сколько еще длиться необъявленной войне? За что класть в ней головы солдатам несуществующего Союза? Не достаточно ли пролитых материнских слез?

Вопросов много, да отвечать некому. По крайней мере, те, кто глядит на происходящее с высоты кремлевской башни, не отважились посмотреть в глаза родителям Олега Бабака.

Подполковник Е. АРТЮХОВ.

«МЫ УШЛИ ИЗ КАРАБАХА»

Мольбы и требования солдатских матерей вернуть сыновей из кровавого Карабаха день ото дня звучали все настойчивей. «Пусть разбираются сами», — так заявляли они на митингах, депутатских сессиях, в письмах.

Сыны вернулись, наконец, из кровавого карабахского излома, где сгнуло немало славных ребят, ни в чем не повинных, пришедших на далекую землю, чтобы защитить мирных людей. В первые годы этой необъявленной войны на здании Степанакертского Дома политического просвещения красовалась кажущаяся нетленной надпись: «Да здравствует марксизм-ленинизм — вечно живое интернациональное учение!»

Когда последний солдат покидал это здание, надписи над Домом политпроса, четыре года служившим казармой солдатам внутренних войск, уже не было. Как давно не стало и интернационализма в этих горах.

Остались его островки — живут смешанные армяно-азербайджанские семьи, дружат соседи — побратимы той еще войны. Но все же слишком часто и в армянских, и в азербайджанских селах приходится с болью в сердце слышать голос кровной мести: «Внуки моих внуков будут мстить...»

И потому в войсках, смертельно уставших от этого нескончаемого противоборства, с облегчением восприняли приказ «Уходить...» С облегчением относительным, потому что в сердцах солдат и офицеров останется навсегда горечь невосполнимых потерь (наших воинов убивали и армяне, и азербайджанцы), не пройдет и обида из-за непреходящих националистических амбиций двух народов. Мальчики из внутренних войск, поседевшие в свои восемнадцать лет при виде пылающих домов и зверски изуродованных трупов, останутся в недоумении — почему «всесильные» президенты, на которых столь долго уповали все и вся, не сумели примирить обезумевших. Почему бывший президент бывшего Союза, так и не научившийся выговаривать название Республики Азербайджан, с легкостью передоверил решение конфликта российскому и казахстанскому лидерам, а сам поспешно умыл руки? Не до Карабаха, видно, было, куда страшнее для него и домочадцев показалось трехдневное «заточение» в Форосе.

Ладно хоть достало совести у «архитектора» и «подрывника» перестройки не без

влияния народного мнения воздать должное героям закавказской войны; но по-прежнему маскируют ее под «международный конфликт», «вооруженные столкновения» и т. д., и т. п. Три защитника своего «Белого дома» стали Героями Советского Союза в одночасье. А представление на звание Героя Советского Союза лейтенанту Олегу Бабаку, погибшему в неравном бою в Закавказье, ходило в высоких инстанциях полгода, хотя именно такие воины, как этот двадцатичетырехлетний украинский парень, — настоящие Герои Советского Союза. Именно так и написано на Золотой Звезде № 11661 — «Герой СССР».

Геройски воевали в Карабахе десятки и сотни воинов внутренних войск. И делали вполне сознательно правое дело, потому что видели — защищают мирных жителей от бандитов. Почему же тогда столь стремительно ушли? Да потому, что политики хотели использовать союзные силы вопреки каждому только на своей стороне. Союз распался. Вожди и вождишки стараются как можно быстрее, нахраписто и дерзко заполучить в свое распоряжение вооруженные силы, в том числе даже военный флот. Обеспамятев, крушат границы с иностранными государствами и воздвигают их между братскими прежде республиками. Что остается внутренним войскам? Быть мелкой разменной монетой в большой игре новоявленных доморощенных властителей? Хватит!

Многочисленные иностранные корреспонденты, бывавшие в Карабахе, откровенно восхищались мужеством, великолепной выучкой, выдержанностью наших «красных беретов». И в один голос утверждали, что в зоне конфликта не нужны никакие «голубые каски» ООН. А самые крикливые из бывших «наших», оседлавшие свои суверенные республики, до сих пор не перестают уповать на посредничество ООН. Ладно поживем — увидим.

Карабах наш, похоже, затмил своей печальной славой и Ливан, и Ольстер. Грядущая гражданская война в Югославии, и ее тут же окрестили «еще одним Карабахом». А еще стали называть Карабах «нашим карманным Афганистаном».

И потому говорим мы с облегчением и горечью: «Мы ушли из Карабаха». Потому что смертельно устали на этой войне. Потому что потеряли там многих своих товарищей.

Тимофей СИБИРЦЕВ.

Подполковник А. КАРЕВ

«Я из Подгоричей» — так назвал свою первую поэтическую книгу, вышедшую в минувшем году в Москве, подполковник Алексей КАРЕВ. Вместила она, разумеется, не только память детства, прошедшего в калужской деревушке, но и всю последующую жизнь, тревоги двадцатилетней службы во внутренних войсках.

РОССИЯ

«...В Россию можно только верить».
Ах, Тютчев, это словеса.
Что, так вот взгляд

в просторы вперить
И верить, верить без конца?

Ждать с тем «томленьем упованья»,
Когда воспрянет ото сна?
Нет, Пушкин, это волхвованье,
Века прошли — все спит она.

Она воспрянула б. Едва ли
Жила б от горя до тоски,
Когда б ей веру не меняли,
Как мы меняем пиджаки.

Цари — во мгле. Иных — не стало.
Кого винить? Спросить с кого?
Россия, Русь, как ты устала
От безрассудности всего.

Тебя ломали, гнули, били,
Губили все — и те, и те.
Вели как будто к изобилью,
А притащили к нищете.

И что теперь? В чужие двери
Стучаться с нищенской сумой?..
«...В Россию можно только верить».
Во что же верить ей самой?

Ветрено. Серо и сыро вокруг,
Сиро в родимой моей стороне.
Темные липы толпою старух
Жмутся к облезлой
церковной стене.

Песен раздольных
давно не слышать
Здесь, где когда-то звенели они.
В окнах слепых закованных хат
Гостеприимно не вспыхнут огни.

Не утихает щемящая боль,
Соединившая все времена.
Родина — вечная наша любовь,
Родина — вечная наша вина.

РУБЕЖ

Вот и юность моя позади.
Что-то холодно стало в груди,
Что-то пусто мне на рубеже,
Где меняют «еще» на «уже».

Добрый свет путеводной звезды,
Укажи верный путь из беды.
Одиноким откликнулся свет:
«Я-то есть, а звезды больше нет».

ТУРУНЬЯ

Снова память свое взяла.
Как живешь теперь, Турунья,
Помнишь, ты меня приняла,
Словно темная полынья?

И барахтался я, как мог,
Выгребая на зов судьбы,—
В круговерти твоих тревог
Не такие трещали лбы.

Но на помощь пришли друзья.
Кем бы в жизни я стал без них?
Помнишь, Нижняя Турунья,
Поседевших друзей моих?

Слышишь, в чутких твоих ночах
Посреди вековой тайги
До сих пор в караулах звучат
Полуночные наши шаги.

Мы умели жить без вранья
И своих не подрубим корней.
Не кончается в нас Турунья,
Потому что начало в ней.

РАЗЛУКИ

Не сойти мне
с предназначенного круга —
Самолеты, вертолеты, поезда.
Нас опять крадет разлука
друг у друга
На неделю, а как будто навсегда.

Значит, вот она,
судьба у нас какая —
Встреч мгновенья, поцелуи на бегу.
Привыкаю к расстояньям,
привыкаю,
К расставаниям привыкнуть
не могу.

Так и жить нам, дорогая,
так и мчаться.
Тихо в память осыпаются года,
И на части делят,
делят наше счастье
Самолеты, вертолеты, поезда.

* * *

Ты прости меня, мама, за это —
Что в твое далеко не спешу,
Слишком долго мотаюсь по свету,
Слишком коротко письма пишу.

А твои одинокие ночи
Все летят и летят издали.
Снова слышу: «Ну как ты, сыночек,
Знать, объехал уже полземли?»

По тебе, мой родной, все жалкую —
Много ль выпало счастья в судьбе?
И зачем ты дорогу такую
Беспокойную выбрал себе?

Я все думаю, был бы ты дома.
Столько лет уж разлуку терплю.
Обучился бы на агронома
И ходил себе кум королю...»

А потом про какого-то Колю:
«Знать такая его колея —
Он, посмотришь,
при галстукe в поле.

Агроном!..»
Мама, мама моя!

Вновь я вижу тебя на пороге
На исходе осеннего дня.
Ах, как эти неровные строки
Каждой буковкой ранят меня.

Ты прости меня, мама, за это —
Что в твое далеко не спешу,
Слишком долго мотаюсь по свету,
Слишком коротко письма пишу.

ПРЕДЗИМЬЕ

Мостит мороз пруды у берегов,
Холодный свет зари
в окно струится,
И белизна берез готова слиться
С лихим набегом будущих снегов.

Как хорошо промерзшею тропой
Бродить по этим тихим перелескам
И слышать, как порою под ногой
Сухая ветка отзовется треском.

Здесь думы, словно небо, высоки.
А больше ничего мне и не надо.
День будет добрым.
Вдаль из-под руки
Гляжу, гляжу —
и не хватает взгляда.

Александр ГОРЛОВ

ОДНАЖДЫ В АВГУСТЕ

рассказ

ПРОЗА

Рис. В. ЛОПАТЫ

ПРИГЛУШЕННЫЙ смех послышался откуда-то из беседки.

— Нет, ты только посмотри на него, Ваха, он уже земляков нашел.

— А что ты удивляешься, Сергей у нас парень коммуникабельный.

Голоса были незнакомыми. Ребят своей роты капитан Звонов знал. И потому с любопытством подошел к приоткрытому окну. Так и есть, новички-сержанты, которые вчера поздно вечером приехали со старшиной роты. Один из них должен быть командиром отделения служебного собаководства, другой — санинструктором и третий — обещанный командиром полка вместо убывшего в военное училище сержанта Веревкина — командиром отделения.

«О-о, да их, оказывается, четверо! — удивился Звонов. — Кого же еще прислали!»

Трое из прибывших сидели, а еще один стоял посередине беседки. Он-то в основном и говорил.

— Я вот думаю, почему Серега такой коммуникабельный?

Но Сереге, похоже, наскучил треп товарища:

— Вот ты, Вадим, считаешь себя эрудитом...

— Только после тебя, — вставил тот.

— Так вот, верно ли, что труба может пропустить воды столько, сколько позволяет сечение?

— Физика на уровне восьмилетки! — огрызнулся Вадим. Видно, Серега его достал.

«Они, похоже, остроют, чтобы притереться друг к другу», — почему-то решил Звонов и поймал себя на мысли, что прислушивается к их разговору, словно уже сейчас, сразу хочет понять, кто из них чего стоит.

А Серега продолжал между тем:

— Ты знаешь, Вадим, что ответил Стефенсон, когда его спросили, какое изобретение после паровоза он считает великим? Вадим пожал плечами.

— Так вот, Стефенсон полагает самым великим после паровоза изобретением вагон-ресторан.

— Я всюду в обороне: в учебке, сам знаешь, круговую от старшины держал, сюда приехал, думал все, хана, завязал с оборонкой, а ты и тут меня достал, — полусерьезно-полушутя сказал Вадим. — А все потому, что однажды принял опрометчивое решение говорить правду.

— И тебя поразила молния! — съязвил Серега.

— Мне просто перестали верить, — со вздохом произнес Вадим.

— А знаешь отчего?

— Интересно.

— Оттого, что не перестал выполнять человеческие обязанности.

— Какие же?

— Говорить правду. Помнишь, кстати, чьи это слова?

— А то как же? Пралорщика Северцева...

Последние слова капитан Звонов воспринял с какой-то необъяснимой обостренностью. Северцев... Для этих ребят он, быть может, и зануда, и придира, каких во всем свете не сыщешь, а для него...

Звонов улыбнулся. Костя Северцев... Тот самый Костя, который тогда, в первую курсантскую стажировку, преподал ему урок службы, а заодно и человечности.

Полезное это занятие — вспоминать, как бы заново переживать прошедшее. Вот будто сейчас говорит ему Костя:

— Ты тут, курсант, человек временный... Покомандовал, в конспекты глядячи, и обратно за парту. А мы здесь, у этой зоны, останемся. У нас тут жизнь посложнее, чем в книжках твоих написано.

Северцев... Костя Северцев... Не сразу они подружились. И как знать, подружились ли бы вообще, не испытай их тот давний засушливый август.

Именно тогда Звонов впервые узнал, что такое верховой. Слышать об этом и раньше доводилось, но, оказывается, это все не то, совсем не то. Теперь же он любому докажет, что самое страшное — верховой пожар.

Пляшет пламя. Корчится в муках тайга. Треск деревьев, тяжелый внутриутробный гул земли, вой отчаявшегося спастись зверья — все это сливается воедино, превращаясь в оглушительный и протяжный стон. Жирные языки пламени мечутся по кронам деревьев. Секунда, другая — и вот уже огонь со скоростью пассажирского поезда свищет по макушкам вековых сосен, лижет седые кедры, проглатывает остроконечные шапки вчера еще голубых елей, фронтами взмывает к небу, с воем расплескивая по ветру кровавое пламя.

Прожмыгнул матерый волк с обгоревшим хвостом, с разлету на него наскочил заяц, но не испугался, не сжался в комок от страха быть разорванным в клочья и даже не уступил дороги. Через чащу березок очумело бежит лось с обломанными рогами, а рядом, тяжело сопя и высоко задрав морду, все время натываясь на деревья, продирается медведь. Редкий зверь и редкая птица выходят живыми из этого крошечного ада. Одно благо — такой пожар редок. Для него нужен и сильный ветер, и жаркое лето, и большое нетронутое лесное поле.

Верховой не бывает долгим, погудит час-другой и уляжется, спрячется в обугленных уже стволах, в хвойном подстиле, зароемся в иссохший торф и тлеет, дымит часами, сутками — до сильного дождя. Да беда, коль дождя нет: подберется огонь к нетронутому лесу, змейкой вползет на смолистую сосну — и вздрогнет она так, что далеко вокруг посыпятся огненные ее иглы, и снова запрыгает, загудит неистовый верховой.

Знают опытные таежники и коварство подземного огня, когда горит высохший за лето болотный торф. Здесь ни треска, ни гула, ни яркого пламени. Только стоит над пожелтевшим, с кривыми, чахлыми сосен-

ками, кочковатым полем слюдная дымка, да изредка покажется бесцветный огонек, полижет вечно сырой мох и пропадет, оставив черное пятнышко. Между тем, внизу, в торфяных ямах, порой на несколько метров вглубь плавится торф. И температура там не высока — градусова четыреста, и ползет огонь медленно, не прожигая даже верхнего, зеленоватого в любое время слоя, но ступит на такое место ошавший от треска верхового лось — и обвалится под ним выгоревший изнутри слой, рухнет вниз перепуганное животное, только вырвется наружу сноп черной сажи да два-три красноватых языка пламени, — и снова все тихо, спокойно над болотом.

ВЕСЬ МЕСЯЦ тогда горел лес. То замирая, то вспыхивая с новой, неистовой силой, носился огненный вихрь над тайгой. Лесники подсчитывали гектары, уже потерянные в огне, охотники сетовали на распуганную дичь и испорченный сезон, местные жители вспоминали пропавшие ягодные пади и грибные долины. Одни видели причину пожара в небрежности охотников, другие кивали на стихию, даже поговаривали, что пожар начался от преступной руки. И только несколько человек могли связать начало пожара с побегом двух опасных преступников из ИТК усиленного режима. Звонов оказался в числе этих немногих. За ночь до пожара он как раз прибыл из училища в роту на стажировку.

После многочасовой тряской дороги хотелось поскорее представиться командиру и отпроситься передохнуть. Но рыжеватый сержант, дежурный по роте, встретивший Звонова на КПП, как-то снисходительно посмотрел на него и поучающе произнес:

— К ротному в таком виде соваться не совету.

— Здорово тут у вас: кедр, ольха — домом пахнет, — стараясь не замечать менторского тона сержанта, ответил Звонов.

— Ну-ну, — хмыкнул сержант.

— Как живется тут вам?

— А как может житься? Полный ажур! Как говаривал один великий человек: жизнь молодая, что тельняшка: то бело, то темно.

— Слушай, тайну не откроешь, кто он? Не ты ли?

— Нет, не я, — со вздохом ответил сержант. — Ну, ладно, хватит трепки. Комната быта прямо и направо. Только с утюгом там не балуй. Ребята вилку распотрошили. Так что осторожнее — шибануть может.

Но привести себя в порядок Звонов не успел. В маленькую комнату с длинным столом для глажения заглянул старшина, низкорослый прапорщик с широким добродушным лицом.

— На стажировку, значит?.. Ждем вас, ждем. И командир ждет, — вместо приветствия начал старшина. — А что вилку починил — молодец.

Прапорщик стрельнул своим острым взглядом по комнатшке, словно почувствовал недовольство стоящего напротив курсанта в трусах и майке, и, не сказав больше ни слова, исчез.

Поговорить с ротным Звонову не удалось. Стремительный и резкий в движениях, капитан вышел из-за стола, поздоровался и сразу же стал извиняться, что он сейчас занят.

— Если не возражаете, чуть попозже мы с вами обо всем переговорим, — только и сказал он.

Мягкий, даже несколько застенчивый тон речи, открытая располагающая улыбка как-то не вязались с порывистостью, резкостью во всей его фигуре. Похоже, капитан был не столько занят, сколько чем-то встревожен. Но это мог бы в полной мере уловить человек бывалый, хорошо знающий службу конвойной роты, охраняющей исправительно-трудовую колонию усиленного режима, А Звонов здесь был человеком новым, для которого и люди, и гарнизон, и ИТК с несколькими рядами колючей проволоки оставались непрочитанной книгой.

В сопровождении все того же рыжего сержанта, который по-прежнему с открытой ухмылкой смотрел на него, Звонов вышел из канцелярии, бросил вещи в указанную ему комнату и спросил, где бы ему подождать, пока ротный не освободится.

— А вот там, за плацем, беседка, — кивнул на окно сержант. — Извини, проводить не могу — пора оружие выдавать.

В казарме уже кто-то звонким голосом кричал: «Дежурный!» За ним второй голос, поглуше, повторил в нетерпении: «Дневальный вызывает дежурного!»

Рота пришла в движение. Бежали, метались по казарме солдаты. Кого-то звали к старшине получить сухой паек. Ефрейтор, по-видимому, санструктор, давал советы молодому солдату, натершему ногу, а младший сержант, по всей видимости, командир отделения, уже торопил новичка и просил медицину оставить свои рецепты на потом.

Каждый был занят своим делом. Только он, Звонов, никак не вписывался в этот ритм, оставался в стороне, наедине с самим собой. Даже на какое-то мгновение ему стало неудобно от того, что он тут лишний и, быть может, мешает, отрывает от своих дел и командира, и старшину, и даже этого рыжего сержанта. Чтобы не мозолил глаза суетящимся людям, Звонов вышел во двор и через плац направился к беседке.

ДВУХЭТАЖНАЯ кирпичного цвета казарма и длинные, обнесенные высоким забором бараки колонии стояли в ложбине, а кругом, насколько хватало глаз, раскинулись поросшие лесом песчаные холмы. На востоке лес был вырублен, а на западе еще горбатились вершины девственной

тайги. Солнце уже спряталось за ними, и все, что оставалось внизу, казалось черным, вороненым, а выше — тянулось бесконечное бледное северное небо. Дул ровный и, несмотря на разгар лета, холодный ветер.

Звонов какое-то время бродил вдоль забора, срывая красные гроздья костяники. Ягоды были недозревшие, в большинстве кислые, но он увлекся ими, и лишь когда посмотрел на часы, сообразил: ходит минут сорок, и наверняка его уже хватились в роте.

Предчувствие не обмануло. Его уже ждали.

— Нагулялся? А командир роты спрашивал, — этими словами встретил его на пороге рыжий сержант.

Звонов вошел в канцелярию, доложил. Капитан посмотрел на него пристально и сказал:

— Вот что, товарищ курсант. Обстановка у нас усложняется, а людей в роте некомплект. В общем, готовьтесь завтра в караул на лесоразработку. Начальником толкового сержанта поставлю, а вы присматривайтесь, следите за обстановкой. Чтобы люди не расхоложивались, посты обходите ежечасно.

Звонов оживился. В каком-то приподнятом настроении шагал он в общежитие — маленький прирубок из трех комнатух в самом конце длинного барака, где жили семьи офицеров и прапорщиков. Сопровождавший его солдат открыл входную дверь, провел в боковую комнату и указал на койку у окна:

— Эта будет ваша. Сосед слева — в командировке. Вчера на сборы уехали еще двое сверхсрочников. Так что вы один тут будете. Смотрите, не проспите.

— Постараюсь, — ответил Звонов.

Но как он ни старался, проснулся, когда уже было около семи. Выбежал во двор, где с вечера заметил умывальник. Плеснул в лицо холодной воды и, покрутив руками для разминки, заторопился в казарму. К стыду своему, он все-таки опоздал, караул уже принимал бригаду под охрану. Наскоро проглотив завтрак, Звонов догнал колонну по дороге в лес. Сзади неторопливо вышагивал рыжий сержант, тот самый, что дежурил вчера по роте.

— Как выспались с дороги, товарищ курсант? — с усмешкой приветствовал он.

— Отлично. Далеко ли идти? — перевел Звонов разговор, опасаясь дальнейших насмешек.

— А вон там, за холмом, километра четыре отсюда, за сопкой — делянка. Дня через три управимся — дальше пойдем.

— А что осужденные, не бегут? — спрашивал Звонов с видом бывалого служаки.

— Всякое бывает. В этом году пока обошлось, хотя бригады здесь подобралась отчаянная. Вон тот, видишь, позади идет, — кивнул он на прихрамывающего плотного мужика, подпоясанного веревкой, — Киселев, бригадир, по-ихнему, бугор. С

него глаз не спускай. Весной я у него карту отобрал и одежонку штатскую. С тех пор невзлюбил он меня — страсть. Засмотрелся я как-то, а он сосенку подпил и толкнул в мою сторону. Едва успел отскочить. А он, Кисель, еще и ругается — не лезь, мол, начальник, в рабочее дело. Так что и ты от них подалее держись, да гляди в оба.

— И ты на него управу не нашел?

— А, не стоит. Бригадир он крепкий, своих в руках держит. К тому же поди докажи, что это он нарочно...

Делянка, куда прибыла бригада, со всех сторон ограничивалась просеками километровой длины. По углам стояли часовые. Перед обедом начальник караула стучал топором по железяке, подвешенной на сосне, и работавшие собирались на площадке для пересчета.

ОТПРАВИВ солдат на посты и отпустив бригаду в лес, Звонов с Северцевым — такой была фамилия сержанта, пошли обходить делянку. Просека была неширокой, и кое-какие места не просматривались, на что курсант и обратил внимание сержанта.

— Убегут? Убежать можно, только недалеко. Тайга кругом — на сотни километров жилья нет. Здесь без оружия да без компаса делать нечего. На опыте проверено.

Они прошли уже два раза круговую, когда солнце поднялось к зениту и высушило росу. Заметно потеплело. Звонов даже вспотел, а от делянки все слабее долетало к ним жужжание пил, стук топоров и шум падающих деревьев. Часовой первого поста, который они миновали несколько минут назад, вдруг что-то закричал. Расстояние было уже большим, и чтобы понять что к чему, им пришлось вернуться.

— Товарищ сержант, кто-то в зону прошел, — волнуясь, доложил солдат.

— В зону? — переспросил Северцев, сощурив глаз.

От этого недоверчивого взгляда начальника караула молоденький солдат вконец растерялся.

— Слушай, Переноскин, — спокойно и отчетливо произнес Северцев, — а ты того, не загибаешь? Может, тебе это почудилось? Ну, говори же.

— Вон там, — заикаясь, с трудом выдал из себя Переноскин, — я заметил: вроде как тень мелькнула.

— Может, зверь какой? — спрашивал Северцев.

— Не, не зверь. Похоже, человеческая тень. — Переноскин указывал на просеку, как раз в то самое место, где из лесу выступало несколько елочек.

На лице сержанта появилась решительность. Он поправил на плече автомат и кивнул Звонову:

— Пойдем посмотрим! — а часовому заметил: — Гляди в оба.

Северцев шагал уверенно, потом вдруг поднял руку, и Звонов остановился, стараясь расслышать что-то подозрительное на делянке. Но сколько ни вслушивался, кроме перестука топоров, звона пил, ничего так и не уловил. А сержант между тем продолжал стоять. Лицо его посветлело, но глаза, излучающие неровный блеск, говорили о растущей нервозности.

Что там? Спросить Звонов стеснялся, и скорее всего от того, что сознавал — сержант промолчит. Это ощущение своей вторичности невольно смутило Звонова. Он чувствовал себя в ту минуту человеком, у которого нет права собственного голоса, а есть только право слушать и делать то, что скажут.

Северцев между тем остановился у елок, нагнулся к земле, снова и снова что-то рассматривал и слегка покачивал головой. Звонов же ничего не видел подозрительного на ровном желтом ковре, расцветченном глянцеvато-зелеными кустиками черники.

— Эге, друг пожаловал. Ну, жди потехи, — шепнул сержант, снял с плеча автомат и, повернувшись к Звонову, вместо каких-либо объяснений приложил палец к губам. Теперь они оба замерли, спрятавшись за ствол сосны, и стояли так, как показалось Звонову, целую вечность. Северцев делал вид, что не замечает взглядов курсанта, хотя стоило Звонову сделать нетерпеливый жест, как он, будто в насмешку, сразу прикладывал палец к губам. Нетерпение Звонова наконец превратилось в человеческий вопль, сменившийся звериным рыком. Потом Звонов услышал, как кто-то ломится им навстречу. Не успел он до конца что-нибудь понять, как на просеку выскочил человек, отчаянно размахивающий руками и почти падающий от быстрого бега. В двух шагах от него вырвалась из-за деревьев бурая туша медведя: в один мах настиг зверь беглеца и накрыл его, подмяв под себя.

Прямо над ухом грянул выстрел, Звонов невольно закрыл глаза. Звук щелкнувшего предохранителя привел его в чувство. Он оглянулся на Северцева. У того загорелое лицо стало бледным, но карие глаза смотрели твердо. Пару секунд он стоял не двигаясь, потом кивнул Звонову в сторону просеки. В десяти шагах от них грудилась волосатая копына. Человека, бежавшего впереди, не было видно. Северцев наклонился к медведю.

— Помоги, курсант, — сказал он с укором, и Звонов бросился на помощь.

Медведь был тяжелым, и они едва стаяли его с несчастным, в котором Звонов узнал осужденного, об опасности встречи с коим предупреждал Северцев. Стеганка его была вся в крови, клочья ваты белели в когтях мертвого зверя. Бригадир лежал неподвижно, уткнувшись лицом в хвою. Северцев перевернул его на спину. Широко раскрытые глаза зека бессмысленно смотрели в небо.

— Живой, однако, — громко проговорил

Северцев. — Вставай, вставай, чего разлежешься?! — крикнул он прямо в ухо лежавшему.

Тот вскопился на непослушные ноги, ошупал себя, испуганно взглянул на распластавшуюся тушу зверя. Потом тяжело вздохнул, сел прямо на землю, вытер мокрый лоб и усмехнулся.

— Ну, начальник, моя жизнь была в твоих руках.

— А чего так? — с хитрецой отвечал Северцев. — Ведь и моя жизнь была в твоих руках, — намекнул он на случай с падавшей сосной. Зек усмехнулся невесело и отвел глаза.

— Ну, давай, бригадир, собирай людей, обедать пора, — сказал ему Северцев чуть погодя. — А медведя я себе возьму — будет на ужин нам жаркое. Эге, да тут, я вижу, и ты руку приложил, — проговорил он, кивнув на зверя.

Теперь и Звонов заметил на спине медведя длинную поротую рану.

— Промажнулся, что ли, бригадир?

— Промажнулся, — устало отозвался тот.

— Целил в лоб, а рука сорвалась, скользнул топор по хребту. Вот и рассерчал хозяйин.

Он еще раз ощупал себя и, убедившись, что цел, снова усмехнулся.

— А и ловок ты, рыжий, стрелять. От тебя не сбежишь.

— Неужто и ты бежать собрался? — лукаво глядя на него, спросил сержант.

— К слову пришлось. Бежать-то мне некуда.

Бригадир встал, встряхнул рваную стеганку и понуро побрел к своим, а Северцев пнул ногой медвежью тушу, сердито бросил:

— Ух и бугор! Если бы я тебя не знал, то мог бы подумать, что ты — змея, пережившая свой яд, как говорят, кажется, индусы. Но ты ведь не такой.

Откуда-то слева послышалось тяжелое дыхание. Сержант посмотрел в ту сторону и молча шагнул навстречу бегущему часовому.

— Ты вот что, — сказал Северцев, — к медведю никого не пускай да смотри как бы под шумок не случилось чего.

Они прошли до перекрестка просек и сели на сваленный ствол. Северцев достал флагу, глотнул остывшего чая.

— Если б мы подняли шум, когда следы увидели, мишка с испугу мог бы в зоне «котлет» наделаться. А так он сам людей учуял, вернуться хотел. Откуда на его пути бугор оказался, для меня загадка. Слишком близко он от просеки что-то гуляет. С чего бы? — обратился он к Звонову, словно угадывая вертевшиеся и в его сознании вопросы. Курсант пожал плечами.

— Вот и мне тут что-то непонятно. Ух, и устал же я, — потянулся сладко Северцев. — Ну, думаю, вдруг шлепнул не мишку, а человека! Жалко зверя, но что поделать, если надежда только на автомат и оставалась. — Он погладил исцарапанный приклад и поднялся.

— А побег на самом деле тут невозможен? — спросил Звонов.

— Этот вопрос не ко мне, — ответил Северцев.

— Но почему же?

— А потому, что об этом лучше бы бугра спросить. Он знает, что возможно, а что напрасняк. Я только одно могу заметить — в их понимании невозможного нет. Недаром же говорят: утопающий за соломинку хватается. Хотя, — вдруг махнул рукой сержант, — они все одно правду не скажут. Я вот этого самого бугра как-то пытаю: мол, у тебя же не первая судимость? «Да, — отвечает он спокойно, — был грешок». «И какой же?» — мне любопытно стало, что он скажет. И что, ты думаешь, он сказал? «Тянул, говорит, я то молодости». Я делаю вид, что не понимаю. Мол, чего тянул? Он на меня как на пухляка зеленого «высока посмотрел. «Срок тянул, — говорит. — Два ящичка с бразильским кофе с машины скинул. Грузчиком на базе райпотребсоюза тогда был.

Не работа, а кайф. Каждый день нос в табаке, а душа водочкой согрета».

Двойное чувство было сейчас у Звонова по отношению к Северцеву. Всего несколько минут он испытывал ощущение нарастающей неприязни к этому несловоохотливому, но хорошо знающему себе цену парню. Даже это его «ты», на которое он старался не обращать внимания, произносилось с залихватской самоуверенностью, нарочито фамильярно. Но, как ни странно, он, Звонов, исполняющий обязанности командира взвода, не чувствовал в себе внутренней силы, чтобы одернуть, поставить на место Северцева. После истории с медведем, а которой (а он это отчетливо понимал) выглядел не с самой лучшей стороны, это и вообще стало неловко. Ему казалось, что теперь Северцев будет с ехидцей относиться к нему, подкалывать по поводу и без повода, мол, так испугался, что забыл об оружии. Но сержант, как ни странно, и вида не подал, что видел растерянность Звонова. Вдруг ни с того, ни с сего он заговорил о своей нервозности:

— Это у меня оттого, что адреналина перебор в организме.

Видимо, он вычитал, а может, от людей, на его взгляд, компетентных услышал, но произносил это как аксиому.

«А ты не такой уж простачок», — подумал Звонов, а напрямую заметил:

— По-моему, у тебя, Константин, железные нервы. Не знаю, при чем тут перебор адреналина.

— Железные?! — изумился Северцев. — А разве это хорошо? Железо быстро покрывается ржавчиной. Вообще, если откровенно, невезучий я. От самого рождения. Мама говорила, что у меня долго не было зубов, ходить я начал только в полтора года, а в два проглотил медную монету. Да и в военкомате в десантники меня приписали, а послали зексов охранять. Хотя, знаешь, что меня тут захватило?

Звонов с любопытством посмотрел на разговорившегося собеседника. Северцев все больше и больше начинал ему нравиться.

— Жизнь тут открытая, без прикрас. Людей хорошо видно. Вот есть у меня во взводе святая троица. Из хороших семей ребята. У одного отец врач, у другого — историк, профессор, а третий сам со второго курса политеха ушел. Но послушай их — и то не по ним, и это не так. Твердят, мол, человек в армии усреднен, должен знать от сих до сих и действовать соответственно. Равнодушие так и прет из всех щелей. Служба их, видите ли, оглуляет. А по-моему, они ее просто боятся и ненавидят.

— Я не понимаю, к чему ты клонишь, Костя? — спросил Звонов.

— А к тому, что часовой, который блатим матом кричал, испугавшись медведя, как раз один из этих. Я бесстрашным не верю. Я верю тем, кто боится, а дело делает. Вот ты, к примеру, не меньше

моего напугался. Правда, не выстрелил, но за автомат-то все же схватился, а это в такой ситуации уже немало.

Кровь прихлынула к лицу Звонова. Что он говорит? Какой автомат? Но события постепенно стали восстанавливаться. Верно, он сорвал с плеча автомат. Почему не выстрелил!..

— Не казни себя, курсант, ты правильно поступил. Стрелять тебе и не нужно было, а вот подстраховать меня ты был готов, не то, что тот хмырь из святой троицы.

В ОБЕД, пересчитав бригаду (а делал это Северцев скрупулезно), сержант сказал бригадиру:

— Медведя освежевать надо. Мясa возьми и на бригаду, как-никак, мишку завалили вместе. Только смотри, чтоб костров не разводили безголово. Ветер поднимается, пожар надевать можно.

Звонов посмотрел вверх. Действительно, небо затянуло тонкой, высокой, мутноватой пеленой, вершины сосен мерно раскачивались из стороны в сторону, и на тайгу с нарастающей силой напывал тревожный шум.

Бригадир кивнул согласно. Вскоре шкура уже висела, распятая на сучьях, а медвежatina ароматно парила в котле.

Через час ветер заметно усилился. Сержант с тревогой поглядывал то на небо, то на лес. Неожиданно где-то совсем рядом едко пахнуло горелой смолой.

— Ну, начинается, — глухо сказал Северцев, оглядываясь на Звонова. — Беги к рельсу, собирай бригаду, я часовых предупрежу. Кажись, запалили-таки воры лес. Быть беде.

Звонов бросился к площадке, ударил в железяку. Звук ее, так хорошо слышимый раньше, сейчас тонул в гуле скрипящих от ветра лесин. Но курсант колотил и колотил, и постепенно работавшие на делянке люди стали стягиваться к площадке. Когда собралось большинство, он бросил топор и пошел за сержантом. Тот стоял на просеке и хмуро смотрел в тайгу.

— Опоздали мы, товарищ курсант. Смотри, — кивнул он в сторону делянки, где над густыми зелеными кронами вился пепел, обломки ветвей взлетали вверх и неслись над ними.

— Верховой. Как часовые сойдутся, строй бригаду и бегом в поселок. Если никто не сбежит сегодня — наше счастье.

На площадке жалась кучкой встревоженные лесорубы. Северцев пересчитал их несколько раз. Двоих не хватало. Кто-то предложил пойти поискать, но сержант осадил: ясно было, что пожар начался не случайно.

Черный дым вился над лесом и двигался на восток, в ту сторону, где была казарма.

Северцев отозвал Звонова в сторону. — По положению вы здесь старший, — неожиданно начал он, — но обстановке

складывается так, что принимать решение и командовать как начальнику караула мне.

В том, что Северцев вдруг перешел на «вы» и заговорил о старшинстве, чувствовалась его решимость в эти тревожные и не до конца понятные Звонову минуты не просто взять всю полноту ответственности на себя, но и опереться на его, Звонова, должностной авторитет.

Караул подчинен Северцеву и выполнит без колебаний его любой приказ. Зачем тогда обращается к нему? Просто заручиться поддержкой? Нет, Северцев не такъв, чтобы, сказав «ка», тут же выдохнуть «б», значит, он что-то задумал, и именно такое, когда не для красного словца, а на самом деле крайне необходима определенная позиция Звонова.

— Что ты предлагаешь, Константин?

— Все на свете можно исправить, кроме смерти, — неожиданно сказал Северцев.

— Не понимаю, к чему это?

— Все к тому же, вам принимать решение.

— Я готов...

Звонов внимательно смотрел на вспыхивающее острыми оспинками чуть золотистое лицо сержанта. Что он надумал?

— Константин, знаешь, какой самый древний способ убеждения людей?

— Интересно, — оживился Северцев.

— Это способ убеждения силой.

— А что, верный способ! — явно с облегчением подхватил Северцев. — Так мы и поступим! Эти двое, конечно же, дали тягу. Надеются уйти под прикрытием огня. Чтобы их задержать, нужно преследовать хотя бы вдвоем. — Он вздохнул. Но тут же снова заговорил: — Боюсь, что беглецов сразу не взять. Поступим так. Вместе с составом караула вы поведете бригаду. Через километр начнется вырубка, там пожар вас не достанет.

— Ты что же, пойдешь один?

— Другого выхода нет. Местность мне знакома. Конечно, лучше бы взять еще кого-то, но вам тогда бригаду не довести. Пожар этих бандюг на самое крайнее может подтолкнуть. Так что... Я пойду на Туманово. Огонь туда скоро не придет, конечно, если ветер не переменится. Ротного попросите подмогу прислать.

— А если ветер переменится? — настоятельно спросил Звонов.

— Тогда им крышка.

— А тебе?

— Ладно, не будем гадать. Как-нибудь выкручусь, и не в таких переделках бывал.

Звонов стоял, терзаясь сомнениями.

— Быстрее, курсант, не тани, — поспешно произнес Северцев, заметив его колебания.

— А что тут тянуть, — вздохнул Звонов, — коль другого выхода нет.

— То-то и оно, что нет, — подхватил Северцев. — Молодец, что понял это.

Звонов почувствовал, как тяжелая пятер-

ня сержанта в знак признательности сжал его руку.

— Новичков, ко мне!

Остроносый ефрейтор, который все это время деловито покрикивал на столпившуюся, начавшую галдеть бригаду, не заставлял себя ждать.

— Слушаю, товарищ сержант.

— Вы поступаете в распоряжение курсанта Звонова. Задача — доставить бригаду на вырубку! Никакой нервозности, времени достаточно.

Новичков выдохнул: «Есть!» и так же быстро, как и появился, отступил в сторону. А Северцев поправил автомат, еще раз стиснул руку Звонова и шагнул к узкой и светлой полоске, которая еще была просекой, а что будет с ней через десять-пятнадцать минут, предугадать, видимо, не взялся бы никто, в том числе и сам Северцев.

НОВИЧКОВ, в голову колонны — крикнул Звонов.
— Слушаюсь, — бойко отозвался ефрейтор и кивнул своему соседу, в котором Звонов узнал того часового, которого напугал медведь.

«Интересно, он его специально с собой взял или по расчету так положено?» — думал Звонов, наблюдая, как солдаты споровито занимали свои места.

Бригада перестала галдеть. Осужденные настороженно посматривали в его сторону, ожидая долгожданной команды. Это был тот случай, когда караулу не надо подгонять осужденных. В иной обстановке было бы безрассудно слабому идти рядом с сильным, авторитету протягивать руку новичку, чтобы тот быстрее поднялся и шел в колонне. Но сейчас все понятия перемешались: отставших тут не могло быть. И бригада спешила.

Звонов, выставив двух солдат по обочине просеки, сам с коренастым узбеком, плохо говорившим по-русски, но отлично понимавшим команды, пристроился позади колонны.

Новичков задал высокий темп. Но никто не роптал. Десятки людей дышали в такт, словно заработала кузня, мощные меха которой вбирали воздух, чтобы тут же со свистом выпустить его обратно. Треск огня все отчетливее слышался позади. Но дым настигал колонну с еще большей скоростью. Стало тяжело дышать, Звонов почувствовал это по себе. А уж если ему, первозряднику по бегу на длинные дистанции, хочется остановиться, перевести дух, то каково сейчас Новичкову или этому узбеку, не говоря уже о зеках, большинство из которых по возрасту годятся им в отцы.

Где-то впереди сквозь треск сучьев слышался звонкий, мальчишеский голос Новичкова:

— Не отставать!

— Земляк, держись, слышишь, ефрейтор что говорит, — подбодрил Звонов узбека,

схватившегося за грудь. — Потерпи, уже немного осталось.

«Немного» — это он выпалил так, для поднятия тонуса, а вообще, как ни прикидывай, впереди оставалась еще большая часть пути.

Темная пелена дыма вдруг поглотила все вокруг.

— Земляк, как дышишь? — позвал Звонов узбечонка.

— Дышу, мал-мал.

— Ну, молодец.

Огонь напирал уже с двух сторон, дороги совсем не стало видно. Кто-то в колонне истошно кричал. Его голос пытался перекричать отборный мат. Новичков время от времени подгонял бегущих. Он, Звонов, откликаясь на призывы ефрейтора, тоже покрикивал на них, приказывая подтянуться и не растягиваться. Конвоиры на флангах также подавали голоса. И вся эта бегущая, тяжело дышащая колонна то рассыпалась на звенья, то вновь соединялась, все более превращаясь в толпу, обуянную тягой выйти из страшной полосы дыма и огня.

Сказать, что чутье и страх гнали колонну в верном направлении — значит сказать полуправду.

Сказать, что долг, ответственность конвоиров решали тут все — опять-таки покривить душой.

Одно только ясно ощущал Звонов: команды конвоиров помогали им утвердиться в своей силе, и это единственно, что еще удерживало осужденных от желания спастись кто как может, забывая об отставших, переступая через слабых.

Люди уже совсем выбились из сил, когда вдруг светлая полоска повисла сначала где-то сверху, а потом начали различаться верхушки деревьев, проступать силуэты людей, и стала видна вся колонна, охрипшая, зачумленная и доведенная до последней степени отчаяния. Еще минута гонки, и зеки, и старающиеся держаться поодаль от них конвоиры оказались на вырубке.

Люди валились с ног от усталости, но останавливаться тут было нельзя — слишком велик риск. И первое, что сделал Звонов, — проверил оружие.

— В порядке, товарищ курсант, — доложил ефрейтор Новичков, — ребята привычные.

— Пострадавших нет?

— Если студент в порядке, остальные, считай, в норме, — кивнул Новичков в сторону Переноскина; до неузнаваемости перемазанного сажей.

ЖАР, ПОДГОНЯВШИЙ в спину, заметно спал, двигаться стало легче. Солнце, казалось, уже село — так темно было вокруг. Небо, затянутое черным, злое еще мерцало. Звонов с тревогой думал о Северцеве, надеясь только на то, что ветер будет устойчивым и Константин успеет выйти за фронт огня.

Но, как выяснилось, судьба была против него: спустя полчаса ветер задул конвоирам в лица и пожар стал удаляться на Туманово, где Северцев намеревался встретить беглецов.

В поселке уже забили тревогу. Черные тучи с кровавыми отблесками были замечены, и люди беспокойно смотрели в сторону приближающейся колонны. Огонь не грозил им: между лесом и поселком тянулся песчаный косогор с редкими молодыми елями, а еще ниже струились ленивые воды неширокой таежной речки. Но пожар в этих местах всегда бедствие, которое не кончается легко. Вот почему он так тревожил местных жителей.

У входа в поселок бригаду встретил капитан.

— Люди все на месте? — были первые его слова.

Звонов сбивчиво рассказал о случившемся. Ротный выслушал молча, не перебивая.

— Северцев, значит, остался, — проговорил он сумрачно и, чертыхнувшись, коротко распорядился: — Ведите всех в зону, радисту скажите, пусть бьет шифровку в часть: пожар и побег.

В ту ночь в поселке и колонии никто не спал. На западе то вспыхивало, то затухало мрачное зарево. Едкий запах горящей хвои щекотал глаза, забирался в горло. Звонов чувствовал, что в роте было не до него: все делали свое, как видно, привычное дело молча, без суеты, о его существовании словно забыли. Все чаще и чаще звучало: «Северцев, Северцев, Северцев...» Лишь когда прибыл вертолет с командиром части, вспомнили о Звонове. Седоватый полковник, выслушав его рассказ, сухо сказал:

— Переоденьтесь, курсант, и — в машину.

Тут только Звонов заметил, что его отглаженное накануне «хебе» почернело от сажи и прожжено во многих местах. Он побежал к старшине переодеться, и вскоре оглушительно тархтящий вертолет уже нес его над задымленными лесистыми склонами.

Они держались кромки огня метрах в двухстах над тайгой, но и сюда долетали обгорелые сучья. Лес дымил внизу на много километров вокруг. Капитан что-то показывал пилоту, и вскоре они обогнали пламя. Под ними лежало желтое, иссохшее за лето болотце. Вертолет снизился, выбирая место посадки, когда навстречу вырвался зеленый огонек ракеты.

— Северцев! — с радостью и облегчением воскликнул капитан. Вертолет покачнулся и тяжело спустился в мох.

Северцев вышел из леса. Лицо его осунулось и было черным, как у негра. «Хебе» кое-где превратилось в клочья, а рыжий чуб, осмоленный со всех сторон, лип ко лбу.

— Товарищ полковник, преследую бегжавших. Сейчас они, должно быть, за тем болотом, на сопке. Утром их видел, но далеко были, не достал, — срывающимся голосом докладывал сержант.

Командир части, выслушав его, молча кивнул головой. Потом повернулся к капитану:

— Накармите сержанта, и — в роту.

— Товарищ полковник, разрешите остаться, — возразил Северцев. — Я их обойду справа. Места мне знакомы. Им здесь или вперед идти на наши посты, или вернуться вдоль болота, где я их и подожду.

Полковник посмотрел на него оценивающе.

— А не устал?

— Так и они ж устали. Мне вот курсанта в напарники да флягу с водой — поймем.

Командир полка смотрел на Северцева с недоверием.

— Как у вас просто, товарищ сержант. Вы устали, они устали, как говорится, баш на баш. Сбежавшие преступники — оба отпетые рецидивисты, мокрушники. Они, надо полагать, к побегу готовились основательно. Вот вы со скудным суточным пайком в розыске оказались, а те, наверняка, могут не одну неделю блуждать по тайге.

Широкие ноздри Северцева раздвинулись, губы от обиды мелко-мелко задрожали:

— Я, товарищ полковник, даю отчет своим словам.

— Ну, не надо обижаться, сержант. Я верю вам. Товарищ курсант, как ваша фамилия? — неожиданно командир полка обратился к Звонову.

— Курсант Звонов, товарищ полковник.

— Вот что, курсант Звонов, у сержанта Северцева хорошая задумка. Я поддержал бы его просьбу, но как вы сами на это смотрите?

— Постараюсь оправдать доверие, товарищ полковник.

— А мне старания мало, курсант Звонов. Я хочу, чтобы вы оправдали доверие.

— Оправдаю, товарищ полковник!

— Вот это другое дело! Желаю удачи, — командир полка пожал ему руку, а потом повернулся к Северцеву: — Мы предупредим посты на той стороне, а вам навстречу вышлем поисковую группу.

— Спасибо, товарищ полковник, — ответил Северцев.

— Ну, а от меня спасибо услышите, когда задержим беглецов.

Вертолет взмыл вверх и вскоре исчез за гарью.

4 ТО, НЕ ОЖИДАЛ! Удивил я тебя своей просьбой? Небось в «вертушке» интересней кататься? — Северцев сделал несколько жадных глотков из фляги и не без сожаления вернул ее Звонову.

— А бутерброды? — ушел от ответа тот, открывая сумку из-под противогаза, которую ему передал у вертолета командир роты.

— Спасибо. Только давай присядем вместе, подкрепимся, да и осмотримся основательно.

— Куда пойдем?—спросил Звонов, видя, что Северцев молча и встревоженно смотрит на болото.

— Да тут недалеко. Обойдем вот этот лоскуток воды.

— А чапчаник нельзя?

— Не терпится?! Помнишь, я говорил, что все можно исправить, кроме смерти. Так вот, нельзя прямо-то, вишь, как горит.

Звонов пригляделся. Действительно, над редкими корявыми сосенками, кое-где утыканными желтое неровное поле, стояло легкое марево. Казалось, что сам воздух струится вверх, а деревца словно танцуют на месте какой-то замысловатый танец.

— Это торф снизу занялся, — пояснил Северцев. — Пламени нет, а шагнешь — гибель. Провалишься прямо к черту на рога...

Они лежали на жесткой сухой траве, вдыхая тяжелый, полный гари воздух. Северцев не без труда боролся с дремотой, одолевавшей его после бессонной ночи.

— Куда они рванули? — спросил Звонов.

— Сам думаю — куда? А главное — за чем бугру бежать, не разумею. Вот скажи, что бы ты делал, если бы у тебя было много денег?

Звонов повел плечами, потом, ухмыльнувшись, ответил:

— Откуда им взяться, большим деньгам? Отец у меня работяга, мать медсестрой работает. Сам до училища на заводе вкалывал.

— А ты все-таки представь: у тебя большие деньги. Скажем, трижды подряд по лотерее выиграл.

— Если по лотерее, — с улыбкой ответил Звонов, — тогда можно.

— И как бы ты с ними поступил?

— Как в той сказке, — шутливо отозвался Звонов, — купил бы корову.

— А потом?

— Поменял бы на барана, барана на петуха и так далее.

— Вот видишь, для тебя проблема, куда деть эти деньги. А для бугра нет проблем, тут для него дело ясное. Деньги у него припрятаны, не дают ему покоя. Мечтает хоть день, а пожить на славу, на дармовщинку, не то, что ты или я.

— Какая уж тут слава — прятаться потом всю жизнь? — возразил Звонов.

— Оно конечно. Ну, фак все одно думает он: оставшиеся шесть лет отсидки — ого сколько! Бойтся не дотянуть. Это он мне сам сказал как-то. Сын у него растет, а отца не знает. Письмо мне пересказывал, плакал.

— А может, просто врал, разжалобить хотел?

— Может, и так, хотя вряд ли, — ответил Северцев. — Говорил он мне тогда, помнится, что к преступникам нельзя подходить с одной меркой. Я ему, мол, для солдат вы все одинаковы! — осужденные и только. «Вот и жалко», — возразил бугор. «А что жалко?» — «Да то жалко, что не преступни-

ки мы перед обществом, перед людьми». — «А кто же?» — «Жертвы тщеславия». «Какого тщеславия?» — спрашиваю. «Иллюзиями я жил... Не знал, что к чему. А остановиться вовремя сил не хватило». «И что же, общество теперь виновато?» — спрашиваю. А он мне: «При чем тут общество, когда дело в законе. Люди знают, что человек в беде лучше становится. А закон, он глух...» Словом, винит он закон, что не дает ему шанса на снисхождение: «Выпустили бы меня сейчас, завязал бы сразу». А я ему: «Сколько выпускали, по амнистиям всяким, только завязывал редко кто». Думаю, что тогда он и раскрылся: нечего, мол, мне теперь терять, для сына я уже давно потерянный. Озлобился. Возможно, и действительно терять ему нечего. Вот и смекай, курсант, кто перед нами и на что способен.

Северцев снова взял флягу, отпил два глотка и встал.

— Пошли, что ль, а то засну. Вон наше место, — махнул он рукой туда, где болото сужалось и клином входило к заросшим лесом сопкам. — Там место узкое, а дорога им только туда. Бугор-то не дурак, вертолет увидел, наверняка не пойдет в ту сторону. Здесь будет пробиваться.

Звонов поднял автомат, присоединил магазин и щелкнул предохранителем.

— Ты оружием-то не балуй, — заметил Северцев вскользь.

Часа полтора двигались они вдоль болота, поглядывая на противоположный его берег, где, по предположениям Северцева, могли находиться беглецы. Сержант иногда останавливался, внимательно что-то разглядывал, прислушивался. Потом неожиданно присел на высокую торфяную кочку.

— А ну, глянь, что там, — кивнул он Звонову. — Не разберу, глаза слезятся от дыма.

Звонов всмотрелся в противоположный край и вздрогнул. Там, в километре от них, маячили две человеческие фигуры.

— Они!

— Сиди! — дернул его за рукав Северцев. — Сам вижу. Теперь нам надо поспешать.

Они отошли поглубже в лес. Здесь, среди бурелома, двигаться было значительно труднее, но зато не рисковали выдать свое присутствие. Иногда они подходили к краю болота проверить, не отстают ли от беглецов. Так прошли километра два, когда ветер, задувавший с болота, вдруг опять изменил направление. Северцев заметил это первый и, показав Звонову на расклевывавшиеся верушки сосен, тревожно покачал головой:

— Опять нам с тобой не везет. Смотри, что сейчас начнется.

Звонов прислушался. В той стороне, куда они стремились, нарастал глухой, губинный гул, затем неожиданно столбом взметнулось пламя, крутя и разбрасывая во все стороны тлеющие сучья и ветки.

— Вот тебе и верховой! Давай бегом к

болоту, там и спасемся, а то как раз на нас идет.

Быстро продравшись меж стволов, они оказались у края болота. Выбрали место повыше, где слой торфа был невелик, и выворотили небольшую сосенку, чтобы за ее корнями в ложбинке спрятаться от горячего ветра.

— А что с зеками будет? — спросил Звонов.

— Ничего. Они за болотом. Сейчас бугор огонь увидит и повернет. Теперь ему деваться некуда, кроме как на ту сторону идти, сдаваться. Через болото не сунешься, а по лесу сейчас не побегаешь. С верховым шутки плохи.

НО НА ЭТОТ раз Северцев ошибался. Звонов заметил, как те двое, завидев пламя верхового, преградившего им дорогу, лишь на мгновение остановились в раздумье. А потом бугор — он и издавка казался особенно неповоротливым — тяжело зашагал в их сторону. Беглецы либо решились на рискованный шаг, либо не замечали коварной опасности, таящейся под покровом торфяника.

— Погибнут ведь... — выругался Северцев, разглядывая движущихся к торфянику. — А ну, дай ракету.

Звонов полез в сумку, но там было пу-

сто — видать, обронил когда продирался сквозь тайгу. Услышав это, Северцев взъерепенился, но быстро отошел: из своих четырех гри он тоже потерял.

Сержант поднял автомат и саданул вверх. Но звуки «выстрелов» трудно было услышать в треске и гуле лесного пожара. А бугор с напарником тем временем уже подходили к самому опасному месту.

Северцев досадливо pokrutil в руках автомат, оглянулся на Звонова.

— Вот что. Я пойду им навстречу, а то сгорят мужики ни за что. А ты приготовь на всякий случай лесину подлинней, понял? — повисил он голос, заметив, что Звонов готов возразить и, уже не оборачиваясь, запрыгал по кочкам навстречу сизой дымке, разделяющей его и беглецов.

Не спуская с него глаз, Звонов метался от осинки к осинке, пытаясь выбрать и сломить ту, которая действительно могла бы пригодиться на крайний случай. Наконец ему удалось прыгнуть и подрезать у основания небольшой упругий ствол. А Северцев уже шел по болоту, время от времени останавливаясь и стреляя в воздух.

Как ни странно, беглецы ни разу не посмотрели в его сторону. Не видели, не слышали, а может быть, как казалось Звонову, делали вид, что не замечают сержанта. Но в том, что они и сами уже по-

няли глубину грозившей опасности, у Звонова не оставалось сомнений. Просто они и сейчас действовали так, как привыкли делать всю жизнь: полагаясь на удачу больше, чем на здравый рассудок, отчаянно рискуя там, где riskовать не нужно.

С каждым шагом, который приближал Северцева к полосе горящего под травяным покровом торфа, обозначившейся легким дымком, Звонов чувствовал, как его волнение росло. Наконец, он не выдержал: подхватив шест, устремился за сержантом.

«Хоть бы подняли головы, сволочи! — злился он, всей душой в этот миг ненавидя беглецов. — Хоть бы Костя остановился, не лез в пекло».

Но бугор и его напарник по-прежнему прыгали с кочки на кочку, не обращая внимания на сигналы Северцева. Расстояние между ними сокращалось, временами Звонову казалось, что они совсем рядом. Иногда фигура сержанта закрывала от Звонова беглецов, и тогда он брал чуть в сторону, чтобы ничего не упустить из виду.

А Северцев вдруг остановился, как-то неловко заметался из стороны в сторону, словно подошвы ему обжигало бушующее снизу пламя. Один из его прыжков был особенно странным, и мгновение спустя Звонов заметил, как в том месте, где только что стоял сержант, взвился вверх черно-красный султан огня, и гул пронесся над болотом.

Некоторое время Звонов ничего не различал впереди. Лишь пепел еще летал в задымленном небе, а над желтым покровом болота, как прежде, лениво и обманчиво спокойно курилась дымка, напоминавшая ту безобидную дымку, которая слушается в южных степях в жаркие дни. Но вскоре курсант заметил, что беглецы увидели и его, Звонова и, несомненно, догадались, что случилось мгновение назад.

Звонов замахал им рукой, чтобы повернули обратно, на кряж, но они не подчинились, напротив — стремительно двинулись к тому самому месту, где исчез Северцев.

Нет, слава богу, Костя не погиб. Его фигура мелькнула над срезом торфяника и снова исчезла.

«Что с ним? И что заставило этих спешить к нему? Уж не оружием ли его хотят овладеть?...» — с обжигающей быстротой сменялись вопросы в сознании Звонова, который и сам уже заметался с кочки на кочку с лезвием в одной руке и автоматом в другой.

А тем временем со стороны кряжа появились солдаты. Это, наверное, та самая поисковая группа, которую обещал выслать им навстречу командир полка. Бугор, оглянувшись, тоже увидел их. Махнув напарнику, он, как канатоходец, держа равновесие при помощи шеста, осторожно двинулся вперед, где снова мелькнула и исчезла фигура Северцева.

Перед Звоновым будто вскурилось бо-

лото: кочка оказалась зыбкой, почти плавающей, он отступил, ткнулся влево, потом шестом измерил прочность грунта справа и понял, что это тупик, дальше ему вперед не пройти. С досады он бросил шест. Рука машинально прижала к плечу приклад. Если бугор надумал разжиться оружием Кости, то он этого ему не позволит. Мысленно прикинул расстояние до цели, двинул хомутик по прицельной планке. Но вместо корявой фигурки бугра перед мушкой встал черно-красный султан, точно такой же, как и тот, заставивший его похолодеть при мысли, что с Северцевым все кончено.

Бугор долго не появлялся, но надежда почему-то пульсировала в Звонове. И бугор действительно вдруг отчетливо вырос над болотом. На руках он держал Костю. Теперь уже без шеста, но все так же осторожно ступал он по только что пройденной тропке к ожидавшему его напарнику.

Вот он остановился, передал тому автомат, а сам, взвалив сержанта на плечи, медленно повернул к кряжу, где стояла безмолвная группа солдат. Когда от нее отделились двое смельчаков с шестами и попытались двинуться навстречу, он остановился и что-то прокричал теперь уже своим конвоирам, вероятно, чтоб не рисковали.

Звонов, наконец, сообразил, что и ему стоять на болоте небезопасно. Осторожно пошел к берегу. Время от времени оглядываясь, он отмечал фигуру бугра, все еще маячившую над болотом. За ним по пятам, как злой рок, клубами вспыхивал огонь.

Из болота они вышли почти одновременно. Звонов видел, как солдаты бросились к бугру, бережно приняли у него сержанта, положили на землю, склонились над ним — то ли оказывая помощь, то ли выпрашивая. А бугор и его напарник сначала одиноко стояли чуть поодаль, а потом, будто их не касалась солдатская радость, присели рядышком особняком.

Приступ тошноты подкатил к горлу. Сколько времени он продолжался, Звонов вряд ли мог сказать. За спиной уже смолк неожиданно, как и начался, верховой, и можно было выходить. Но курсант, упав на пожухлую траву, так и пролежал неподвижно до тех пор, пока его не обнаружила поисковая группа, специально высланная ротным.

КАЖЕТСЯ, вчера это было. А на деле вон сколько лет прошло, с десяток, не меньше. Северцев уже не Костя, а Константин Прохорович. И не замкомвзвода отдаленной таежной роты, где капитанствует сейчас он, Звонов, а старший прапорщик, служит в областном центре, готовит сержантов. Встречаются они редко. Разве что когда вызовут Звонова в ядро полка на сборы или еще по какой надобности.

Но их уже навсегда соединил тот август.

А. УДИНЦЕВ

НА ОСОБОМ ПОЛОЖЕНИИ

НЕРВЫ БЫЛИ напряжены до предела у всех. И у осужденных, державших под ножами и заточками в качестве заложниц четырех насмерть перепуганных женщин. И у военнослужащих, сжимавших кольцо окружения вокруг этого злополучного сарая, ставшего волею недоброго случая бастионом. И, конечно же, у самих заложниц, которые, не в силах пошевелить онемевшими руками, туго схваченными веревками, с ужасом и безразличностью смотрели на своих мучителей, а на дверь, шаткую, потемневшую от времени, — с робкой надеждой: где она, долгожданная помощь?

И тут произошло неожиданное. Никто и не понял, из-за какого угла вывернули эти двое осужденных в чистой, ладно сидящей на них «униформе». Не обращая внимания на приглушенные окрики военнослужащих и сотрудников администрации колонии, они спокойно подошли к пыльному, подслеповатому окошку сарая и подали какой-то знак затаявшимися преступникам.

А после все так же неспешно, будто прогуливаясь по бульвару, покинули поле несостоявшейся брани. И тут же двери сарая распахнулись, и оттуда стайкой выпорхнули плачущие то ли от прошлого страха, то ли от теперешней радости женщины, а следом гуськом, понурив головы, вышли осужденные с поднятыми руками.

Кто были эти двое, предпринявшие одним знаком скорый исход операции по освобождению заложниц? Как ни странно, «воры в законе». Правда, их менее всего интересовало, будет ли пролита невинная кровь. Они руководствовались особыми мотивами: эта стычка, полагали они, наверняка добром не кончится, понаедут комиссии извлекать уроки, наведут порядок и... прощай вольготная жизнь. Это раз. И второе: удобнее случая продемонстрировать «и вашим, и нашим», кто же истинный хозяин в зоне, вряд ли представится. Грех не воспользоваться.

проблемы,
события,
люди

ВОЗДУХ

Случай — типичный, а давно ли понятие «воры в законе» казалось каким-то ветхим, чисто книжным, словом ненастоящим? И вдруг — будто взрывом осколки разметало — оно разлетелось по многим общественно-политическим изданиям, ожило. Неожиданно выяснилось, что «воры в законе» — отнюдь не мифические антигерои, а вполне реальные, во плоти и крови преступники-профессионалы. Обнаружилось и то, что не только в лихо закрученных по милости авторов детективах, но и в жизни они не признают законы государства, категории морали, легко переступают границу между добром и злом. Да что там граница — через трупы убитых и тела оскверненных ими людей переступают.

По роду службы нам приходится сталкиваться с осужденными, среди которых есть и «воры в законе», потому-то и надо хорошо знать их повадки, преступную тактику и, если хотите, политику уголовного мира, ибо недооценка возможностей организованной преступности в местах лишения свободы может привести к серьезным последствиям. Итак, наш разговор — о «законниках» с большой дороги. Правда, законы эти, представляющие совокупность обычаев и традиций преступной среды, в отличие от юридических, имеют антигуманный, бесчеловечный характер. Но столь же обязательны к исполнению. И суть их в конечном счете сводится к наивным — если жестокое вообще может быть наивным! — попыткам оправдать и мотивировать паразитический образ жизни.

Громкие титулы не скрывают, если они — гарантия всяческих благ. Потому-то «воры в законе» демонстративно сообщают администрации ИТУ и другим осужденным о своей принадлежности к высшей касте преступного мира, изначально претендуя на особое положение. Они с подчеркнутым пренебрежением относятся к требованиям режима содержания, иногда в ответ на «закручивание гаек» угрожая совершением новых преступлений в зоне; даже пытаются диктовать администрации свои условия (например, в какую камеру и к какой категории осужденных его поместить — к ворам ли, к «фрайерам»...).

Это не поза, не пустая бравада, такое их поведение связано с воровскими традициями, согласно которым вор по прибытии в зону должен оповестить осужденных о своей готовности решать все вопросы, отнесенные воровскими «законами» к его компетенции. При этом они обычно не скрывают своих противоправных целей и устремлений от администрации и, соответственно, подвергаются строгим мерам дисциплинарного воздействия. Как говорится, должно быть объявлено.

ВРЕМЕНА меняются. Воры нового поколения — более прагматичны (и жадны) и видят основную цель своей противозаконной деятельности в активном выкачивании денег на пополнение воровской кассы. Нередко груп-

пировки облагают «налогами» всех осужденных, отбывающих наказание в исправительно-трудовых учреждениях области, края, республики. И не «кто сколько может», а устанавливают конкретные нормы: отчислений на деньги, продукты питания, одежду и прочее. Никакие оправдания в этом случае во внимание не принимаются. Стремясь подчинить своему влиянию как можно больше людей, воры прибегают и к помощи лиц, играющих в карты, которые вносят в кассу определенные суммы.

Вся преступная деятельность воровских группировок, несмотря на вызывающую наглость вершушки, проходит в условиях жесточайшей конспирации, что затрудняет борьбу с ней в ИТУ. Осужденные, честно отбывающие наказание, зачастую запуганы угрозами расправы (и угрозами отнюдь не голословными) со стороны «блатных» и потому не сообщают администрации о фактах глумлений, поборов и других преступлений: себе дороже.

Из материалов, предоставленных бывшим осужденным П. (ныне полностью реабилитированным в связи с незаконностью осуждения), ясно, что на практике исправительно-трудовые учреждения, кроме официальной градации по режиму, делятся на «красные» и «блатные». Почему?

Трудно сказать, когда именно членов совета коллектива колонии (СКК) воры нарекли «красными масками», но отсюда и пошло название зоны — «красная», что обозначает учреждение, где жизнь полностью контролируется активом СКК и его секциями. Практически все осужденные в таких колониях работают (хорошо ли, плохо ли — вопрос другой, главное, никто не отлынивает от труда), участвуют в общественной жизни. Многие нарушения режима содержания не перерастают в преступления, а пресекаются самим активом, дело даже не доходит до вмешательства сотрудников. А о подготовке серьезных правонарушений, таких, как групповые хулиганские действия, пьянки, драки, побег, хищения, актив, принимая свои меры, заблаговременно извещает администрацию, что позволяет предупредить ЧП, — самая настоящая профилактика.

Активисты контролируют здесь работу и санитарно-бытовое состояние столовой, магазина, бани, технику безопасности на производстве, следят за выполнением норм выработки осужденными, начислением заработной платы, очередностью свиданий с родными, поощрениями... Чем не общественное самоуправление? Потому-то в «красных» колониях преступное сращивание администрации учреждения и военнослужащих роты с осужденными и их родственниками — редкость.

Другое дело — «блатные» колонии. Здесь все контролируется блатными — лицами, неуклонно придерживающимися воровских традиций (иногда их называют «контрадалами»). Вполне понятно, что без контактов и связей с сотрудниками администрации и

военнослужащими им бы не удалось иметь в зоне большие деньги, спиртные напитки, наркотики, продукты и прочие запрещенные предметы. И каждый такой факт — позорнейшее пятно на имени тех, кто призван стоять на страже закона.

Блатные держат в руках всех осужденных, и только от них зависит — работать или бастовать, выполнять план или гнать брак, воровать или на время затаиться. Именно блатные заставляют «мужиков» (хорошо работающих осужденных), «обиженных» (утративших авторитет среди блатных) и «опущенных» (с которыми совершен насильственный акт мужеложства), выполнять за них рабочую норму. Причем нередко абсолютно все сделанное приписывается блатным, а остальные вообще остаются без норм выработки и, следовательно, без зарплаты. Воспротивиться этой натуральной, неприкрытой эксплуатации для одиночки — подписать себе приговор. Мало ли на производстве «несчастных случаев»?

Все драки, бунты, забастовки, хищения и погромы — на совести блатных, хотя подобное выражение вряд ли уместно — о совести у них весьма искаженные представления. Уполномоченные «воров в законе» по воле своих хозяев собирают так называемый «обшак» — деньги, наркотики, сигареты, продукты, вещи, драгоценности, которыми пользуется небольшая кучка осужденных из числа «отрицаловки». Они же организуют передачу по различным каналам запрещенных предметов нужным им людям. Таким образом доходами всех свободно располагают и пользуются единичи.

Блатные встречают молодежь, прибывшую по этапу, и тут же начинают ее муштровать, готовить к противостоянию администрации и режиму содержания, прививают традиционно преступный образ жизни. Мало кто из новичков рискнет воспротивиться этим «урокам», ибо те осужденные, которые хоть немного пытаются противостоять (именно пытаются, ибо дальше тщетных попыток дело чаще всего не идет) такой обработке, немедленно подвергаются длительным жестоким избиениям, надругательствам, в том числе и групповому изнасилованию (в преступной среде это считается эффективным средством подавления личности).

К сожалению, последнее — не такое уж редкое явление. До тридцати-сорока процентов осужденных в «блатных» колониях — «обиженные» или «опущенные». И тот осужденный, в отношении которого совершен насильственный или добровольный акт гомосексуализма, среди блатных уже не считается человеком. Кому угодно безнаказанно можно его бить, издеваться над ним, заставлять убирать туалеты, мыть полы, стирать нижнее белье для блатных.

Нельзя сказать, что администрация ИТУ, войсковые наряды контролеров не борются с подобными явлениями. Напротив, они делают все, что в их силах. Да вот сил

этих, к сожалению, недостаточно, особенно у войск. Что реально может сделать малочисленный наряд контролеров на большой территории, где осуществляется производственная деятельность осужденных, например, на тесучастке с периметром 4—6 километров? Кроме того, изощренная маскировка преступных акций блатных, живущая в потерпевших боязнь повторных, еще более жестоких и бесчеловечных глумлений и избиений далеко не всегда позволяет принимать своевременные, действенные меры по таким фактам. С сожалением приходится констатировать, что многие молодые осужденные совершают побег именно потому, что «воры в законе» со своими подручными создают им невыносимые условия. И тогда уже их действиями руководят не разум и логика, а эмоции, среди которых превалирует отчаяние.

«МАСТИ» И КОЗЫРИ

ДЛЯ УДОБСТВА управления и создания многоступенчатой системы власти блатные делят всех осужденных по «мастям», иначе говоря, по категориям. Хорошо работающий на производстве осужденный, участвующий в общественной жизни активист, поддерживающий требования администрации — по их шкале ценностных ориентаций занимает плебейское положение «козла». «Мужик», или «черт» — это осужденный, который выполняет самую грязную работу, не смея отказаться от нее или возразить. Таков его удел, по разумению воров. Если осужденный изменяет нормам поведения в блатном мире, его наказывают, например, жестоко избивают, обливают мочой (хотя существуют и более радикальные формы наказания тех, кто отходит от воровских традиций) и зачисляют в категорию «обиженных», или «заминеханных». Об «опущенных» речь уже шла.

Стоит ли говорить, что такие «масти», как «черти», «обиженные», «опущенные», практически бесправны. Они не могут сидеть за одним столом с блатными, почти постоянно голодают, и не дай бог им открыто посетовать на свою судьбу, тем более — вынести «сор из избы» — на пощаду рассчитывать бесполезно.

Есть и такая «масть» — «парень», или «пацан», так сказать, человек свиты, мальчишка на побегушках: «подай-принеси». Обычно это молодой зек, который завербован блатными и является «торпедой», совершая любые поступки, вплоть до преступлений, лишь бы угодить хозяевам. Исполнитель безупречно, поистине по-военному, ибо от расторопности зависит его материальное положение, карьера и — чем черт не шутит! — физическое состояние. Стимулы, согласитесь, из разряда «работящих», эффективных.

Верхушка отрицательно настроенных осужденных — «паханы», «пятерки», «шестерки», «шерсти» — являются этакими

своеобразными полпредами, уполномоченными «воров в законе» и от их имени ведут установки поведения блатным. Они же распоряжаются «общаком», через «торпед» вынуждают осужденных постоянно пополнять его деньгами и продуктами, требовать от родителей переводов на имя вольнонаемных сотрудников учреждения, с которыми налажены прочные связи, которые у нас принято корректно называть недозволенными.

Те, кто стоит наверху этой иерархической лестницы, предпочитают оставаться в тени и потому не страшатся раскрытия преступных сговоров. В худшем случае избегаются от подручных, «освежая» штаты. Наиболее сильно, как и везде — не только в преступном мире, — страдают обычно мелкие шокши. Интернациональная несправедливость.

Громкое звание «вор в законе» по наследству не передается. Его осужденный-рецидивист получает от своих «старших братьев» за особые заслуги в преступной деятельности. Происходит это относительно торжественно на воровских сходках. Требования к кандидатам достаточно высоки. Уже одно это обстоятельство свидетельствует о том, насколько серьезный противник у правоохранительных органов. Помимо прочих «достоинств», как правило, «вор в законе» в совершенстве знает уголовное законодательство, имеет обширные связи в торговле, особенно с дельцами теневой экономики, а иногда и с работниками органов внутренних дел. Слово «вора в законе» для любого блатного — действительно непреложный закон, нарушение которого сурово карается. На этот скорый и несправедливый суд адвокатов приглашать не принято.

СЛЕДУЕТ отметить, что различные группировки осужденных, возглавляемые «ворами в законе», имеют свою специфику в каждом регионе страны (в этом одна из сложностей борьбы с ними — нужна гибкость). Но одна черта роднит их: всемерное содействие созданию ситуации, при которой в местах лишения свободы жилось бы вольготнее. И на сегодня, и впрок. Анализ материалов, имеющих в распоряжении Академии МВД СССР о противоправной деятельности «воров в законе», показывает, что большинство исправительно-трудовых учреждений многих (если не всех?) республик разделены на сферы влияния между различными группами лиц. Цель та же — деньги, деньги и еще раз деньги.

благодаря четкой системе налогов с «родных» зон некоторые «воры в законе» ежемесячно получают со своих колониистских вотчин от одной до пяти тысяч рублей «общаковых» денег. Средства эти, собранные путем насилия и угроз с честно работающих осужденных, под видом «арестантской справедливости и солидарности» используются для помощи преступникам, отбывающим наказание в «святых местах»

— тюрьмах, помещениях камерного типа и одиночных камерах. Часть идет на подкуп работников правоохранительных органов — по тридцать сребренников каждому иуде.

В преступном мире с похвальным постоянством последовательно и неукоснительно реализуется лозунг: «Кадры решают все!» Качественным составом своих рядов воры обеспокоены не меньше чем, скажем, наше министерство подготовленностью, уровнем профессионализма сотрудников РОВД. А поскольку функционирование преступной среды зиждется не только и не столько на лозунгах, сколько на деньгах, притом на немалых, естественно, хорошо налажена кадровая работа и по организации сбора средств.

Для контроля за обстановкой в колониях, где нет «воров в законе», и установления там истинных воровских традиций, назначаются ответственные осужденные, на плечи которых и возложено выбивание денег на «общак». Называют их по-разному — клички меняются в зависимости от географии региона: в ИТУ Грузии их называют смотрителями зоны, в ИТУ Туркмении — положенцами. Не в названии смысл, по сути дела это люди, которые отстаивают интересы «воров в законе». Для реализации своих функций они получают от хозяев своеобразные мандаты, подтверждающие их назначение на должность «авторитета» колонии. Причем мандаты не в переносном смысле слова: это действительно особой, установленной формы документ, который осужденный или хранит у себя, или переправляет родственникам и знакомым на волю. Не оправдавший доверия «полпред» отстраняется от должности и за допущенные провинности строго наказывается. Ему есть чего опасаться, и потому чаще всего он за хозяев из кожи вон лезет.

Иногда для признания вором осужденному вовсе не обязательно отбывать наказание в ИТУ — это одна из новаций дня сегодняшнего, которая подтверждается появлением такого типа «воров в законе», например, на территории Грузии. Впрочем, печальные факты свидетельствуют: в последнее время и в другие колонии прибывают впервые судимые лица, именующие себя ворами, и в основном — молодые люди. Следовательно, преждевременны дебаты об отмирании воровских идей, нужно бить тревогу, нужно в полный голос кричать об отравлении молодежи трупным ядом преступности, в том числе и той молодежи, которая воспитывалась в хорошо обеспеченных, благополучных семьях. Формула «сын вора — вор, сын адвоката — адвокат» ныне не верна.

Притягательная, увл, сила воровских традиций порой заключается для подростков в том, что вор нигде не работает, а, занимаясь только преступной деятельностью, может безбедно (а вернее сказать — богато) существовать и содержать свою семью. В обратных, противоположных примерах — работа за низкую заработную плату — они недостатка не испытывают. Не

имея надежных моральных тормозов, молодые люди в результате нехитрого внешнего сравнения двух уровней жизни выбирают тот, что по душе им, а не уголовному кодексу.

Разыскивая осужденного, совершившего побег, в Грузии мне довелось услышать признания его матери и близких родственников. Так вот, эти люди совершенно искренне полагали, что побег их двадцатипятилетнего члена семьи вовсе нельзя считать преступлением, напротив, по их мнению, это — очередная ступенька на пути к получению бежавшим заветного звания «вора в законе». Иначе говоря, один из необходимых экзаменов на воровскую зрелость. Мать бежавшего, к примеру, всерьез (и, возможно, не без оснований) рассчитывала, что после получения ее сыном такого титула материальное положение семьи заметно улучшится.

Но деньги для воров — это не только возможность получать какие-либо блага, это и власть над другими. Располагая крупными суммами, воровские группировки подчиняют себе нужных людей, среди которых, как ни прискорбно об этом говорить, работники правоохранительных органов и военнослужащие, продавшие верность присяге за подачки блатных. Для иллюстрации — такой горький факт. При задержании двух особо опасных рецидивистов, совершивших побег из одной уральской колонии, у них изъяли самодельные револьверы под автоматный патрон. Матерые преступники, загнанные в угол обоймой неопровержимых улик, признались, что боеприпасы им продали (!) солдаты за браслеты и серьги из полированной меди.

Конечно, виновных легко нашли (изменников не любят ни свои, ни чужие) и привлекли к уголовной ответственности, но аморальность поведения этих военнослужащих чудовищна. По сути дела это самое настоящее предательство. При испытательных стрельбах из самодельных револьверов установили, что пуля свободно пробивает деревянную плаху толщиной шесть сантиметров. Сколько людей могло поплакаться жизнью из-за измены интересам службы этих новоявленных иуд, польстившихся на дешевые побрякушки! Увы, участились и случаи отпуска из-под охраны, о чем уже не раз рассказывал журнал «На боевом посту», когда солдаты за обещанные тысячи, якобы закопанные в надежном месте, поступаются честью, совестью, нарушают военную присягу, вследствие чего оказываются на скамье подсудимых. И это закономерный исход.

НО РЕЧЬ НЕ столько об этом, сколько о том, какую опасность представляют «воры в законе», совершившие побег из исправительно-трудового учреждения. Извращенная мораль, чудовищный цинизм, выработанный годами вынужденных «командировок» по колониям и тюрьмам и полуле-

гального положения на «воле», уподобляют их волкам. этим уникальным представителям животного мира, которые не берут себе пищи столько, чтобы насытиться, а безжалостно и бесцельно режут все стадо. В нашем случае стадо — это не только жертвы жутких преступлений, но и те молодые люди, которых бежавшие «авторитеты» вовлекают в преступную деятельность. Так, в Гольяти «вор»-беглец организовал группу подростков, которая под его неуспынным руководством добывала запчастки к «Жигулям». Но как! Останавливали на шоссе автомашину, удавкой, изготовленной из рвальной струны, душили владельца, и труп выбрасывали в стоки серной кислоты одного из заводов. Нет сомнений, что подобной жестокости молодых людей мог научить только «вор в законе». Сам же, естественно, оставался в стороне, предупредив всех участников группы, что ожидает того из них, кто «расколется». Стоит ли напоминать, что все деньги за вырученный автодефицит он забирал себе, проповедуя принцип — «холопы пашут на своего босса». Вот вам, пожалуйста, — возможный итог одного побега.

А вот и цена другого. Из колонии рецидивисты Гетин и Доброхотов ушли через подкуп. Не преувеличу, сказав, что их разыскивали управления внутренних дел всего Союза, а это тысячи людей, направленных в командировки. К счастью, бандитов задержали, но чего это стоило: преступники успели совершить 12 изнасилований, 24 грабежа, похитили из касс предприятий более ста тысяч рублей.

Немало бед и страданий принес и особо опасный рецидивист Лавриненко. При чем ушел он из колонии, скажем так, нетипично: «обработал» сотрудника администрации ИТК лейтенанта внутренней службы Кучменко. За обещанную красивую жизнь и 300 000 рублей наличными лейтенант продал интересы службы, своих товарищей: пронес в ИТК военную форму и вывел Лавриненко через контрольно-пропускной пункт. Можете представить, сколько наломал дров переодетый в форму, пользующийся подложным удостоверением начальника следственного отдела МВД СССР матерый рецидивист! Кучменко же, естественно, смотрит сейчас на «красивую жизнь» из-за колючей проволоки. Иуде воздали по заслугам.

«ВОРЫ В ЗАКОНЕ» — «ОТЦЫ» И «ДЕТИ»

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ воровских традиций и идей... Увы, существует и она. Более того, неуклонно поддерживается. Проводя свою изуцкую политику в целях ничного благополучия и укрепления авторитета, преступные группировки охотно используют уголовный престиж «воров в законе» старого поколения, допустим, приглашают их для коронавания подрастающей смены, дабы

20

поднять значимость воровского статуса. Естественно, не безвозмездно. За верность традициям ветераны-уголовники обеспечиваются денежными средствами из «общака» как одновременно (после освобождения из колонии), так и регулярно — для ведения паразитического образа жизни без личного участия в преступной деятельности. Своеобразная пенсия, причем такая, что любая из наших советских пенсий смотрится рядом с ней как подавание бродяге.

Деньги деньгами, а «воров в законе», действительно, уважают. Опрос злостных нарушителей режима содержания в колониях, проведенный Академией МВД СССР, показал, что чуть менее сорока процентов осужденных считают «воров» справедливыми, более половины — умными и смелыми, около сорока процентов — умеющими постоять за себя в пиковой ситуации, а четверть опрошенных охарактеризовала их как порядочных. Выходит, большинство обитателей колоний видит в «ворах» сильных личностей, пользующихся заслуженным авторитетом исключительно благодаря своим качествам.

Может показаться, на первый взгляд, что мир и согласие царят в преступной среде, где якобы почитание старших органично сочетается с «крещением» и выпестованием молодых. Но до идиллии очень далеко. Там, где все держится только на силе мышц и оружия, там становится привычным и обыденным силовое решение возникающих конфликтов. Нередки и расколы среди воров старого поколения. Одни из них в обмен на выделяемые им круглые суммы из воровской кассы признают и поддерживают своих преемников, принимают участие в процедурах «коронования» свежеспеченных уголовных наполеончиков. Другие ведут активную, жесткую борьбу за чистоту воровской идеи, осуждают примиренческую тактику поведения, не признают новоявленных «воров в законе» в местах лишения свободы. Приверженцы этих течений, не желая поступаться принципами, враждуют между собой в ИТУ и особенно в тюрьмах, где «отсидивается» более шестидесяти процентов старых «воров в законе». И борьба за лидерство идет, что называется, не на жизнь, а на смерть. Так, например, несколько лет тому назад в исправительно-трудовых учреждениях Туркменистана произошел одно за другим пять убийств уголовных «авторитетов». Причем основной причиной расправы с неугодными конкурентами «преступники называли предательство воровских идей. Именно с такой формулировкой вынесли «приговоры» «ворам в законе» (теперь уже бывшим) Айдогдыеву и Арутюняну. А «вор в законе» Бондарев был убит в ИТК за использование не по назначению денег из «общаковой кассы».

Не только «воры в законе», но и их идеи не избежали деформации — модернизировались. Существенные новшества в формировании воровских групп неизбежно по-

злекли за собой изменения в традициях, критериях поведения, присущих ворами-«отцам». Если, например, по прежним канонам вор должен был иметь как минимуму трехлетнюю практику, обучаться воровству под руководством опытных наставников и не стремиться в колонии к досрочному освобождению («за падло»), то сейчас эти правила, прежде незыблемые, не выполняются, упрощаются настолько, насколько это возможно.

Крайне разнообразилась ныне и палитра совершаемых ворами преступлений, дополнившись, мягко говоря, несвойственными им. Так, по данным социологических исследований Академии МВД СССР, 17 процентов «воров в законе» имеют на своем преступном счету изнасилования, что по старым воровским законам было несовместимо с их званием и презиралось: таких осужденных ждала печальная участь стать «маней» — тюремной женой, не иметь права сидеть с блатными за одним столом, а спать непременно у тюремной параша.

Некоторые из причисленных к «ворам в законе» условно досрочно освобождаются из ИТК, что в былые времена никак не сочеталось с их титулами. Кроме того, анализ показывает, что сегодня, случается, впервые осужденный к лишению свободы признается «вором в законе» еще до того, как он попадает в зону. Это типично для исправительно-трудовых учреждений Средней Азии и Закавказья, где высокое воровское звание нередко покупается за деньги. Не случайно чаще других «ворами в законе» становятся самостоятельные картежники-шулера, промышленяющие на курортах Крыма и Кавказа и располагающие значительными суммами денег, припрятанных за «черный день». А в Узбекистане, например, достаточно внести 30 тысяч рублей в воровской «общак», чтобы сходил признанного нового вора «законным».

ТРАДИЦИЯМИ предписано: вор не должен иметь семьи, он обязан отказываться от родных ради воровского сообщества. В противном случае его не принимали в «закон», ибо сам смысл «закона» заключается в сохранении замкнутой касты, а поддержание связей с семьей могло привести вора и его сподвижников к отрыву от «дел» на урегулирование житейско-бытовых неурядиц, к деконспирации и, как результат, к провалу. Так было всегда. Теперь же и это положение в ряду со многими другими не соблюдается. Наоборот, вразрез с убеждениями воров-«отцов» воры-«дети» пытаются извлечь выгоды из родственных связей своего окружения, проявляют меркантильность, не свойственную их духовным наставникам. Считают, что не беда, если принципов будет поменьше, лишь бы денег было побольше. Ради них они готовы на все.

Стержневой идеей политики старых воров была заповедь: средства для привольной жизни на широкую ногу они должны

добывать исключительно личной преступной деятельностью. С одной стороны, это поднимало их престиж, но, с другой, зачастую вело к отбыванию наказания за содеянное. Новое поколение лидеров преступной среды изменило тактику, стремясь свести на нет риск оказаться за решеткой и паразитировать за счет облавывания своеобразной данью других преступников — «дельцов», «цеховиков», «кооперативщиков» и прочих. Все это напоминает западные классические образцы построения и деятельности мафиозных групп во главе с крестными отцами. Даже здесь мы смотрим на Запад... Но недаром говорят: сколько веревочке ни виться, конец все равно найдется. Рано или поздно «законникам» воздается по заслугам правосудием. И, привыкшие себе ни в чем не отказать, они потихоньку умеряют свои аппетиты.

В ИТУ «воры в законе» по возможности избегают прямых конфликтных ситуаций с администрацией. Конечно, не порядка ради, а лишь в целях облегчения собственного существования. В то же время, выступая в роли лидеров преступной среды, они стараются поддерживать «справедливые» взаимоотношения между осужденными. Понятно, что критерии этой «справедливости» диаметрально противоположны общепринятым, но ведь и «законы», по которым живут воры, не имеют ничего общего с государственными.

О полноте власти «воров» над основной массой осужденных свидетельствует практика. Так, в одной из колоний особого режима на территории Узбекистана осужденные решили провести голодовку с последующей организацией массовых беспорядков. Однако при обсуждении этого вопроса «вор в законе» К. мнения большинства не поддержал, и «мероприятие» не состоялось. Чем не подтверждение того, что «добро» на монолитное выступление осужденных могут дать только «воры в законе». Пусть даже после определенных консультаций между собой. Но в данном случае секрет мудрого, «держивающего совета «вора в законе» был предельно прост — ему удалось установить хорошие взаимоотношения с некоторыми лицами администрации (понятно, не безвозмездно), жил он припеваючи, вот и призвал осужденных воздержаться от «вольночек», дабы сохранить свое привилегированное положение. Опять корысть...

А иногда воровская «законенная» молодежь идет и вовсе на невозможные в прежние времена поступки, например, предлагает администрации колонии помощь в выполнении производственных заданий, гарантирует отсутствие тяжких преступлений и «мирное» урегулирование конфликтов между осужденными. В обмен же — выторговывают себе льготные условия содержания: ты — мне, я — тебе. В одной из колоний Туркменистана «вор в законе» Ашуров Юлдаш, пользуясь покровительством руководства ИТК, чувствовал

себя довольно вольготно на казенных харчах и даже располагал собственной спальней в... комнате воспитательной работы. А на производственном объекте приближенные Ашурова оборудовали ему отдельное помещение с ванной и туалетом. Шик, по зонавским меркам, немислимый, но, увы, реальный. Двумишние, сделки, стремление любой ценой удержаться на гребне волны личного благополучия, в том числе используя в качестве поплавок труд «мужиков», «чертей», «обиженных» и «опущенных», — вот стиль современных «воров в законе». Более того, в последнее время, дабы обеспечить себе барское существование, некоторые «воры в законе» умышленно заражают себя туберкулезом. Дикость. Но зато надежная гарантия безделья и многолетней вольницы в больнице.

И еще одно коренное отличие ветеранов воровского мира от молодежи. Среди воров-«отцов» служба в армии, органах милиции, участие в работе различных самодельных организаций — все это считалось черной изменой основным принципам и однозначно каралось смертью. Воры-«дети» значительно смягчили суровые санкции за несоблюдение традиционных установок, допустили определенные исключения для себя. Даже основной воровской «закон» — не работать — и тот претерпел существенные изменения. В ряде колоний «ворам в законе» разрешено трудиться (речь идет опять же не о качестве, а о внешней видимости, о форме), если в их бригаду входят только «авторитеты» — воры и приближенные к ним «фрайера». Эта серьезная уступка зиждется на понимании того, что администрация ИТУ, безусловно, примет установленные законом за отказ от работы меры. Боятся, значит. Налицо — приспособляемость, смена тактики поведения, оглядка на обстановку в колонии в целом и реакцию администрации на нарушения режима содержания в частности. И как итог — дальнейшее обострение проблемы «отцов» и «детей» на уголовном уровне.

КАК ДЕЛАЕТСЯ БУНТ

БЕСПЛОДНО мечтая о собственной бесконтрольности и невмешательстве правоохранительных органов в их «личную» жизнь, преступная «знать» сама строго контролирует деятельность воров своей общины. Как? При помощи печально известной воровской сходки. Она-то и принимает в коллегиальном порядке наиболее важные решения. Дополнительно знаю об одной воровской сходке в Ташкенте, под решением которой поставили свои подписи двадцать семь «воров в законе». А постановили они учинить расправу над осужденным Мухамедовым, якобы отказавшимся от соблюдения воровских «законов».

О чем же обычно идет речь на сходке? Однозначно ответить трудно, ибо «повестки дня» меняются в зависимости от си-

туации в колонии. Это могут быть и долгие разглагольствования о необходимости чистоты воровских рядов, подкрепляемые требованиями строгих подходов к «самозванцам» и «двойникам», и гыработка санкций на расправу с осужденными, решившими «завязать» и потому уклоняющимися от воровских норм поведения. Здесь же принимаются в общину новые ее члены, рассматриваются меры по активизации пропагандистской работы среди осужденных, направленной на возрождение и укрепление традиций преступного мира, обсуждаются денежные вопросы — сбор и распределение средств с «общаков».

Как и любое собрание, сходка принимает постановляющие документы, обязательные к исполнению всеми «авторитетами» региона, к примеру, такие, как «Программа боевиков», «Воззвание к особо опасным рецидивистам», «Призывы к союзному сабантую» и другие.

В последнее время организованные воровские группировки «перестроились» и стремятся придать своей деятельности ярко выраженную политическую окраску, прикрываясь ширмой якобы общественной борьбы за права человека или используя другие модные среди неформальных объединений демагогические лозунги, как правило, анархистского толка. Не так давно в ходе розыскных мероприятий была изъята одна из типовых «программ действий» для «блатного сообщества», составленная «ворами в законе». Думается, она заслуживает того, чтобы познакомиться с ней подробно. И не только в силу своей уникальности, а для того, чтобы лучше уяснить, каким образом «воры в законе» влияют на жизнедеятельность колоний и что нам, военнотружущим, можно противопоставить их преступным устремлениям.

Итак, что же предусматривает эта «программа действий» (просьба не обращать внимание на стилистические огрехи, памятуя о том, что ее составители «академиев не кончали»)?

1. «Организовать в зоне группу из 10—13 осужденных, что-то вроде центрального комитета».
2. Добиться бунта осужденных против представителей администрации».
3. Организовать ряд беспорядков в зоне».
4. Насаждать среди осужденных недовольство администрацией».
5. Привлекать к активной деятельности против администрации осужденных из числа людей запуганных, проигравшихся, вообще «лежащих в зоне зависимое положение» — использовать их в качестве ударной силы (характерная особенность — стремление «загрязнить жар чужими руками». — А. У.)».
6. Подготовить и осуществить ряд диверсионных актов по промзоне — поджоги, поломки оборудования».
7. Остановить на некоторое время работы путем массового отказа от нее 1, 2, 3 смен».

8. Вызвать резкое недовольство осужденных администрацией путем искусственных мер (все это можно назвать коротко — провокация, впрочем, именно так это далее и называется. — А. У.)».

9. Спровоцировать администрацию и охрану на репрессивные меры, которые вызовут широкое недовольство осужденных и толкнут их к бунту».

10. Захватить в качестве заложников представителей администрации или контролеров (а вот откуда тревожная статистика о резком росте числа захватов заложников — на то, оказывается, есть установка «воров в законе». — А. У.) и, угрожая им физической расправой, вынудить УИД приостановить меры по подавлению бунта и пойти на переговоры с осужденными».

11. Скомпрометировать кого-либо из представителей администрации или охраны (а вот чем заканчиваются и на что рассчитаны зачастую «невинные» презенты осужденных — типа ручек и браслетов — некоторым солдатам и прапорщикам. — А. У.) и поставить его в зависимое положение, используя в своих целях».

12. Организовать физические расправы с членами общественных организаций».

13. Требовать полного упразднения общественных организаций и создания на их месте органа самоуправления (то есть легализовать, признать подпольную систему управления зоной «ворами в законе». — А. У.), который отчитывается не перед администрацией, а перед категорией осужденных, имеющих в зоне влияние и авторитет».

14. Во время бунта вести себя организованно, требовать, чтобы советские и иностранные журналисты и телерепортеры прибыли в зону, привлечь таким образом широкое общественное мнение к бунту».

15. Требовать приезда в зону министра внутренних дел и Генерального прокурора, добиться от них гарантии осужденным, принимавшим участие в бунте, от привлечения к уголовной ответственности».

16. Во время бунта члены «Народного Фронта» на свободе постараются организовать демонстрации и забастовки в поддержку бунта».

17. Связавшись с осужденными из числа «воров в законе» и «свокожа», отбывающих наказание на «крытых» (то есть в тюрьмах. — А. У.) во Владимире и Златоусте, просить их помочь организовать беспорядки в других зонах».

18. Вести пропаганду среди солдат козловой роты, попытаться привлечь их на свою сторону во время бунта».

19. Добиться улучшения питания, работы магазина, удлинения сроков свиданий, неограниченных посылок и передачи любого веса, 8-часового рабочего дня отмены наказания в виде ШИЗО и ШКТ, отмены формы одежды, введения налич-

ных денег и коммерческих магазинов и столовых; орган местного самоуправления, подчиненный осужденным, а не администрации, должен разбирать конфликты, решать вопросы, связанные с производством. На долю администрации должна остаться лишь забота о снабжении и внешней охране лагеря. Уничтожить локальную систему отбоев, подъездов, зарядок, проверок.

20. Для подготовки и организации бунта нужно использовать осужденных из числа «чертей». Организовать из них «пятерки», причем члены одной «пятерки» не должны знать о существовании другой.

21. Использовать при вербовке подкуп, шантаж, угрозы, избиения.

22. Установить связи с осужденными из числа «воров в законе», «своёв» и «коронованных», добиться их поддержки.

23. Устанавливая связи с солдатами конвойной роты, особенно бывшими «неформалами», вести среди них пропаганду и сделать все, что возможно, для привлечения их на свою сторону (в то время, как нам необходимо принять все меры, чтобы это «привлечение» не состоялось; в отличие от «воров в законе», мы не всегда помним о важности этого. — А. У.).

24. Создать единую кассу внутри лагеря, из которой бы поддерживались осужденные в ШИЗО и ПКТ.

25. В каждом отряде создать «котел» и назначить казначея.

26. В ИТК назначить распределителя общака. Общак состоит из «котлов». Отчисления в общак устанавливаются: с 50 рублей выигрыша — 10 рублей, с грех «маклюшек» (безделушек, поделок, предназначенных на продажу вольнонаемным, солдатам. — А. У.) — 1 рубль.

27. Дать указания «шестеркам» подбирать осведомителей, чтобы знать обстановку в каждом отряде.

28. Подкупать общественность, особенно старшин и кто держит портфели.

29. Распускать слухи и лить грязь на любого, кто будет мешать «шестеркам».

30. Все делать умно и хитро, в основном чужими руками. Если кого-либо надо убрать, необходимо запускать «козлов», которые покупаются и продаются.

31. Запугивать дневальных за отказ от передачи в ПКТ и ШИЗО денег и чая.»

МОЖЕТ ПОКАЗАТЬСЯ, на первый взгляд, что приведенная «программа действий» примитивна и даже откровенно наивна — чего стоят, например, пункты о воссоединении уголовников с непонятно каким «народным фронтом» (это проявление той самой сумбурной политизации преступной деятельности) и полные гарантии его поддержки. Однако было бы неразумно сбрасывать со счетов и другие планируемые акции только потому, что они непоследовательно изложены и трудновыполнимы при условии добросовестной работы сотрудников и честной службы солдат. Нельзя не видеть настойчивых попыток

блатных лучше организовать, шире использовать для противодействия администрации и войскам забастовки, бунты и подобные им массовые беспорядки, искусственно подогревать недовольство осужденных, всемерно способствовать перерастанию его в открытое неповиновение и, оставаясь вне досягаемости ответных мер, толкать впереди себя «лагерное быдло». Все эти, скажем прямо, подлые акции, к сожалению, с достаточной степенью действенности дестабилизируют и без того сложную обстановку в колониях. Всегда ли мы готовы эффективно их локализовать?

Кто отважится оспорить то обстоятельство, что алианс «воров в законе», находящийся на свободе, на исправительно-трудовые колонии представляет реальную общественную опасность? Именно общественную, ибо влияние это не ограничивается пределами «своего» региона — области, республики, — оно поистине безгранично. К примеру, с колониями Туркмении поддерживают тесные контакты более десятка «воров в законе», находящихся на свободе. Что это за контакты? Прежде всего значение посредством каналов нелегальной связи «авторитетов» зон, координация их деятельности соответствующими указаниями, утверждение санкций на отдельные, наиболее важные акции, допустим, на физическую расправу с осужденными, нарушившими преступные традиции. С «воли» же по мере необходимости поступают свежие «идеологические» установки, которых неукоснительно придерживаются в ИТУ, и крупные суммы денег на рекрутирование будущих исполнителей преступной воли «авторитетов».

В заботы лидеров воровских группировок колонии, кроме того, входят компрометация неугодных сотрудников колонии и военнослужащих, активно противодействующих беспределу, и обеспечение моральной и материальной поддержки «воров в законе», находящихся в тюрьмах, в одиночных камерах.

Итак, несомненно: воровская организация в колонии — своеобразная пирамида, в основании которой многочисленные группы осужденных, склонных подчас видеть в ворах неких божеств, исключительно сильных и справедливых судей, способных и уполномоченных разрешать всевозможные споры, а за это пользоваться деньгами с «общака». Именно такие, умело втянутые в борьбу за воровские идеи, «пешки» действуют в первом, наиболее уязвимом эшелоне. Преступная система кастовости надежнее любых тюремных стен держит их взаперти, в постоянно неоплатном долгу перед теми, чьи шкуры они спасают, кому отдают щедрую дань.

В центре пирамиды — обладатели различных воровских званий (держатели «общак», «паханы», «фрайера» и прочие). А на вершине — нередко недостижимые для правосудия специалисты в области методологии и практики преступных дел — «воры в законе».

НАШ АДРЕС:
107120, Москва,
Сыромятинский
проезд, 8,
редакция журнала
«На боевом посту»

Кто бесправнее солдата?

Я, старший лейтенант Н. Догилев, в декабре 1990 года призван во внутренние войска на 2 года после окончания Белорусского политехнического института. Направили служить в Сибирь. Дома остались жена, у которой на руках четырехмесячная дочь, и родители-пенсионеры, оба хворые. Короче, из семьи я один — работающий. Что это означает по нынешним временам, думается, нет нужды объяснять. Трудно нам всем: мне — пытаться как-то содержать по сути три семьи; жене — одной с малышкой; моим престарелым отцу и матери — без сыновней поддержки. Будь мы вместе, легче было бы справиться с выпавшими нам испытаниями. Увы, попытки мои перевестись служить хотя бы поближе к отчему дому (и моему, кстати сказать, так как другого попросту нет), ничего не дали. Все решила отписка из военкомата, присланная в ответ на запрос из части: дескать, все дома у родителей прекрасно...

До чего же мы, офицеры, бесправные люди: все всё за нас решают, прав у нас с гулькин нос. Даже солдат может при желании и настойчивости перевестись служить ближе к дому, тот же, на ком войска держатся, — бессилен это сделать.

По специальности я — инженер-электрик, занимаю в части неплохую должность. Согласен поехать служить в Белоруссию на любую должность.

Старший лейтенант Н. ДОГИЛЕВ.
Управление внутренних войск
по Западной Сибири.

Как бил, так и бьет

В 1990 году в журнале было опубликовано письмо рядового В. Шевченко и его сослуживцев из уральской глубинки («Вместо «груши», № 11—1990 г.). В нем военнослужащие срочной службы, отча-

явшись найти защиту у своих старших начальников, обращались за помощью в редакцию: в их подразделении командир роты и его заместитель старший лейтенант О. Зимовец занимались рукоприкладством и другими неблагоприятными делами. Письмо было взято на особый контроль. После проверки его на месте в журнал поступил ответ из Управления внутренних войск по Уралу. Из него следовало, что факты, изложенные в жалобе, «частично подтвердились». К виновным лицам, в частности, к старшему лейтенанту О. Зимовцу приняты «меры дисциплинарного и общественного воздействия».

Редакцию такой обтекаемый ответ, естественно, не удовлетворил, и было предложено конкретно уточнить: во-первых, какие же факты подтвердились? Во-вторых, что значит «меры общественного и дисциплинарного воздействия»?

К сожалению, ответа на эти вопросы мы так и не получили. А жаль. Видимо, «меры» оказались неэффективными, если не все офицеры, «герои» жалобы, замаравшие тогда свою репутацию, сделали после них правильные выводы. В этом убеждает письмо, которое поступило в редакцию от группы солдат и сержантов из той же роты. Жаловались они на беспредел, творимый все тем же старшим лейтенантом О. Зимовцом. Как оскорблял физически этот замкомроты подчиненных, так и продолжает...

И что еще возмущает нас в этой истории не меньше: официальный ответ на запрос по этому острому сигналу мало чем отличается от того — давнего, на первое письмо из роты. Оцените сами: «Факты, изложенные в письме, подтвердились. Меры будут приняты после возвращения старшего лейтенанта О. В. Зимовца из отпуска (6.11.91 г.).»

С личным составом проведена разъяснительная работа».

Так и поджывает спросить у должностных лиц, проводивших проверку жалобы: а чего, собственно, ждать? И не отделяется ли и на этот раз любитель «кулачного аргумента» легким испугом!

Не по рангу

Понимаю, что, как говорится, поезд ушел и не стоило бы, пожалуй, ворошить ту давнюю теперь уже обиду. Но как смолчать? Мы и так столько лет тихо, безропотно сносили оскорбления и притеснения, может, хватит?!

В тот раз нас унизили, что называется, принародно, не попытавшись даже как-то прикрыть свои действия. Суть всей истории в том, что нашей семье решением коллектива распределены единственную путевку, выделенную частью на подразделение. Путевку на ребенка в «Артек». Дочка была на седьмом небе. Мы, родители, надеялись, что она там пройдет квалифицированное лечение.

Уже и деньги перевели, куда надо, но... Короче, поехал в лагерь другой ребенок, чадо какого-то начальника...

Н. БАГИНСКАЯ, жена прапорщика.
Ровенская область.

Подводником — хорошо, а в спецназе — лучше!

Скоро заканчиваю учебу в школе техников подводного плавания и с мичманскими погонами вернусь на Северный флот. Я — подводник, чем очень горжусь. И тем не менее обращаюсь к вам с просьбой помочь перевестись служить во внутренние войска. Не улыбайтесь, но к такому решению я пришел, регулярно читая последнее время ваш журнал. Попал он в руки ко мне, можно сказать, случайно: в киоске купил. А теперь жду с нетерпением выхода очередного номера. Оказывается, я ничего толком не знал о парнях с буквами «ВВ» на погонах. А они ведь ежедневно, ежечасно делают честно и мужественно трудное и опасное дело — охраняют покой своего народа, поддерживают в стране правопорядок.

А войсковым спецназом я попросту брежу последнее время. Хочу быть во что бы то ни стало среди тех, кто, рискуя жизнью, выполняет благородную миротворческую миссию в горячих точках. Меня не пугают трудные условия жизни, службы спецназовцев (об этом очень подробно и откровенно рассказывает журнал). Готов к любым испытаниям, уверен, они мне по плечу.

Курсант А. ИВАНОВ.
Северный флот.

Нет команды сверху...

В республике, где мы служим, узаконено положение о выплате женам офицеров, прапорщиков, не работающих не по своей воле, пособий. Чтобы получать их, надо лишь представить в часть соответствующую справку о том, что супруга является домохозяйкой. Мы такие доку-

менты собрали и выслали по инстанции. Наша же финчасть в лице майора Мустафаева не спешит выдавать деньги: дескать, нет команды и перечисленных сумм сверху. Но при чем здесь все мы и наши семьи?

Может, вы нам поможете?

Капитан К. АНТОНОВ и другие.
г. Теджен Ашхабадской области.

Никому не нужны

Мой муж прослужил в войсках 16 лет, старший лейтенант, командир взвода. За эти годы немало пришлось поколесить по стране. С осени 1988 года, в частности, жили в маленьком поселке в казахстанской глубинке. Бытовые условия были такие жуткие, что наша младшая дочь заболела ревматизмом. Муж добился перевода в другое место, поцивилизованнее, что ли. Но что это изменило? Ничего. Приехали в часть с детьми, с вещами, а там до нас никому и дела нет. Фактически оказались на улице. Жить негде, старшая дочь по этой причине пропустила несколько недель занятий в школе.

Ладно, с грудом сняли угол, на определенный срок. Он заканчивается, а там опять без крыши над головой. Почему-то это обстоятельство, когда выделяли части жилье, никто учитывать и не собирался.

Я не работаю. Цены бешено растут. Мужа, детей кормить надо. Квартиру в ближайшей перспективе не обещают. Как жить дальше?

И. ТОМИЛИНА.
г. Актау.

Как генерал преступника брал

...Дом, в котором укрылся бежавший из колонии вооруженный преступник, был окружен. Несколько часов кряду уговаривали беглеца сдаться — безуспешно. И вдруг, без каких бы то ни было предупреждений, участвовавший в операции генерал-майор Н. Крупин направился к избе. Как признался позже преступник, появление на пороге столь высокого чина, да еще при полной форме застало его врасплох. Однако это не мешало ему в течение последующей полуторачасовой беседы удерживать генерала на «мушке».

С первого раза договориться с преступником не удалось. Но после второй попытки Крупин вернулся с оружием и боеприпасами. Слово свое — организовать встречу осужденному с матерью — Николай Николаевич сдержал.

С тех пор прошло немало лет, Н. Крупин стал генерал-лейтенантом, сейчас он на заслуженном отдыхе, но мне нет-нет да и вспомнится порой тот случай.

Полковник в отставке М. ШАШИРО.

ЗАСЛОН

Публикации об особенностях действий и обучении иностранных спецформирований по борьбе с организованной преступностью, террористическими группами и массовыми беспорядками, как свидетельствует почта, с интересом встречены читателями. И почти в каждом письме — просьба продолжить рассказ о подготовке, вооружении и оснащении наших зарубежных коллег, их методах обеспечения общественной безопасности, а также о том, чем отечественные боевики и экстремисты отличаются от западных террористов. И потому редакция продолжает публикацию материалов на эту тему.

ОБЫКНОВЕННЫЙ ТЕРРОР

ТЕРРОРИЗМ — явление не новое, но его небывалый размах в последнее время дал основание западным исследователям назвать 70—90-е годы опаснейшей фазой «века терроризма». Сегодня в мире около 500 террористических групп экстремистской направленности. Только за минувшее десятилетие ими совершено 6500 акций, стоивших жизни пяти тысячам человек.

Преступники неразборчивы в средствах. В их арсенале — похищения политических, государственных деятелей, захваты заложников, взрывы бомб в государственных учреждениях и общественных местах, пиратские нападения на воздушные и морские суда, массовые убийства мирных жителей и даже попытки совершить нападение на ядерные объекты.

К сожалению, география терроризма значительно расширилась, и он начал проявлять себя повсюду, в том числе в странах, отличавшихся ранее относительно стабильной внутривнутриполитической обстановкой. В СССР, к примеру, до 1985 года имели место лишь единичные случаи терактов. К началу 1990 года советское общество оказалось в состоянии глубокого кризиса. Перестройка обнажила противоестественный характер функционирования ряда экономических и социальных структур и институтов общества, их антисоциалистическую сущность. Обострилась социальная напряженность, усиливаются настроения недовольства существующим положением дел в обществе, низким уровнем жизни, отвратительной системой распределения, ухудшающейся экологической ситуацией: Подняли головы национализм, шовинизм, распространяются всевозможные слухи, даются пессимистические оценки будущего, утрачивается доверие к государственным органам власти, наблюдается недовольство деятельностью властных структур, состояние массового психического возбуждения. О серьезности сложившейся в стране ситуации свидетельствует и рост организованной преступности, терроризма.

Вызывает особое опасение тот факт, что террор становится средством политической

борьбы. С обострением межнациональных конфликтов некоторые группировки используют его как один из путей давления на государственные структуры для достижения своих амбициозных политических целей.

В подтверждение сказанного — немного печальной статистики. Ныне в горячих точках действуют незаконные формирования численностью свыше 30 тысяч человек. Многие из них переняли тактику и изуверские методы из арсеналов международного терроризма. В руках экстремистов свыше 5,5 тысячи единиц оружия. В минувшие два года ими совершено более 250 нападений на объекты, охраняемые внутренними войсками. В 1991 году в НКАО более 150 раз войсковые наряды подвергались обстрелу. Всего в районах межэтнических конфликтов за последние два года погибло около 50, ранено и травмировано более 1300 военнослужащих внутренних войск. Не прекращаются обстрелы населенных пунктов, сельхозпредприятий, транспортных средств, участились диверсии. Так, в 1990—1991 годах в стране совершено более 200 взрывов, погибло свыше 50 человек и около 130 получили ранения. Угоны или попытки угонов самолетов стали суровой реальностью: за полтора года совершено 37 актов воздушного терроризма — в 27 случаях угонщики были обезврежены, в 10 им не удалось помешать.

Участились угрозы в адрес представителей высших эшелонов власти, народных депутатов, работников государственных и правоохранительных органов. Если в 1987 году М. С. Горбачев получил 132 угрозы расправы, то в 1990-м уже 261. За последние три года в результате экстремистских акций погибли 15 народных депутатов. Боевики перешли к практическому осуществлению терактов. Еще не завершено дело об убийстве начальнику тыла внутренних войск по Северному Кавказу и Закавказью полковника В. Блахотина. В распоряжении следствия материалы о том, что террористы прибыли в Ростов-на-Дону из Степанакерта с двумя автоматами «Скорпион» чехословацкого производства. Они намеревались разыскать и ликвидировать бывшего

коменданта Особого района, но по ошибке убили другого офицера.

Менее чем за полгода изъято 44 тысячи различного рода «стволов», свыше 1,2 млн. единиц боеприпасов, бронетехника. Распущены 33 группировки. За десять лет выявлено более полутора тысяч лиц, вынашивавших террористические замыслы, а за минувшие два года — еще более 200 человек. Однако, несмотря на энергичные меры, осуществляемые органами госбезопасности, МВД и МО СССР, тенденция роста преступности и впредь будет обуславливаться сохранением сложной социально-экономической ситуации, деформацией общественной психологии, издержками и противоречиями современного этапа перестройки. И расчет на то, что в ближайшее время потенциал положительных факторов раскроется в полной мере и они смогут нейтрализовать действие параметров, влияющих на рост преступности, вряд ли обоснован. Прогнозируются более быстрые темпы роста тяжкой насильственной и корыстно-насильственной преступности, количество умышленных убийств, по данным исследования, возрастет в сравнении с 1988 годом на 11 процентов, то есть превысит 30 тысяч человек. И развивается наш отечественный терроризм по классической

схеме. Все начинается с угроз по телефону и в листовках, надписей на стенах с призывами к расправе. Затем, чтобы доказать, что угрозы не пустые, совершаются уголовные преступления, например, убийства, нападения на банки для удовлетворения финансовых нужд различных организаций. Последний этап — взрывы в метро, аэропортах, других людных местах. Конечная цель — гражданская война.

В большинстве западных государств сложилась единая точка зрения на основные принципы стратегии борьбы с терроризмом. Они включают в себя пропагандистское обеспечение антитеррористических действий правительства с учетом того, что средства массовой информации незаменимы в деле информирования общественности, оказание помощи жертвам экстремизма, принятие соответствующих законов, организацию эффективных мероприятий по усилению охраны важных объектов, координацию антитеррористических действий правоохранительных органов.

Для борьбы с терроризмом в зарубежных странах в составе вооруженных сил или полиции имеются специальные формирования. Познакомимся с деятельностью наиболее известных из них.

СУПЕРМЭНЫ ИЗ ФРАНЦИИ

В О ФРАНЦИИ в структуре Национальной жандармерии создано антитеррористическое подразделение — группа вмешательства (GIGN), считающаяся элитной в системе сил специального назначения. Состоит она из групп захвата, обеспечения безопасности Президента республики и эскадрона парашютистов и главным образом проводит боевые операции против вооруженных террористов, в том числе и по освобождению заложников. За восемнадцать лет своего существования подразделение участвовало более чем в 600 антитеррористических акциях, причем ни один его сотрудник не был убит, что свидетельствует о их высоком профессионализме. В составе группы — 80 человек, из них добрая половина имеет черные и коричневые пояса мастеров дзюдо и карата.

Попасть в GIGN непросто. Кандидат не старше тридцати лет должен иметь не менее чем трехлетний стаж службы в Национальной жандармерии и выполнить следующие нормативы: марш-бросок на 8 км в полной экипировке за 45 минут, подъем по канату на 7 м без помощи ног за 9 секунд, плавание на 50 м за 33 секунды, подводное плавание на 50 м без дыхательных аппаратов, хождение по бревну с завязанными глазами, умение противостоять нападению собаки. И, наконец, проверяется стрелковое мастерство: необходимо выжить из пистолета с 25 м 70 очков из 100 возможных и столько же с 200 метров из винтовки.

В распорядке дня группы — ежедневные физические упражнения и специальные тренировки, в ходе которых закрепляются навыки снайперской стрельбы, рукопашного боя, точного приземления с парашютом, подводного плавания, проникновения в городские строения, поезда (на ходу) и многое другое.

Проводятся антитеррористические операции в основном в темное время суток. В боевой группе — 12 человек: специальная обувь (с блестящими пластинками для опознания друг друга в темноте) и комбинезоны, сшитые по фигуре каждого члена группы, не стесняющие движений, позволяют передвигаться незаметно и бесшумно.

Аналогичные антитеррористические формирования существуют и в других странах: в Италии — это отряд R, в Испании — специальная оперативная группа, в Бельгии — рота диверсантов-боевиков (в мирное время — специальное подразделение для борьбы с терроризмом), в Израиле — специальное формирование по борьбе с терроризмом «Сарайет Машкал» и так далее. Независимо от ведомственной принадлежности они укомплектованы профессионалами высокого класса, оснащены самыми современными образцами вооружения и техники, что позволяет им эффективно бороться с террористами.

В ближайших номерах журнала мы расскажем вам о лучших спецформированиях западных стран.

Майор О. НИКОЛАЕНКО.

Владимир ЛЕКСИН,
доктор экономических наук, профессор

ЭКОНОМИКА РОССИИ

ВЫПИСКИ ИЗ ИСТОРИИ БОЛЕЗНИ

Анализ социально-экономического и общественно-политического состояния России показывает, что развитие кризисной ситуации продолжается. Есть все основания говорить о том, что все более обостряющийся и углубляющийся кризис охватил практически все стороны жизни — экономику и управление, политику и национальные отношения, культуру и общественную мораль.

Можно и нужно вскрывать объективные и субъективные причины этого кризиса — историю последних десятилетий и последних лет, ошибочную политику центра, активное и пассивное сопротивление реформам в различных слоях общества, излишний экстремизм и непростительную осторожность, но замыкаться на критике причин бесполезно.

Губительно для России положению должна быть противопоставлена активная антикризисная политика, основанная и на трезвой оценке собственных ошибок, и на принятии подержанных народом ясных и конкретных действий, способных в опоре на собственные колоссальные неиспользованные человеческие и природные ресурсы России достаточно быстро решить если и не все проблемы по выходу из кризиса, то хотя бы самые острые и насущные из них.

Верховный Совет, Президент и Правительство России осознают свою особую ответственность не только за разработку и принятие стратегической реформаторской политики, но и за все последствия ее реализации для сегодняшней жизни народа. Лучшим подтверждением этого стало парламентское обращение Президента России к Съезду народных депутатов РСФСР в октябре 1991 года.

ЭКОНОМИКА
РОССИИ

Первый и главный вопрос, который должен волновать сейчас народ и Правительство, — для чего происходит ломка сложившихся управленческих структур, разрушение работающих с малой эффективностью, но пока еще производящих товары и услуги хозяйственных образований, изменение идеологического базиса общества? Все предлагавшиеся до сих пор программы — от «500 дней» и «программы Павлова», до «программы Силаева» и «программы Сабурова» содержат достаточно четкий ответ на этот вопрос. Однако в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств он был трансформирован в формулу, получившую недопустимо широкое распространение и, по нашему мнению, весьма сужающую и даже искажающую смысл этих документов. Все более создается впечатление, что конечной экономической целью перестройки является именно создание рыночной экономики как сердцевины новых общественных отношений и наиболее мощного рычага для слома неэффективной системы планово-социалистического хозяйства.

Одновременно общественное сознание не может не тревожить и второй, не менее больной вопрос — не были ли перепутаны в первые «перестроечные» годы цель и средства? Не случайно ведь, что формула «цель перестройки — переход к рынку» по мере создания внешне рыночных атрибутов экономики и превращения рыночных лозунгов в реальность все более теряет свою самодостаточность. Показательно, что специалисты, представляющие реальные сроки достижения первых результатов рыночных реформ и всю совокупность их последствий, также начинают весьма критически относиться к рынку как к самоцели.

Все это не случайно, поскольку в формуле «цель — переход к рынку» заложен крайне нежелательный социально-политический аспект. Если рынок есть главная цель, то все остальные задачи должны быть в той или иной степени подчинены этой цели. Уровень жизни ради этого можно снизить, экономику — загнать в глубокий кризис (широко распространены гипотезы «опускания до дна, чтобы всплыть обновленными»), целые регионы — оставить наедине с идеей «территориального хозрасчета и самокупаемости» и перевести, тем самым, в разряд депрессивных и пр., и пр.

Создаются устойчивые представления о том, что переход к рынку — это обязательно переход через бедствия и что эти бедствия теоретически и исторически оправданы.

Видимо, уместно напомнить очевидное: переход к рынку — не цель, а всего лишь средство. России нужно перейти от государственно-управляемой к свободно-рыночной системе не ради рынка как такового, а только для того, чтобы с помощью

рынка на месте бедной России без богатых построить богатую Россию без бедных. Рыночные механизмы нужны только для того, чтобы человек завтра, через неделю, через месяц, через год и через десятилетия жил лучше, чем в каждый предыдущий период.

Жизненно важно уже сейчас представлять, какое общество будет создаваться на рыночной основе и сознательно выбирать формы, методы и последовательность каждого шага к рыночной экономике, благо в этом отношении есть из чего выбирать. Человечество располагает множеством равнозначных рыночных механизмов, равно как и огромным разнообразием общественных структур, экономика которых использует эти механизмы.

Необходимость пересмотра идей «рынок — самоцель» и переход на позиции «рынок для блага народа» диктуется и тем, что в сегодняшней практике, к сожалению, доминируют административные, кампанейские подходы к самим создаваемым рыночным отношениям. Советская и западная экономическая наука до сих пор не в состоянии ответить на актуальные вопросы: что даст рынок в 1992, 1993, 1994 годах? чем нужно пожертвовать сегодня (средства, ресурсы и пр.), чтобы завтра (или в любую другую ответственно обозначенную дату) эти затраты оправдались эффектом (товарами, поступлениями в национальный доход и пр.)? Невероятно, но с распространением рыночных идей снижение эффективности народного хозяйства России (в отличие от эффективности отдельных частных сделок) вообще не анализируется.

Сейчас уже нельзя говорить «нужно вязаться в драку» или «никого не дано», не зная, что это за «драка» и что есть «нико». Нельзя допускать, чтобы «драка» превратилась в гражданскую войну и чтобы «нико» привело к народным бедствиям и к отбрасыванию общества на порог деградации.

Суть нового подхода к реформированию общества состоит не в перемене формулировок, а в пересмотре всей системы ориентиров, приоритетов и критериев для принятия любых решений в области экономических преобразований. Необходимо отказаться от идеи ломки человека, пусть даже ради рынка, и выбирать только такие формы и методы рыночного регулирования экономики, которые:

а) обеспечат не только в отдаленной перспективе, но непосредственно завтра хотя бы малейший положительный сдвиг в жизни народа;

б) будут действительно рыночными, а не мимикрирующими под рынок и тем самым либо нерезультативными, либо просто вредными;

в) будут реальными (т. е. действующими) не через 5—10 лет и не при условиях полного изменения социально-психологи-

ческих установок каждого человека, а в конкретной среде начала 90-х годов;

г) даже при использовании «шоковых» методов обеспечат гарантированное изменение ситуации к лучшему в ближайшие месяцы.

Именно на таких подходах и с ориентацией на такие цели разработана предлагаемая система мер по выходу России из кризисной ситуации.

Предлагаемая система мер исходит из наличия в общей кризисной среде нескольких наиболее губительных ситуаций. Без их первоочередного преодоления достижение главных целей общественного развития растянется на десятилетия народных лишений, а в результате можно прийти лишь к формальной и извращенной модели рынка. Обладая всеми его внешними атрибутами, эта модель не создает ни здоровой конкуренции, ни духа предпринимательства, ни свободного рынка капитала, труда и товара. Такой псевдорынок не обеспечит ни высокоэффективного производства массы товаров и услуг, ни мощных фондов общественного потребления и социальной защиты, ни действенной экономической свободы всем гражданам России.

Однако положение совсем не безнадежно. Для каждой из выделенных нами кризисоформирующих ситуаций должен и может быть найден экономико-правовой противовес, выраженный в конкретных и вполне реальных действиях.

При этом каждая антикризисная мера и их совокупность должны обладать рядом качеств, при отсутствии которых они не должны быть приняты, сколько бы «рыночными» ни казались. Необходимо четко представлять: а) что произойдет, если не вмешаться в кризисное протекание ситуации и не принять предлагаемую меру; б) что и когда будет получено, если она будет принята и реализована; в) достаточно ли действующее законодательство для правового обеспечения конкретных действий; г) может ли Россия самостоятельно справиться с поставленной задачей или нужны ее согласованные действия с рядом других республик, а также помощь из-за рубежа; д) сколько потребуются средств и откуда их взять; е) каких сопутствующих негативных последствий можно ожидать (ведь у каждого самого прогрессивного дела есть свои плюсы и минусы); ж) кто конкретно несет ответственность за проведение той или иной общероссийской акции.

Следует особо подчеркнуть, что речь должна идти не о случайном выхваченных предложениях, а именно о системе мер. Наиболее острые кризисные ситуации тесно переплетены и усиливают разрушительный потенциал друг друга. Поэтому предлагаемые меры должны столь же системно противостоять разрушительному действию кризиса, и только в этом случае они смогут привести к успеху и, значит, заслуживают их проведения.

Каковы же наиболее опасные проявления охватившего общество всеобщего кризиса, для преодоления которого должна быть принята система первоочередных мер? Это — спад производства и острейший товарный голод; дефицит бюджета и инфляция; нерациональная политика в области цен и налогов; отрицательные последствия государственного регулирования экономики; закрепление структурных перекосов; формирование псевдорынка и нарушение хозяйственных связей; мнимая самостоятельность предприятий; мнимая самостоятельность местной власти и развал социальной инфраструктуры; неконкретность и отдаленность обещанных результатов экономических реформ; беспорядочное законотворчество и бездействие законов.

1. СПАД ПРОИЗВОДСТВА И ТОВАРНЫЙ ГОЛОД

Доминантой нашей жизни (не только экономики) стал непрерывно обостряющийся дефицит почти всех видов продукции, и в первую очередь продовольственных и непродовольственных товаров народного потребления. Производство идет на спад, и всей грозящей в этой связи катастрофы народ в полной мере не ощущает только из-за наличия определенных запасов и импортных поставок. Ситуация усугубляется тем, что стремительный рост цен и инфляция стимулируют сокращение физических объемов производства — в условиях мучительного распада созданных плановой экономикой хозяйственных связей это часто становится выгодным производителю и почти всегда — продавцу и перепродавцу дефицита.

Абсолютно дефицитная экономика перерождается в дефицитный образ жизни, определяющий все изращения нашей экономической, социальной и политической жизни. «Спираль дефицита», о раскручивании которой столько говорят и пишут, замкнулась в кольцо: дефицит стимулирует дефицит; это первый и наиболее порочный замкнутый круг сегодняшней экономики.

Надо подчеркнуть, что без преодоления объективно и искусственно создаваемого дефицита нам никогда не удастся получить сколько-нибудь реального, а тем более быстрого, результата ни от либерализации цен, ни от других испытанных в иной среде мер рыночного выхода из кризиса. Второй порочный круг: гонка цен, которая далеко не всегда ведет к росту производства.

В этой связи среди всех предлагаемых мер по выходу из кризиса бесспорный приоритет должен быть отдан тем, которые могут немедленно, в считанные месяцы предотвратить окончательное скатывание в пропасть более глубокого дефицита.

2. ДЕФИЦИТ БЮДЖЕТА, ИНФЛЯЦИЯ, НЕПРОДУМАННОСТЬ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ

Катастрофические последствия развала бюджетно-финансовой системы, видимо, еще не в полной мере осознаются обществом. Если в ближайшие один-два года бюджет не пополнится, то на многие десятилетия Россия останется без здравоохранения и фундаментальной науки, без молодого инженерного корпуса и без достаточной, не навсозь коммерциализированной культуры, без нормальных школ и оснащенных современной техникой органов правопорядка. Рыночные механизмы, возрождаемые меценатство и благотворительность в обозримом будущем позволят решить эти проблемы только частично.

Никогда еще люди так не страшились болезней и старости. Женщины не хотят рожать, а молодежь — идти на производство и в институты, ибо это означает уход в бедность и в неопределенность. Потеря молодой потенциал общества, мы никогда не восполним его ни приглашением зарубежных специалистов, ни экспортом технологии.

Еще не стал объектом самого пристального внимания и тот факт, что основное бремя налогов приходится на тех, кто производит продукцию, а основные доходы получают те, кто ее продает и перепродает, что поступления в бюджет **подходных налогов** никак не соответствуют реальному росту доходов отдельных групп населения. Налоговая политика не стимулирует, а ограничивает легальное предпринимательство и личную инициативу. Сейчас «на Руси жить хорошо» не тому, кто производит, а тому, кто торгует.

3. СЛАБОСТЬ И НЕРЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Мировая практика доказывает, что ни одна экономическая, а тем более общественно-политическая система не меняла исходного состояния и не выходила успешно из кризиса без жесткого государственного управления, соединяющего продуманность долгосрочной политики, законодательное закрепление соответствующих ей общественных отношений, обеспечение **строжайшего правопорядка и прямое участие государства** в тех акциях, которые по тем или иным причинам не могли быть своевременно (чаще всего — **очень быстро**) выполнены.

Последнее условие внешне выполняется и в настоящее время. Однако главный порок нашего прямого государственного регулирования экономики до самого последнего времени состоял в том, что оно ориентировалось не столько на **помощь новому**, сколько на **закрепление старого** и использует для этого преимущественно ар-

сенал средств, свойственных доперестроенному периоду. Таковы, например сохраняющиеся и все хуже обеспечиваемые ресурсами государственными заказами; санкционированные повышения цен одновременно на все продукты и услуги; установление фискальных поборов и неоправданных валютных ограничений; порочное стремление оказать материальную и финансовую поддержку всем и вся (отчетлив осознавая, что от этой мизерной и распыленной помощи никакого толку не будет) и т. п. Вред от такого регулирования трудно исчислим.

Наряду с этим, мощный и разветвленный государственный аппарат, по сути дела, устранился от главного и особенно необходимого в кризисные условия дела — контроля за **выполнением** принимаемых законов и правительственных решений, обеспечения безусловного выполнения Конституции, гарантий от криминальных воздействий на экономику. Налицо общий кризис государственной исполнительной власти, выражающийся в ее **бессилии навести порядок в рамках новых правовых норм**.

При сохранении этой ситуации выйти из кризиса быстро и без огромных потерь невозможно. Вот почему в числе первоочередных антикризисных действий необходимо включить меры по выбору и **прямой государственной поддержке крайне небольшого числа приоритетных направлений и производств** (сознательно отказываясь от ресурсной поддержки остальных): отказ от удушения хозяйствующих субъектов, претендующих на полную экономическую самостоятельность; **смелое делегирование на места полномочий по государственной поддержке** новых экономических структур (например, оставление в бюджетах краев, областей и районов той части собранных на месте налогов, которые должны быть переданы фермерским хозяйствам); **задействование всей силы правоохранительных органов** для обеспечения нормальной предпринимательской деятельности; **создание условий для новых конкурентных производств**, жизненно необходимых народу и т. д.

4. ЗАКРЕПЛЕНИЕ СТРУКТУРНЫХ ПЕРЕКОСОВ

Давно установлено, что экономические беды России во многом связаны со структурными перекосами ее народного хозяйства — непомерно раздутой отраслевой «группой А» по сравнению с производством товаров и услуг народного потребления, гипертрофией военно-промышленного комплекса, явным креном в добычу сырья, а не в его глубокую переработку, в производство ресурсов (в том числе топливно-энергетических), а не в ресурсосберегающие технологии, непрерывными инвестициями в заведомо убыточные производства.

Структурные перекосы, являющиеся одной из важнейших причин экономических трудностей, объективно способствуют сохранению кризисной ситуации. Экономика России в ее современной структуре просто не в состоянии будет выйти из кризиса. Поэтому в число первоочередных должны быть включены меры по структурному преобразованию экономики. Необходимы конкретные действия, способствующие приоритетному развитию одних и сворачиванию других отраслей и производств. Эти меры должны быть подкреплены правовыми и экономическими гарантиями трудящимся, которые не должны нести бремя ответственности за прежнюю структурную политику.

5. ФОРМИРОВАНИЕ ПСЕВДОРЫНКА

Становление новых рыночных отношений и рыночных структур практически не вызывает позитивных сдвигов в экономике. Во многом это связано с тем, что эти отношения и структура по своей сути являются нерыночными или, что еще хуже, антирыночными.

Откровенно антирыночной является практика установления прямых хозяйственных связей между отдельными регионами, когда субъектом экономических отношений вместо свободного товаропроизводителя становится краевое, областное или городское руководство, регламентирующее, что и куда возить и вывозить. Ряд законов и постановлений не только не ограничивает подобную деятельность, но, напротив, способствует укреплению идеи «экономической самостоятельности» регионов и внешне заманчивых перспектив удержания товарной массы на внутрирегиональном уровне.

Абсолютно нерыночной является проводимая ценовая политика. Рынок немалым без свободно складывающегося баланса между спросом и предложением, между стоимостью и ценой, между прибылью и чалогам. Фиксированная цена или ее искусственный эквивалент (например, абстрактно-расчетная стоимость приватизационного чека) не могут дать ничего, кроме «псевдорынка», главной целью которого станет использование выгод искаженной цены или бесплатного чека не производителями, а перепродавцами.

Современные рыночные отношения невозможны и в условиях сверхмонополизма, составляющего одну из главных особенностей российской экономики. Однако многие чормативно-законодательные акты об антимонопольной деятельности настолько неконкретны и лишены механизмов их реализации, что в ближайшие годы рассчитывать на их действенность совершенно не приходится.

В этой связи предлагаемые первоочередные меры выхода из кризиса включают

конкретные действия по демополизации производства, путем как принудительного разделения гигантских хозяйственных образований, так и поощрения их рассредоточения и диверсификации. Кроме того, предусматривается правовая поддержка конкурирующих малых и средних предприятий.

6. МНИМАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЙ

Выход из кризиса предполагает опору на дееспособные и самостоятельные предприятия, рассчитывающие на государственное антикризисное регулирование экономики, но одновременно полностью отвечающие за свои действия и перед партнерами, и перед собственными работниками. Предприятия и организации находятся в разной степени экономической свободы в зависимости от форм собственности и организационной включенности в союзные, общереспубликанские или местные системы юрисдикции. Новое законодательство медленно, но верно решает эту проблему.

Но есть и другой, не менее важный аспект мнимой хозяйственной самостоятельности, и его проявления не менее опасны, чем медленно устраняемые правовые ограничения. Основная часть предприятий, ратующих за экономическую самостоятельность, на самом деле не изжило воспитанную прежней системой надежду на государственные податки и льготы и на государственные ресурсные фонды (которых практически не осталось) и, к сожалению, соединила эти надежды со все возрастающей безответственностью.

Срыв договорных обязательств на всех уровнях и во всех сферах экономики (в первую очередь на производстве и на транспорте) стал одной из главных причин экономического хаоса и сокращения товарной массы. Ни у кого нет уверенности, что намеченные производственные программы будут обеспечены смежниками. Развитие этих тенденций может привести лишь к дальнейшей натурализации производств, к падению их эффективности из-за неиспользования выгод специализации, к полной деградации производства продукции межотраслевого назначения и к другим необратимым негативным последствиям.

Поэтому в число первоочередных антикризисных мер обязательно должны быть включены механизмы, гарантирующие соединение полной хозяйственной самостоятельности предприятий с безусловной и не менее полной их хозяйственной ответственностью за результаты собственной деятельности и за результаты всех тех, кто поставлен от нее в прямую экономическую зависимость.

7. МНИМАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ И РАЗВУЛ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Перестройка возлагала на местный фактор особые надежды; началась даже своего рода региональная эйфория, основанная на весьма сомнительной абсолютизации лозунга «вся власть — Советам!» и не менее сомнительных идеях «территориально-хозрасчета», «самоокупаемости и самофинансирования» городов, краев и областей, платы за «трудовые ресурсы» и пр. В результате же человек стал действительно «существом региональным» — все более зависимым от места прописки, местных норм отпуска товаров, все более опасющимся «нападения» соседей из других регионов на свой скудный рынок и все более рьяно защищающим его от этих нападений и пр., и пр.

Но никакого «регионального чуда» не произошло. Почти во всех регионах местная власть так же, как и «центр», бессильна улучшить социально-экономическое положение населения, а местная социальная инфраструктура, на которую приходится от 50 до 90 процентов всего объема социальных услуг, представляемых гражданам России, приходит в окончательный упадок. Повсеместно снижаются объемы жилищного строительства, очереди на получение жилья в городах не сокращаются, а растут, уровень благоустройства во многих населенных пунктах опустился ниже минимально допустимых норм, все тревожнее состояние основных жизнеобеспечивающих систем — водопроводов, канализации, городского транспорта, теплоснабжения. Кризис местно обеспечиваемой социальной жизни населения усугубляется существенным сокращением возможностей государственной поддержки отдельных регионов — на это могут подвигнуть только сильнейшие общественные или стихийные катаклизмы типа массовых забастовок в Кузбассе или землетрясений.

Четыре главных фактора, использование которых должно было обеспечивать благополучие регионов, — собственная экономическая база (муниципальная собственность), распоряжение землей и другими природными ресурсами, местные налоги и местная поддержка всех видов предпринимательства, в которых особенно заинтересовано население, — из-за нечеткости новейших законов и нерешительности местных властей остаются практически незадействованными.

8. ОТДАЛЕННОСТЬ ОБЕЩАННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

В стране складывается исключительно опасная ситуация — кризис продолжает обостряться, а первые осязаемые резуль-

таты намеченных реформ предполагается получить еще не скоро. По самым оптимистичным экспертным оценкам решение главной задачи — приостановление стагнации экономики и снижение товарного голода предположительно ожидать: за счет разгосударствления и приватизации государственной собственности — через 3—5 лет;

за счет либерализации цен — через 2—3 года;

за счет реализации внешнеэкономических программ — через 3—4 года;

за счет реализации земельной реформы в сельской местности — через 3—4 года и т. д. Но и эти предположения вилами на воде писаны.

Если коренным образом не переломить современные тенденции развития кризиса, то становления нормальных рыночных отношений можно ожидать только на пороге третьего тысячелетия. Каждый год продолжающегося спада производства все более отдаляет Россию от уровня развитых стран минимум на пять лет. Нарастающее недовольство населения может вылиться в формы, реализация которых способна увеличить этот разрыв в несколько раз.

Все это делает проблему сроков выхода из кризиса наиглавнейшей и в экономическом, и в социальном, и в политическом аспекте. Именно это обуславливает то обстоятельство, что все предлагаемые первоочередные антикризисные меры ориентированы не столько на долгосрочную перспективу (там рано или поздно заработают рыночные механизмы), сколько на ближайшее время. Это не значит, разумеется, что можно ожидать полного преодоления кризиса за время все тех же «500 дней». Задача принципиально иная — предложить решения, которые, с одной стороны, могли бы дать, пусть скромный, результат уже в ближайшее время, а с другой — обеспечить динамичное и непрерывное развитие реформ и в более отдаленном будущем.

9. БЕСПОРЯДОЧНОЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО И БЕЗДЕЙСТВИЕ ЗАКОНОВ

К середине 1991 года в России образовалось совершенно немыслимое правовое пространство, на котором в равной степени действуют (а вернее сказать — бездействуют или действуют в другом направлении) принципиально разные законодательные установления. Это мощный пласт неотмененных доперестроечных законов и подзаконных актов, новые законы и постановления правительства России (в том числе принятые в первые годы перестройки), новые законы правительства бывшего СССР (также принятые и до, и после выборов нового депутатского корпуса, Верховного Совета СССР и его органов), за-

конодательные акты республик, входящих в Россию, и, наконец, крайне разнообразны по подходу результаты местного нормотворчества.

Совершенно необходимое правовое закрепление новых общественных установок в сфере политики, экономики, государственного и социального устройства, тем не менее, породило крайне сконцентрированную во времени массу законов и других правовых актов (не считая директивных инструкций и рекомендаций), разясняющих, а в ряде случаев и извращающих первоначальный смысл законов. Практическое пользование ими крайне затруднено по трем обстоятельствам:

во-первых, в новых законах и других правовых актах плохо ориентируются даже юристы; развернутые комментарии по отдельным законам и их статьям, не говоря уже о совокупности норм, рассыпанных по разным законам, отсутствуют, и рассчитывать на их появление до относительной сформированности нового хозяйственного права не приходится. Например, вопросы земельной реформы сосредоточены по восьми союзным и семи российским законам, постановлениям Верховных Советов и Советов Министров, а для грамотного решения конкретных земельных проблем нужно параллельно рассмотреть не менее сотни отдельных статей и пунктов этих правовых актов и примерно столько же сопутствующих статей в других актах. Аналогичная ситуация характерна для предпринимательской деятельности, работы местных властей и т. д.;

во-вторых, призванная быть целостной новая масса правовых актов внутренне противоречива, что не только лишает их ответственности, но и создает «законные» основания для неисполнения конкретных законов. Более того, первая волна законов, принятых в начале перестройки, на глазах устаревает и в силу своей двойственности становится тормозом для правовой реализации новых форм и методов хозяйствования;

в-третьих, многие принимаемые законы декларативны, не являются правовыми актами прямого действия и оставляют многие самые ответственные для практики решения на последующую разработку на местном или ином уровне. Законы поврежнему изобилуют формулами «должны», «способствуют», «обеспечивают» и т. п. и не раскрывают ни исключительность компетенции по реализации прав, ни конкретную меру ответственности за невыполнение законов.

Понятно, что указанные обстоятельства порождены объективными причинами. Но столь же понятно, что нельзя правовые рычаги превращать в тормоза, особенно нежелательные в кризисной ситуации. В этой

связи предлагаемая система по выходу из кризиса предусматривает: **во-первых**, определенную согласовательную «ревизию» и частичное «очищение» ранее принятых правовых актов с учетом новых общественно-политических и социально-экономических реальностей; **во-вторых**, немедленное формирование специального антикризисного законодательства с укреплением в нем временных правовых норм; **в-третьих**, максимальное ограничение нового хозяйственного законодательства и сосредоточения внимания на правовых механизмах и процедурах реализации законов, в первую очередь собственно антикризисных. В число указанных мер должны входить пересмотр и ужесточение правовых норм, регулирующих ответственность юридических и физических лиц за виноватства законной хозяйственной деятельности и за криминальные действия по отношению к предпринимателям.

* * *

Выбор стратегии рыночной реформы экономики заключается в определении содержания конкретных шагов реформы и в установлении последовательности их осуществления. Дорога процветания страны начинается с преодоления общего бедственного положения ее экономики. Возможные варианты стратегии экономической реформы, соответствующие условиям России, следует различать в зависимости от того, в какой степени и насколько быстро смогут они разрешить тесно переплетенные проблемы инфляции, дефицита, спада производства и разрушения хозяйственных связей. Естественно, что наиболее всеобъемлющая и радикальная стратегия, позволяющая достаточно быстро и полно разрешить все эти проблемы, представляется в сложившейся ситуации предпочтительнее, чем стратегия медленного проведения частичных реформ, решающих лишь отдельные из названных проблем.

Авторы практически всех без исключения предлагаемых для России программ перехода к рынку исходят из того, что в России в принципе существует экономика в том смысле, какой привыкли закладывать в это слово на Западе, и что эта экономика больна. Поэтому важнейшей целью таких программ является лечение этой больной экономики.

И ХОТЬ К СТАРОМУ НЕТ ВОЗВРАТА...

Субъективные заметки о судьбе Коммунистической партии

ДАЖЕ в кошмарном сне не могла привидеться столь поспешная расправа, какую учинили над ней в конце августа 1991 года. Предав партию, капитулировавший после Фороса перед «спасителями» генсек словно тряпку бросил ее под ноги антикоммунистам, и всяк кому не лень вытирает об нее обувь.

Партия прикрыта, ее имущество по-пиратски, воровски, презрев правовые нормы, растаскивают и разбазаривают. Не счесть охотников урвать кус от партийного пирога. В кабинеты, занимаемые доселе партфункционерами, вселились оборотистые и нагловатые чиновники новой формации. В западных банках лихорадочно ищут партийное золото. А кто, кстати, спросил меня, положившего за полвека в виде ежемесячных взносов немало рублей на партийный алтарь, как поступить с собственностью КПСС?

Процесс ликвидации партии выглядел не просто нецивилизованно, а, скорее, постыдно и фарсово. Наблюдали мы, как 23 августа вернувшийся из Крыма Президент выступал перед депутатами Верховного Совета России, какой агрессивный напор зала испытывал он. А венцом его срама и унижения стала сцена, когда Б. Ельцин демонстративно, на виду у миллионов телезрителей подписал указ о приостановлении деятельности РКП. Горбачев еще пытался что-то — не слишком убедительно и внятно — говорить в защиту коммунистов. Но и суток не прошло, как сам он объявил об уходе с поста Генерального секретаря, призвал партию к самороспуску, а затем издал известные указы.

Слов нет, почва к такому финалу готовилась раньше. Уже года два перед этим слышали мы на митингах, демонстрациях, видели на транспарантах и в листовках, на газетных полосах адресованные партии коммунистов вопли «долой!», «прочь с дороги», «на свалку», требования распять ее, судить и т. д., и т. п.

О том, что дни партии сочтены и процесс ее умирания надо форсировать, пророчили с высоких трибун и печатных страниц народные депутаты, известные государственные мужи, общественные деятели, бойкие журналисты. Призыв к суду над партией читался, например, в целом интересном фильме С. Говорухина «Так жить нельзя». Когда шли кадры, посвященные заседаниям международного трибунала в Нюрнберге, оператор долго показывал пу-

стой зал, говоря: вот он, ждет новых подсудимых.

Волю своим разнузданным страстям и эмоциям, травле партии антикоммунисты дали, воспользовавшись так называемым путчем. (Недаром же родилась поговорка: нет ничего лучше плохого путча).

Разобраться в назревших проблемах и болезнях пыталась и сама Коммунистическая партия. Отказавшись от властных функций, она, пусть и робко, не всегда последовательно, искала пути обновления. В этой связи можно возвратиться к XXVIII съезду, от которого хотелось бы начать отсчет нового времени в истории партии. Никому и с самой изощренной фантазией не приходило в голову, что он станет последним. XXIX-й, намеченный на конец 1991 года, не состоялся. И проект новой Программы ляжет в архив.

Перечитывая заметки, опубликованные в журнале перед XXVIII съездом*, вспоминаю, с каким нетерпением, с какими надеждами мы его ожидали. Совсем не так, как предвидущие, когда в глазах рябило от лозунгов о «достойной встрече», а на всех перекрестках гадели о соревновании «в честь», «в ознаменование». Ждали не как пышного парада одряхлевших партвождей с рапортами в папках с тиснением и здравницами с частоколом восхитительных знаков, заблаговременно сочиненными в аппаратах и обреченными на озвучание с кремлевской трибуны.

Не считая тех, с которыми знаком по книжному курсу истории, я сознательно помню одиннадцать партийных съездов, начиная с восемнадцатого — тогда, в 1939 году, я учительствовал в школе и был секретарем территориальной комсомольской организации. Все те съезды неизменно (и чуть ли не авансом) объявлялись историческими, и, чем крупнее был порядковый номер, тем более историческим съезд провозглашался. Рекорды апологетики, пустозвонства, помпезности побил XXVI-й, последний из четырех при брежневском правлении. Ух, как же состязались там в дифирамбах и похвалах «вернейшему ленинцу»! Один публицист дотошно процитировал потом по стенографическому отчету, кто какие оды пел Брежневу. Только малость «смельчак» слугавил: храбро позпорадствовал по адресу ушедших из

* «Не посыпая голову пеплом», На боевом посту, 1990, № 5.

жизни и покинувших партийный Олимп персональных пенсионеров, не отважился он сообщить, что в том состязании сладкозвучных брежневских трубадуров всех превзошел Э. А. Шеварднадзе. Но к моменту той огоньковской публикации он еще не ходил в «бывших», пребывая членом Политбюро. Именно он, Эдуард Амвросиевич, между прочим, лидировал и среди курильщиков фамилама М. С. Горбачеву с самого начала перестройки, первым поспешив присвоить тому звонкий титул ее архитектора.

Те десять дней в июле 1990 года, когда заседал XXVIII съезд, если и не «потрясли мир», то приковали к себе его внимание и, уверен, свой след в жизни страны и партии оставили. Пожалуй, его-то вполне резонно, не риторики и красотостей ради можно было бы наречь по-своему историческим, если бы мы, повторяю, уже не опошили этот эпитет, сделав его банальным, вызывающим скорее скептическую усмешку и досаду.

Собравшись на драматическом рубеже, когда изнутри нависла угроза раскола партии и все настырнее звучал остервенелый лай извне, когда авторитет партии, Советов, государственных структур катастрофически падал, когда людей все сильнее тревожил рост насилия и преступности, обострение межнациональных отношений, тупиковая ситуация в экономической, социальной, экологической сферах, съезд, пусть далеко не полностью, оправдал некоторые надежды, не позволил расколоть партию. Принятые на нем острое и бескомпромиссное в оценках программное заявление «К гуманному, демократическому социализму», новый устав и другие документы создавали неплохую основу для обновления партии в условиях ее отказа от всевластия и монопольного положения в обществе. И я не согласен с теми, кто поспешил объявить XXVIII-й съездом упущенных шансов и возможностей.

Меня тоже не все удовлетворило в итогах съезда. Настораживало, в частности, явное пренебрежение проблемой членства в партии. Ее сделали как бы несущественной и несуществующей. Облегчив и упростив условия, порядок и процедуру приема, партия стала напоминать проходной двор. И после съезда наблюдалась тенденция к увеличению числа партийцев. Что происходит, когда идет голая погоня за миллионами и нет заботы о качественном составе, теперь мы уже убедились.

Свой шанс партия окончательно упустила за год, истекший после съезда, вплоть до августа 1991 года, когда она оказалась по сути вне закона, распалась как единая организация на суверенные республиканские, получившие разные наименования.

Что же произошло? Как? Почему?

Слов нет, злобные нападки и таранные удары извне не прошли бесследно, нанесли ущерб партии, политическому и нравственному самочувствию коммунистов. И

все же главный источник разрушения не в них, а в ней самой. Исчерпав себя в прежнем качестве и в значительной мере утратив доверие народа (о чем свидетельствовало, например, ее поражение на российских выборах в июне 1991 года), партия рухнула от собственного бессилия, пассивности, паралича воли и мысли. Как ни пренеприятно мне ссылаться на Ю. Афанасьева, одного из недавних партократов и нынешних антагонистов партии, не могу тем не менее забыть его злой прогноз: в июле 1990 года со страниц «Литературной газеты» он заявил, что с КПСС нет смысла даже бороться, она сама сойдет со сцены, распадется. Увы...

В новых условиях, когда партия перестала быть государственной структурой, ей, чтобы не прозябать на обочине и отстаивать свое право на лидерство, нужно было не только отряхнуться от тяжелого груза прошлого и не только выйти к народу с убедительной, привлекательной программой спасения страны от катастрофы, но прежде всего, засучив рукава, взяться за практические дела.

Этого, к сожалению, не случилось. Партия хронически запаздывала, плелась в хвосте бурных событий. У нее, недавно руководящей и направляющей, атрофировалась мускулатура, дремотным и косным стал ум. За десятилетия своего безраздельного правления и полнейшей неприкасаемости партия, как беспечный и бесконтрольный монополист, утратила способность к конкурентной борьбе, к соперничеству, к схваткам и диалогу с сильным оппонентом, превратилась в конформистскую массу, равнодушно внимающую провозглашаемым в верхах лозунгам. Этот многомиллионный отряд конформистов, безынициативных проводников «линии», приученный к послушанию и единомыслию, к директивам, когда и по какому поводу собраться и за какое решение проголосовать, почти ничего не предпринял, чтобы преобразоваться на новых началах, на соответствующей моменту платформе, а главное — действовать, действовать, действовать!

Конформистский склад партийцев, какая-то рабская их покорность и привычка к послушанию, мягко выражаясь, инфантилизм, дали себя знать и в момент устранения КПСС с политической арены. Мало кто возмущился вслух, попытался воспротивиться антиконституционным шагам, нарушению прав человека. Никто не появился на Старой площади, когда мимо здания ЦК шли колонны торжествующих антикоммунистов, били стекла и вывески, никто не закричал: что вы делаете? почему бесчинствуете? Не поступало, значит, команды... В состоянии протрации, терроризированные, молчали рядовые, не подали голос и руководители.

Распоряжаясь богатейшим идеологическим арсеналом, сетью научных учреждений, домов и кабинетов политического просвещения, прессой, целой ратью остепененных штатных пропагандистов, партия в

трудный момент не нашла дороги к сердцам людей, уставших от демагогии, посулов и обещаний.

Оппоненты же КПСС заметно опережали ее, проявив максимум активности, инициативы, напористости, иногда и заурядной нахрапистости, оттесняя коммунистов в выборных советских органах, в трудовых коллективах, по месту жительства. Причем далеко не всегда с благородными помыслами и честными методами, манипулируя общественным мнением, завоевывая дешевую популярность пусканием пыли в глаза.

Нельзя, разумеется, отрицать и тот невосполнимый урон, который авторитету партии нанесли позиция и поведение некоторых ее недавних лидеров, вскормленных ею и предавших ее в критический час.

Нет, по-моему, ничего омерзительнее предательства, измены, на которые способны всякого рода перебежчики и перевертыши. В свое время Горький сказал, что сравнить предателя не с кем и не с чем и даже тифозную вошь подобное сравнение оскорбило бы. Звучит сие жутовато, но...

Поголовье изменивших красным знаменам и прежнему кумирам-основоположникам исчисляется ныне многозначными числами. И спокойно, с соблюдением дипломатических приличий говорить о них я не в силах. С почтением отношусь к Андрею Сахарову, к Александру Солженицыну, хотя и далеко не во всем согласен с ними. (Меня, например, буквально покорила абсурдная солженицынская тирада о коммунистах: «невозможно быть коммунистом и русским, коммунистом и французом — надо выбирать»). Как будто коммунист Шолохов или обожаемый писателем Твардовский не были русскими!). Но это люди стойких убеждений, частая же мужественные бойцы, подвижники. Заслуживают уважения и те порядочные рабочие, крестьяне, интеллигенты, которые не вступали в партию даже под нажимом, под подозрением в крамольном инакомыслии. Готов, наконец, понять и не осуждать тех, кого когда-то завербовали в партийные ряды разнарядки ради, и они теперь, поняв, что угодили не в ту дверь, спокойно ушли, не похваляясь этим и не сжигая членские билеты перед телекамерой.

Но как подать руку тем, кто еще вчера превозносил коммунистические идеи, социалистический путь, кто, оседлав кресла в самых верхних этажах, больше других повинен в бюрократическом перерождении партии, кто лично усердно пестовал и охранял командно-административную тоталитарную систему, а сегодня как ни в чем не бывало предает анафеме все, чему поклонялся? Имена самых известных отступников, переметнувшихся в другой лагерь, у всех на слуху, нет надобности публиковать этот длинный список.

Но об одном, о Д. А. Волкогонове, хотелось бы сказать.

В конце 1991 года он возглавил походную команду, коей было поручено пуб-

личное погребение военно-политических органов в Вооруженных Силах. На одной из пресс-конференций он с ученым aplomb изрек, что с 1917 года нашу страну олицетворяли два института — ЧК и комиссары. О том, что сам Волкогонов олицетворял комиссарскую когорту, недавний главный идеолог армии и флота скромно умолчал. Между тем высокое звание генерал-полковника, которое полагается командующему военным округом, он получил ничем, кроме взвода после училища, не командуя и вообще не отвечая за живых людей в роли, скажем, замполита полка или начальника политотдела дивизии, коим зрядно влетает за грехи подчиненных. Свою службу Дмитрий Антонович благополучно и комфортно, достигнув трех звезд на генеральских погонах, докторской ученой степени и профессорского звания, провел преимущественно в уютных апартаментах Главпура на Гоголевском бульваре, где усердно помогал своему шефу А. А. Епишеву, писал одну за другой книги, защищал диссертации. Сколько им произнесено с печатных страниц и с трибун пламенных речей насчет обострения идеологической борьбы, битв на идеологическом фронте — пусть любопытный заглянет в библиографию его трудов, их целая библиотека. Ни бумаги, ни гонораров на одного из видных представителей армейского комиссарского корпуса Воениздат не жалел. И вот на тебе: армии противопоставлена политика, не нужны ей политработники, ату их!..

А почему бы Д. А. Волкогонову, этому в одночасье прозревшему выдающемуся глашатаю марксистско-ленинского учения, не объявить во всеулышание: я десятилетиями занимался идеологическим шаманством, проповедовал ложные ценности, чем заработал чины и блага, а посему прошу уволить меня в отставку в звании лейтенанта, в коем я честно когда-то обучал и воспитывал танковый взвод?

Дело, однако, не только в личности Волкогонова, человека безусловно одаренного, не чета некоторым военно-политическим посредственностям тоже в генеральских мундирах. Дело, мне представляется, глубже и серьезнее. Можно еще согласиться с тем, что парторганизации в войсках, когда пришла пора многопартийности, от своих претензий должны отказаться. А можно ли вдруг отказаться от политического воспитания воинов в насквозь политизированном нашем обществе? И гоже ли отдавать солдатские души священнослужителям, за что тоже ратуют отдельные новоявленные реформаторы?

Сдается мне, что бал у нас и на сей раз, как и вообще-то нередко, правят непродуманность и поспешность. Исходим впопыхах и сгоряча из того, что это, дескать, нажито в прошлом и потому годится на слом. Как бы не пришлось скоропалительные, эмоциональные решения об упразднении военно-политических структур через какое-то время, лет эдак через пяток, при-

знать ошибочными и искать какие-то выходы, если не возвращаться к старому, испытанному многолетней практикой. Ведь было уже на моей памяти всякое, в том числе и рьяные наскоки на политраблиту. Вспомним мы тогда нашего соотечественника человека глубокого исторического мышления Василия Ключевского, записавшего однажды в своем дневнике: «В России развилась особая привычка к новым эрам в своей жизни, чаклонность начинать новую жизнь с восходом солнца, забывая, что вчерашний день потонул под неизбежной тенью. Это предрассудок — все от недостатка исторического мышления, от пренебрежения к исторической закономерности».

В списке тех, кто требует то судилища над партией, то публичного покаяния и самоистязания каждого коммуниста, почему-то забывая при этом покаяться самим, принести на праведный суд свое партийное прошлое, назову еще Владимира Солоухина. Его крикливая, претенциозная статья в «Огоньке» вызвала заметный резонанс и возражения даже у читателей, не приверженных идеалам КПСС. С прокурорской монолитностью предъявил он партии вердикт из двух с половиной десятков обвинительных пунктов, по каждому из которых меньше «вышки» не полагается. Программным пассажирам известного «инженера душ» позавидовал бы сам Вышинский. Только вот что меня смущает. Владимир Солоухин долгие годы состоял в этой самой чудовищной, по его мнению, организации, соблюдая устав и прочие ее предписания, причем не без прилежания и усердия. Да иначе и не мог солдат кремлевского полка специального назначения, в котором Солоухин провел военные годы и получил потом удостоверение участника войны. Уж там-то бессловесное повиновение и вымуштрованность доведены до невероятных пределов. Да и позднее, в писательскую свою пору, он, как известно, старался не сбиться с «курса». Вспомним хотя бы его участие в неправедной расправе с Пастернаком и то, как, уличенный в ней, он, прикинувшись наивным, выкручивался: мол, все так тогда поступали, не я один... Не худо бы таким солоухиним, если у них осталось малость человеческой совести, не забывать о своей собственной вине. И следовать совету старика И. А. Крылова — «на себя оборотиться...»

Но, как говорится, бог им судья. Они всегда были, есть и будут, пока существует род человеческий. Нынешние демократы, набившие руку на спекуляциях насчет чьих-то привилегий и не преминувшие, став президентами, мэрами, префектами, советниками и проч., под популистский шумок сами завладеть привилегиями еще похлеще тех, что им мозолили глаза, отлично знают, что всевозможным спецблагами пользовалась лишь партийная верхушка, что миллионы коммунистов никаких иных привилегий, кроме одной — быть

впереди, работать лучше других, вести людей за собой, — не знали.

Это же факт боевой действительности, а не выдумка политруков, что на многотысячеверстном фронте Великой Отечественной звучал, как набат, призыв «Коммунисты, вперед!» И гибли они, первыми поднимаясь в атаку, под вражеским огнем⁹.

Этот же факт, что в войсках подавляющее большинство коммунистов — солдат и сержантов было отличниками службы и учебы застрельщикам всего нового, передового, что именно коммунисты командовали лучшими отделениями, взводами, ротами. Они всегда ошущали двойную ответственность — перед своей партией и перед старшими начальниками. Не верю, что наша армия что-то выиграет, если повально все, начиная с министра обороны, вдруг закичились этойкой девственной беспартийностью. От партии они ушли, к богу не пришли, а с начальниками можно и ладить, и не считаться, и похода обманывать.

Так что же дальше?

Не берусь заниматься пророчествами, тем более, что могут они оказаться на цвет мрачноватыми и на вкус не слишком съедобными. Уверен, однако, что вчерашние коммунисты еще скажут свое слово. Минует шок, позади останутся растерянность и протрация, и на руинах КПСС и РКП объединятся свежие левые силы социалистической ориентации. КПСС уже не будет, ибо нет самого Советского Союза. Как назовут новую партию, покажет будущее. Это будет не партия Жириновского, не партия Травкина, не кадетская или еще какая-то ископаемая организация. Думаается, что опубликованный в начале августа 1991 года проект программы мог бы послужить приемлемой основой ее платформы. Ясно также, что это не будет партия с восьмизначной численностью. Может, в ней соберется миллион, а то и того меньше, лишь бы это были настоящие бойцы, люди твердых позиций, которые в партии видят не кормушку, а коллектив подлинных товарищей по взглядам и убеждениям, объединившихся во имя целей, наилучшим образом отвечающих чаяниям человека труда, готовых всюду отстаивать его интересы.

Постскриптум. Не знаю, какой ярлык приклеят мне познакомившиеся с этими раздумьями — консерватор, догматик, центрист? Лишь бы не ренегат, не переметнувшийся в чужой стан, каким я некогда не был и не буду.

Илья БЕЛИКОВ.

⁹ В прошлой статье я мимоходом упрекнул А. Межирова, автора известного стихотворения «Коммунисты, вперед!» Вскоре (25.7.90) он опубликовал в «ЛГ» поэтическую подборку, где эпиграфом взял из него слова «...и не встать под огнем». Поэт клянется в верности тому, что написал в 1945 году, и возмущается, что кое-кто нынче утверждает, будто «мат был единственным словом, поднимавшим солдат в атаку».

ВЛАСТЬ МЕНЯЕТСЯ?

ПОДОЗРИТЕЛЬНО долго не появляется на наших телеэкранах веселая и смешная комедия «Свадьба в Малиновке». Поэтому напомним всем, кто забыл: белые, красные, зеленые только тем и занимались, что по нескольку раз в день с песнями входили в Малиновку, а неизменный сельский голова произносил то сокрушенно, то радостно: «Опять власть меняется!» Вспомнили? Да разве можно забыть самовлюбленного сластолюбца «пана атамана Грициана Таврического» или лукавого приватизатора Попандопуло, а тем более бравого деятеля военно-промышленного комплекса Яшку-артиллериста?

В ПРОЧЕМ, телевидению сейчас не до Малиновки. Не в селе — в стране власть меняется.

Вернемся на пару минут во времена не столь отдаленные, когда будущий президент не существующего ныне государства — СССР затевал ломку командно-административной системы. Намерения тогда были очень похвальные — передать власть из рук партийного аппарата, не народом избираемого и от народа не зависящего, в руки народа. Мол, в современных условиях управление не может быть привилегией узкого круга профессионалов. Стремиться надо к управлению народа посредством самого народа. То есть долой заисилье аппаратчиков, да здравствует бессмертный лозунг «Вся власть — Советам!»

Механизм для превращения слова в дело тогда еще действовал. Мы с азартом кинулись на избирательные участки и впервые всерьез задумались: разве кухарка справится с государством? Пусть уж нами управляют профессионалы!

Где была наша политическая бдительность, когда Советы депутатов трудящихся, происшедшие от Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, лукаво переименовывали в Советы народных депутатов? Легко клюнули на пришедшую из эпохи застоя терминологию: дескать, государство у нас общенародное, нетрудащихся вроде не осталось, так зачем сохранять явные признаки эпохи классовых битв?

Самыми «народными» оказались профессиональные ораторы — правоведы, журналисты, кинорежиссеры, общественники и быв-

шие партийные лидеры. И чем больше говорили они и голосовали, тем длиннее становились очереди в магазинах, тем привычнее воспринимались слезы беженцев и святая солдатская кровь, пролитая озверелыми соотечественниками. Сейчас можно ругать себя: неужели трудно было догадаться, что наши профессиональные политики могут защищать только интересы профессиональных политиков? Все остальные народные депутаты, тоже облеченные народным доверием, но не вошедшие в число профессиональных политиков — в Верховный Совет, — по-прежнему пытались выражать интересы избирателей — рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции и по-прежнему исполняли роль дореформенно-послушной машины для голосования «за». Если предложение профессиональных политиков не набирало необходимого для принятия большинства голосов, процедуру повторяли до требуемого результата. Рядовым народным избранныкам, собирающимся на Съезд, позволялось вносить редакционную, то есть неприципиальную правку в практически готовый закон или документ. На случай же «непрофессиональных» возражений по существу были созданы многочисленные комиссии и комитеты. Они быстро научились сводить на нет эффект гласности — прямых трансляций, уводить процесс принятия решений из-под телекамер в кулуары, и там уже только им известными способами приводить проблему к безальтернативному варианту. Определяя судьбу собственности, депутатам выкручивали руки, а разгоняя Съезд, одаривали пряниками — обещали сохранить статус и привилегии.

Метод «разделяй и властвуй», столь умело использованный для манипулирования народными избранниками, получил научную основу — теорию разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную. Ее автор Монтескье, конечно, не собиравшись усовершенствовать Советскую власть, его забота — обеспечить союз буржуазии с монархией при сохранении монарха. «Сдержки» и «противовесы» ликвидировали всевластие монарха и превратили его в «царствующего, но не управляющего». Управление государством, а значит,

и власть при конституционной монархии перешла к буржуазии, ибо властвует тот, кто управляет. Уроки нашей командно-административной системы в этом смысле тоже достаточно красноречивы.

Но Советская республика — не конституционная монархия. «Сдержки» и «противовесы» сработали не против монарха — против народа, поставив его в положение почти монаршее: «голосует, но не правит». Зато администраторы всех рангов, от хозяйственных до научных — представители той самой, якобы обреченной, бюрократической системы, — еще больше упрочили свои позиции.

Советы не зря отождествлялись с народовластием. Механизм формирования Советов всех уровней словно специально создан для завоевания государственной власти мирным путем — через демократические выборы. И если большевики использовали эту структуру, чтобы передать власть трудящимся, то сегодняшние демократы поступили наоборот. Более того, антикоммунисты пошли гораздо дальше своих предшественников — они решительно и бесповоротно разрушают систему Советов, которая привела их к власти. Понятно, их не устраивает подотчетность исполнительных органов Советам, они хотели бы исключить саму возможность прихода к власти через Советы иной политической силы и потому опасаются очередных выборов. Обратите внимание, именно там, где Советы оказались в руках так называемых демократов, возникли думы, мэрии, муниципалитеты. Разница не столько в названиях, сколько в принципах формирования. Подотчетные избирателям, коллегиальные, гласные органы власти — Советы вытесняются всевластием аппарата — наемных, неизбираемых профессиональных политиков, готовых служить и богу и дьяволу, точнее, править нами от их имени, но в своих интересах. От чего хотели уйти, к тому и пришли...

Августовские события и последовавший за ними «конституционный» разгром политических институтов социалистического государства до конца проявили смысл и цели той лжи, в которой по словам бывшего идеолога КПСС (ныне — демократа), мы живем...

За три дня лож достигла критической массы и по всем законам диалектики облегчила поиск правды. Если бы не выдержка танкистов, сумевших под градом бутылок с зажигательной смесью и тряпьем, ослепившим смотровые приборы боевых машин, выстоять и не поддаться на провокацию — столкнуть армию с народом — правда вновь скрылась бы во мраке событий.

Неизвестно, что произошло бы, откликнись страна на зов Белого дома бастовать и строить баррикады. Это легче, чем обеспечить трудовой ритм поставленных перед перспективой холодной и голодной зимы городов. А толпа, громящая памятники, наглядно показала социальную базу, а за-

одно и степень законоуважения новых властей. Скоропалительные указы о закрытии оппозиционных газет, набирающая силу охота на ведьм, угроза уничтожения неугодных музеев и могил напоминают скорее корниловский мятеж, чем торжество демократии.

Происходящее из могло не обнажить цель перевернутой с ног на голову перестройки — ликвидировать КПСС как главную преграду на пути ликвидации советского государственного строя, в чем накануне переворота откровенно признался такой «отец русской демократии», как стольный мэр. Фактический разгон V чрезвычайного Съезда народных депутатов СССР, принявшего под диктовку президентов акты, увековечивающие приоритет исполнительной власти над законодательной и вводящие на всей территории бывшего СССР бессрочный переходный период (ну чем не чрезвычайное положение?) — лишь дополнил картину административно-правового беспредела со стороны радетелей правового государства.

Все отчетливее виден экономический итог политических преобразований: разгосударствление и приватизация бывшей общенародной собственности не оставляют простоя труженикам никаких шансов. Даже право на труд, которое не решились отнять у них авторы заповедной Декларации прав и свобод человека, принятой на последок Съездом народных депутатов СССР, так и останется декларацией без четкого правового и экономического механизма его реализации. Зато никто из пришедших к власти правозащитников не торопится помочь в реабилитации «специально репрессированных» — уволенных по принятым еще в 1929 году перечням. По ним уволено более 23 млн. человек — цифра сопоставима с потерями страны в Великой Отечественной войне. Похоже, новые власти отложили решение проблемы до тех пор, пока прием на работу и увольнение станут частным делом двух человек — работника и нанимателя.

В ОТВЕТ на реплику «Власть меняется» в незабвенной кинокомедии звучало: «Не спеши!» Просто поразительно — откуда авторы фильма могли знать, что власть окажется в руках демагогов, сделавших себе имя и политическую карьеру на беспощадном обличении лжи и демагогии? Или уже тогда было понятно, что власть, переходя из одних рук в другие, не меняется — остается авторитарной, если она в руках одного человека?

Это, пожалуй, главная государственная тайна, которая вместе с тайной коммерческой прячет от народа реальные рычаги власти. И пока трудящиеся не овладеют властью, не будет в стране и демократии, ведь смысл ее в фактическом, а не формальном народовластии.

В. МАЛЬКЕВИЧ,
кандидат юридических наук.

ной. И единение это достигалось определенными практиками, детально разработанными йогами и буддистами Индии, Китая и Тибета, которые нашли свое развитие у японских горных отшельников ямабуси, в свою очередь ставших духовными наставниками фанатичных средневековых лазутчиков. Согласно «тайным знаниям ниндзя» (нин-по миккё), все аспекты физического существования состоят из пяти проявлений элементарной материи — Земли, Воды, Огня, Ветра и Пустоты, каждое из которых выявляется путем определенных медитаций (методов изменения сознания). Остановимся на медитации Пустоты.

Смысл этой практики — в очищении ума от помех обыденности, приведении разлаженных систем организма в синхронизм и слиянии сознания с космическим бытием. Ученик обретает уверенность в себе, хладнокровие, мгновенную реакцию, ярко выраженные физические возможности, интуитивное понимание людей и ситуации. Постоянные занятия такой медитацией приводят к сокращению времени сна, необходимого для восстановления сил, улучшению ночного зрения и обострению всех воспринимающих чувств, включая ощущение надвигающейся опасности.

Приступая к практике, выберите тихое, спокойное, слабо освещенное место, памятуя о том, что расползение его может как затруднить, так и облегчить медитацию, причем площадка, подходящая для одного упражнения, может не соответствовать другому. Для медитации Пустоты используют так называемые «места жизни», определяемые либо по предпочтительности их животными (чаще всего собакой), либо опытным путем по собственным ощущениям, либо с помощью современной методики, скажем, снятия биопотенциалов с человека.

Постелите соломенную циновку, шерстяное одеяло или шелковый платок (лишь бы не синтетические материалы). Освежите холодной водой лицо и руки и прополощите рот. Сядьте на коврик и, согнув в колене правую ногу, подведите ее ступню под левое бедро; стопу левой ноги разместите сверху, между бедром и голенью правой ноги. Выпрямите позвоночник, расправьте грудь, слегка наклоните книзу лицо и кончиком языка коснитесь нёба у верхних зубов. Не вкладывайте в позу никакой силы, но следите за тем, чтобы спина не горбилась. Кисти рук располагаются у паха, причем правая складывается в кулак, а левая обхватывает этот кулак спереди так, что большие пальцы (левый над правым) скрещиваются сверху. Если такое положение рук вызовет ощутимый дискомфорт, кисти следует поменять местами. Полуприкрытые глаза отрешенно смотрят на кусок черной материи (с замкнутой белой дорожкой), расположенный примерно в метре перед вами. Эта позиция называется «ханка», и в ней важно обрести ощущение удобства (рис. 1 А). В упрощенном вари-

Рис. 1

анте используется положение со скрещенными ногами (рис. 1 Б).

Приняв медитационную позу, обратите внимание на легкость носового дыхания. Здоровый человек дышит преимущественно одной ноздрей, через несколько десятков минут переключаясь на другую. Дыхание каждой ноздрей активизирует свои районы мозга и, соответственно, улучшает или ухудшает определенные возможности организма. Дыхание через левую ноздрю (ин), например, обостряет слух и нюх и применяется в техниках проникновения, а дыхание через правую ноздрю (ё) способствует активным физическим действиям и полезно при тренинге или в схватке.

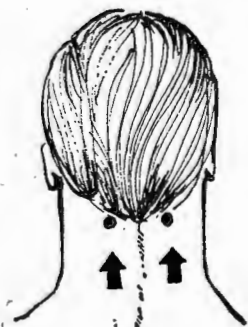

Рис. 2

Рис. 3

Обычным методом переключения дыхания с одной ноздри на другую является блокировка активного легкого, для чего, например, можно лечь на бок (так сказать, одноименный с действующей ноздрей) так, что через несколько минут дыхание переключится само собой, автоматически. Для ускорения этого процесса под бок следует подложить локоть и вдыхать, лежа, нижней ноздрей, а выдыхать верхней. Навык быстрого переключения дыхания вырабатывается, если периодически затыкать одну из ноздрей ваткой и, сосредоточиваясь на движении воздуха, связывать это со словами «дыхание ин» или «дыхание ё», в зависимости от того, какая ноздря свободна. Конечная цель — обретение способности переключать дыхание легким изгибом кор-

тие возможного напряжения и уравнивание психических и физических сфер организма. При выполнении этого упражнения зажмите большим пальцем правой руки правую ноздрю (рис. 3 А) и медленно вдохните через левую. Затем освободите правую ноздрю и перекройте мизинцем с безымянным пальцем левую (рис. 3Б), сократив одновременно мышцы промежности. Выдержав паузу, сбросьте напряжение и выдохните через правую ноздрю, которой следом сделайте и очередной вдох. Завершая цикл, задержите дыхание и выдохните через левую ноздрю. Вдыхать следует на 7 счетов, дыхание задерживать на 14, выдыхать на 7. Если такой ритм вызывает некоторое напряжение, его можно свести к формуле 5—10—5.

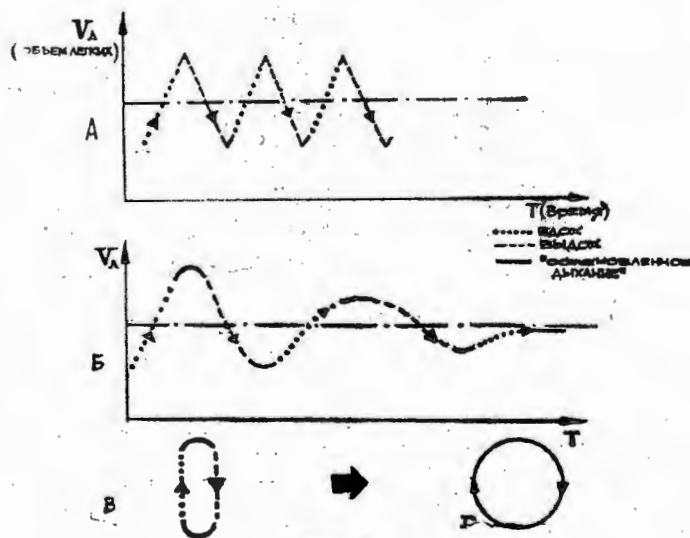

Рис. 4

пуса в блокируемом направлении и мысленным произнесением формулы соответствующего дыхания.

Момент переключения дает тот короткий период времени, когда ноздри действуют примерно одинаково; именно этот промежуток необходим для медитации Пустоты (кстати сказать, такое дыхание применяют также в технике ментального — то есть с использованием силы мысли — самоубийства после пленения противником, а иногда и в специфичных трюках женского шпионажа кунюити-дзюцу). Чтобы поддержать это состояние, надавите на две симметричные точки в центрах подзатылочных впадин на шее (рис. 2).

Следующий шаг — поочередное дыхание через одну ноздрю, цель которого — сня-

Выполнив три цикла предыдущей фазы, верните руки в исходное положение и обратите внимание на рисунок своего дыхания. Ваша задача — изменение резких переходов от вдоха к выдоху (рис. 4 А) в плавные (рис. 4 Б) так, чтобы в конечном счете нельзя было понять, вдыхаете вы или выдыхаете. Представьте, что ваше дыхание идет по сплюсненному кольцу, где равномерные вдохи и выдохи соединены ощутимыми тормозящими переходами (рис. 4 В). Ваше дыхание при этом как бы останавливается и сливается с великим космическим дыханием ки (подобная «остановка» дыхания используется также в некоторых техниках ускользания и прятанья интон-дзюцу). Поскольку вы сосредоточены на динамике вдоха-выдоха, остановка этого процесса означает исчезновение объекта

сосредоточения, и концентрация переходит в медитацию. Возможно, состояние вознившей пустоты испугает сознание, которое попытается зацепиться за какую-нибудь случайную мысль в яви. Постарайтесь не обращать на эту мысль никакого внимания.

При выходе из медитации поморгайте глазами, потянитесь руками и ногами, помассируйте большие пальцы ног и выполните несколько циклов брюшного дыхания.

Все вышеописанное обобщено в краткой формуле «медитации Пустоты»: выбрать место — принять позу — установить равно-

боевую позицию с разрывом дистанции, который осуществляется перекатом назад через правое плечо и с выходом через стойку на правом колене (или опору руками) в активное положение (рис. 5). Можно сделать иначе: сдвинуть вперед правую стопу так, чтобы левая ступня упала на землю и, поднимаясь с мощным вертикальным скручиванием тела влево, оттолкнуться от земли совершая прыжок в искомое место. Одновременно со сменой позиции желательнее отвлечь внимание противника, швырнув ему кистевым броском в лицо скрываемый в руках реальный или импровизированный сякэн (звездочку),

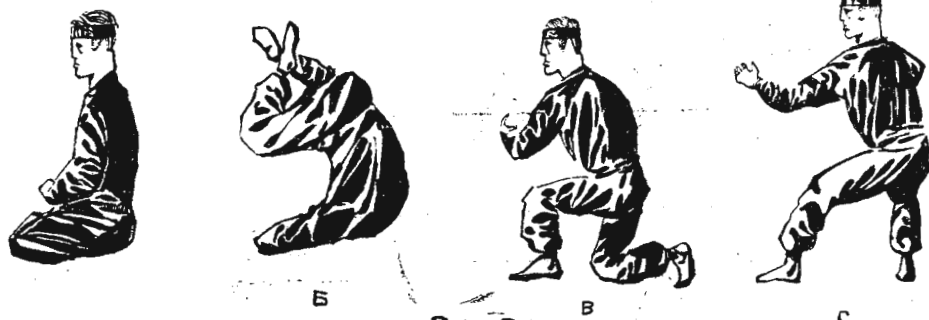

Рис. 5

мерное дыхание обеими ноздрями — выполнить три цикла поочередного дыхания через одну ноздрю — применить технику остановки дыхания — войти в Пустоту — провести завершающие мероприятия.

Заниматься этой практикой следует по 15—30 минут утром, перед сном и, в сокращенном виде, перед тренировкой. Кроме общего, развивающего направления она имеет и сугубо целевое предназначение, помогая выйти на оптимальный способ поведения в той или иной ситуации, осознать последствия своих акций, получить информацию о скрываемом. Другими словами, техника эта основана на целевом самопрограммировании и выходит за рамки наших начальных рекомендаций.

Медитационная поза «ханка» не имеет боевого предназначения, однако находящийся в ней не беззащитен перед надвигающейся опасностью. Вид отрешенно сидящего человека расхолаживает противника, и неожиданные, эффективные действия из этого положения могут оказаться для него весьма неприятным сюрпризом. Потенциально возможен здесь быстрый переход в

контактный порошковый ослепитель или вспыхивающую спичку.

Непосредственные атаки из низкого сидячего положения реальны при близком расположении противника и довольно многообразны по исполнению. Стоящую перед вами ногу агрессора можно, к примеру, отключить, ударив выдвинутым суставом указательного пальца в промежуток между сухожилиями первого и второго пальцев его слабо прикрытой стопы. Сзади стоящего противника атакуют поршневым ударом обеих пяток при перекате назад через спину, а врагов, находящихся слева, справа и спереди, пробуют достать щелкающими пинками в уязвимые точки ног или паха, откидываясь для этого на правое предплечье. Классический вариант здесь — и атака ножничного типа, при которой правая стопа зацепляет ногу противника снизу, а левая ударяет или подсекает эту же конечность сверху. Вместо ног, впрочем, равным образом можно использовать голову и руки.

Рисунки А. Лаха.

В почте «Калейдоскопа интересов» — десятки писем с пожеланиями, просьбами, предложениями читателей. Вот одно из них. «Как-то раз купил в киоске журнал «На боевом посту» и с тех пор читаю его регулярно. В журнале публикуется много интересных материалов. Ну а поскольку мы с женой решили взять домой щенка, то в первую очередь открываем страничку «О жизни собачьей». Все советы и рекомендации специалиста-кинолога будем использовать при обучении и воспитании четвероногого друга. Хорошо, если вы сохраните нашу любимую рубрику и в 1992 году. Я как воин запаса с удовольствием прочитал бы о наиболее известных породах служебных собак, которые применяются в армии и внутренних войсках. Васильев С. В.»

Рады сообщить, что это пожелание совпадает с редакционными планами. Итак, рассказ о жизни собачьей продолжается.

НЕМЕЦКАЯ ОВЧАРКА

«Пусть ваша жизненная ладья будет легка и несет лишь то, что необходимо: уютный дом... двух-трех друзей, достойных называться друзьями, того, кто вас любит и кого вы любите, кошку, собаку...», — писал Джером К. Джером. В дополнение к этим прекрасным словам один совет: хотите иметь в доме не просто преданного друга, но и надежного сторожа, защитника — приобретайте собаку служебной породы. Ломать голову над тем, какому песью «племеню» отдать предпочтение, вам не придется: из всех пород собак (а их свыше 400) лишь незначительная часть используется для служебных целей. Это немецкая, кавказская, среднеазиатская, южнорусская овчарки, ротвейлер, ризен-шнауцер, доберман-пинчер, эрдель-терьер, боксер, черный терьер и московская сторожевая. В некоторых странах службу «прявят» бельгийские овчарки, жесткошерстный, похожий на ризен-шнау-

цера бубье-де-фландр и даже типично охотничья веймарская легавая. Кстати, в ряде частей внутренних войск для поиска наркотических веществ, обыска транспортных средств тоже применяются собаки охотничьих пород — фокстерьер, спаниель, лайка.

Если говорить об иерархии служебных собак по степени их популярности, то, безусловно, пальма первенства принадлежит немецкой овчарке, которая пользуется широким спросом у собаководов.

Современная немецкая овчарка была выведена путем скрещивания двух разновидностей пастушьих собак: приземистого, массивного типа, распространенного в северной и центральной Германии, и облегченного, высоконогого — «уроженца» Зюртемберга. Создателем замечательной породы по праву считается мюнхенский кинолог фон Стефанитц, один из признанных авторитетов Европы в области собако-

водства. Тридцать лет он занимался совершенствованием служебных качеств своего любимого детища и достиг поистине уникальных результатов.

Ценные свойства немецкой овчарки — крепость нервной системы, острота чутья и слуха, внимательность, чуткость, преданность хозяину и неподкупность, смелость и злобность, прекрасные способности к дрессировке — быстро привлекли к ней симпатии специалистов и любителей на всех континентах.

За немецкой овчаркой прочно закрепилась слава идеального помощника военных. Нет ей равных в караульной, розыскной, пограничной, спасательной службах. В годы войны этих собак использовали в качестве подрывников, санитаров, подносчиков боеприпасов, связистов. В Афганистане они применялись для поиска душманских мин.

Рассмотрим вкратце официальные стандарты немецкой овчарки.

Высота собаки в холке в среднем составляет около 60 см, а если быть до конца точным, то желательны следующие размеры: для кобеля — 62,5 см, для суки — 57,5 см. Перерост или недорост снижает служебную и племенную ценность, но все же отклонение в 2,5 см вверх или вниз допустимо.

При оценке овчарки следует внимательно осмотреть ее голову. Стандартные показатели: достаточно большая черепная коробка, не сильно выраженный переход от лба к морде, так как в этом месте находится важный глазной нервный узел. Не забудьте учесть пропорцию головы и роста (длина головы должна составлять примерно 40 процентов от высоты в холке), а также пропорции обеих частей головы. Длинная и узкая голова или узкая морда — пороки. Длинная морда обычно слабо обмускулена (аналогия: длинный рычаг проигрывает в силе). Однако слиш-

ком короткая голова, как правило, имеет выпуклую и грузную мускулатуру, а непропорционально короткая морда ограничивает радиус хватки.

Глаза. У любой умной собаки они выразительны, как у человека. Но в данном случае нас интересуют их расположение и форма. Так вот, у немецкой

не очень длинная. Длина туловища должна быть больше высоты собаки в холке. Овчарки укороченного формата (квадратные), на высоких ногах подлежат выбраковке.

Один из признаков чистой породы — форма хвоста. Обросший густой шерстью, он доходит по длине до скакательных суставов или основания предплюсны.

честв овчарки, надо помнить: типичным аллюром для этой породы является рысь, во время которой конечности передвигаются по диагонали. Поэтому они должны иметь такую длину и углы сочленений, чтобы без заметного изменения линии спины собака могла подставлять задние ноги под середину туловища и размашисто выносить передние ноги. Овчарки с мягкой (провислой) спиной, отвесным поставом конечностей, другими пороками, влияющими на размашистость и выносливость в движении, для службы малопригодны.

Характерный окрас породистой собаки — черный, зонарно-серый, пепельно-серый, однотонный или с симметричными рыжими, желтыми или беловато-серыми отметинами, чепрачный. Подшерсток всегда имеет более светлый оттенок, за исключением черных собак. Чрезмерно мягкий, короткий или длинный шерстный покров, отсутствие подшерстка, ослабленный окрас — пороки. Категорически исключаются из племенного использования собаки-альбиносы.

В заключение несколько слов для тех, кто твердо решил «прописать» в доме служебную собаку, но затрудняется с выбором породы будущего четвероногого друга. В домашних условиях немецкая овчарка — бдительный сторож, смелый защитник, внимательный спутник и поводырь. При умелом воспитании и обучении взрослая собака олицетворяет собой силу, ловкость и отличное поведение. Она умеет приспосабливаться к любой ситуации, быстро и заинтересованно выполняет приказания хозяина, миролюбива к домашнему окружению, ласкова с детьми и в то же время строга и недоверчива к посторонним. Словом, благородная овчарка будет достойным членом вашей семьи.

Полковник В. ТОКУНОВ,
начальник службы собак
Центрального управления
внутренних войск.

овчарки глаза должны быть миндалевидными и располагаться немного сбоку. Пороки — округлый и выпуклый глаз.

Уши средней величины, у основания широкие, высоко поставленные, остроконечные, кончиками направлены вперед и вверх. Собаки с купированными (обрезанными) и висячими ушами бракуются. У щенков до 4—6 месяцев, а иногда и дольше уши бывают полустоячие и висячие. Благородная форма ушей у молодой овчарки — дело наследственное, однако не последнюю роль играют кормление и уход за собакой.

Шея крепкая, средней длины с хорошо развитыми мышцами. В возбужденном состоянии собака держит ее высоко, обычно же несет горизонтально.

Туловище: грудь глубокая, но не слишком широкая, овальной формы; спина прямая и крепкая, но

В спокойном состоянии собака держит его опущенным вниз, слегка изогнутым на манер сабли. При возбуждении он изгибается сильнее и приподнимается, но не выше линии спины. Хвост не должен свисать вниз палкой или сворачиваться колечком.

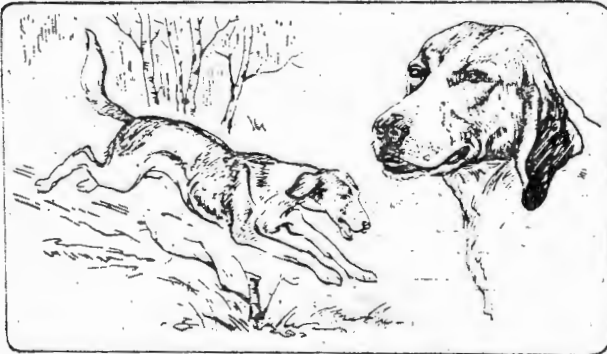
Лапы у породистой немецкой овчарки — овальной формы, с плотно сжатыми пальцами. Мякиши пальцев очень твердые, когти короткие, темные. На задних ногах иногда бывают прибылые пальцы. Ввиду того, что они становятся причиной неправильного постава конечностей и часто травмируются, их следует удалять вскоре после рождения.

Для служебной собаки очень важны скорость и выносливость в движении: нередко приходится преследовать преступников по бездорожью, в лесистой и горной местности. Дабы не ошибиться в оценке ка-

РЫБОЛОВАМ И ОХОТНИКАМ

Едва отойдут последние теплые сентябрьские денечки, как в посветлевших лесах зазвенят неповторимые голоса гончих. Это собаки, с которыми охотятся на зайцев, лисиц, а кое-где и на кабана, волка.

Они приучены отдавать голос при преследовании зверя. И так азартно, так страстно звучат их голоса в борах и дубравах, что кажется, будто оркестр спрятался в чаще и заставляет трепетать душу охотника.

РАССКАЗЫ У КОСТРА

РЕДКИЙ ТРОФЕЙ

Отпуск мой неумолимо приближался к концу, а мы с дядей Мишей, моим давним наставником по охотничьим делам, никак не могли взять куницу, которую выслеживали уже не один день.

Вечером в очередной раз при обсуждении дальнейшего плана поиска обратили внимание на то, что зверь, возвращаясь в свои уголья, всякий раз посещает одну и ту же часть леса.

Утром не спеша начали обследовать намеченный

участок. Вскоре послышался условный сигнал, и я пошел к Михаилу Ивановичу. Он показал на толстенную осину, в которой на высоте 3—4 метров зияло отверстие. Около ствола виднелась посорка, но следов не было. Быстро соорудив лестницу из валежин, стали проверять дупло. Оно уходило вверх. Специально вырубленный прутик упирался во что-то мягкое и вязкое. От резких движений вниз посыпались кусочки пчелиных сот. Это был лесной улей.

Гончих собак разводят в

ОХОТНИЧЬИ СОБАКИ

ЛЕСНЫЕ МУЗЫКАНТЫ

нашей стране с давних пор. Порода русская гончая, выведенная в России, известна более тысячи лет назад. На фресках Софийского собора, востроенного в Киеве, есть изображение этих собак. А собору 800 с лишним лет. Их отличают крупные размеры, черпачный, багряный или сероватый с подпалинами окрас, манера низко держать голову. У нас распространена и русская пегая гончая, имеющая черно-пегий в румянах окрас. Из молодых пород известна эстонская гончая, собака ниже среднего роста.

Вне охоты гончие — ласковые, миролюбивые собаки, но для содержания в городских квартирах не подходят. Чтобы не терялись рабочие качества, им требуются вольные условия сельской местности — поселков, военных городков, где возможностей для охоты по зайцу и другим зверям гораздо больше.

Полковник в отставке
К. ОГЛОБЛИН.

Бортничали несколько часов. Приходилось, сменяя друг друга, часто отогревать руки — вначале в снегу, потом в рукавицах.

Пчел почти не было. Очевидно, куница частенько наведывалась в дупло и лакомила ими.

Замерзшие и уставшие, мы лишь к вечеру возвратились домой. На добычу весом около 20 килограммов не хотелось смотреть. Но зато впоследствии этот редкий охотничий трофей с большим удовольствием шел под чаек.

А вот куницу мы так и не нашли...

Полковник
Г. БЕЛОБОРОДОВ.

НА ТОНКУЮ СНАСТЬ

Еще не успели первые солнечные лучи коснуться заснеженного льда озера, а мы уже колдовали над своими лунками.

Оснащение моей удочки составляли: проводочная катушка с леской 0,2 мм и крупная шаровидная мормышка с красной шерстинкой.

Насадив ручейника, я ждал поклевки. Медленно тянулись минуты ожидания. Наконец сторожок слегка вздрогнул и медленно на-

клонился. После подсечки вывожу на лед полосатого окуня, а вслед за ним другого и третьего. Потом клев внезапно прекратился.

Обойдя еще несколько лунок, подошел к широкой проруби у берега. К моему удивлению, сразу же взял крупный окунь, а вслед за этим вдруг последовала сильная потяжка. Своевременная подсечка не оставила рыбу. Быстро перевожу катушку на тормоз. Уже остаются последние

витки лески. Сейчас она закончится, и тогда обрыв неминуем. Вот леска натянулась. Еще мгновение — и она лопнет. Руку вместе с удочкой опускаю к самой проруби, и тут рыба остановилась!

Сантиметр за сантиметром подматываю леску, а потом повторяется все сначала.

Еще несколько минут продолжалась упорная борьба. Наконец из воды показалась голова крупной щуки с зацепившейся за край губы мормышкой...

Прапорщик
В. КИСЛЯКОВ.

РЫБЫ НАШИХ ВОДОЕМОВ

ЛЮБИТЕЛЬ ХОЛОДНОЙ ВОДЫ

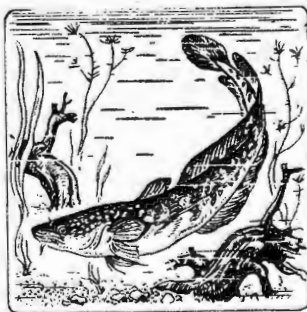
Поздней осенью с похолоданием заметно снижается активность многих рыб, а вот такой, как налим, — заметно повышается. Этот ночной хищник — из семейства холоднолюбивых тресковых рыб. Обитает во многих пресноводных водоемах нашей страны. От своих северных сородичей унаследовал он многие привычки: малоподвижен в теплое время года, зато прыток — в холодное, после остужения воды ниже +15 градусов. Необычность его и в том, что нерестится он в самое глухозимье — в декабре — январе.

Тело налима покрыто мельчайшей чешуей и обильной слизью, из-за чего удержать его в руках весьма сложно.

Во внешности его можно обнаружить некоторое сходство с сомом, но в отличие от последнего он имеет два спинных плавника плюс удлинненный анальный и только один небольшой усик.

Налим относится к довольно крупным рыбам. В северных реках и озерах встречаются гиганты весом в 15—20 кг. В средней полосе обычный вес 1—2 кг,

хотя и экземпляры весом в 4—5 кг не являются большой редкостью.

Держится налим постоянно на глубоких захламленных участках водоемов с небольшим течением. В период открытой воды в поисках пищи нередко выходит на песчаные и песчано-глинистые отмели с небольшой заросленностью. В летнее время прячется в береговых углублениях, забитых корягами и утонувшими бревнами ямах, недалеко от родников.

Жор налима приходится обычно на вторую половину октября — именно к

этому времени, полностью оправившись от летнего оцепенения, начинает он усиленно питаться, готовясь к нересту. Ледостав является для него своеобразным сигналом для сбора в стаи. Каждая стая мечет икру в своем определенном месте.

Вскоре после икромета самки отправляются в обратный путь, а самцы еще довольно продолжительное время остаются на нерестилищах, охраняя икру, а затем и личинок до превращения их в мальков.

После вскрытия водоема, чувствуя приближение тепла и наступление продолжительного поста, налим начинает усиленно откармливаться. Нередко случается, что в это время он питается не только ночью, но и днем. По мере нагревания воды активность его заметно снижается, и к середине мая он совсем перестает принимать пищу.

Ловля налима по-своему интересна, увлекательна и имеет немало поклонников, особенно в зимний период.

Налим с гастрономической точки зрения очень вкусен в жареном виде, а уха из него, да еще и с печенкой, — настоящий деликатес.

Майор запаса Ю. ЮСУПОВ.

САПОГИ ВСМЯТКУ

сатира
юмор

Рядовой Тишкин с трудом переносил тяготы и лишения военной службы.

«Что я, крог? — мрачно размышлял он, лениво орудуя лопатой. — Если потребуется по-настоящему, да я этот окоп...»

И утренняя зарядка угнетала Тишкина. «Как же, разбежался, — бурчал он, прячась за угол казармы. — Да и зачем невыспавшемуся, жезавтракавшему человеку эта пробежка? И сама зарядка — кому нужна?»

Через месяц на зачетном кроссе рядовой Тишкин пришел последним.

— Понимаешь, Петя, — популярно объяснял он своему другу рядовому Бычкову, — в наш век сплошной механизации беговая отмирает, у меня же есть алацкартное место в ВМП...

«Мой дальше! Мой дальше!», — твердил Тишкин, напряженно сверля глазами зад дневального. Тот послушно домыл.

«А теперь протри окна», — мысленно приказал Тишкин.

Дневальный послушно принялся и за эту работу. А Тишкин уверенной походкой старшины роты прошелся по казарме. Одна койка выпирала из общего ряда. Тишкин зафиксировал войну и уперся в нее взглядом. Кровать плавно двинулась и встала на место. Правда, из-под нее вылез третий дневальный, сжимая в руке запропастившийся с неделю назад бильярдный шарик. Скорее всего койку двигал он, но...

Но для Тишкина началась новая, светлая полоса в армейской жизни. Почти без усилий он освобождал себя от чаряда на работу; во время кросса непременно становился помощником судьи; после стрельбы незаметно подсовывал свой автомат Бычкову и тот добросовестно его чистил. И все бы хорошо, кабы не та злополучная кровать. Памятуют о ее «послушании», Тишкин попросту зарелхнулся.

А строевая подготовка и вообще вызывала спазм всей нервной системы Тишкина. «Вот отслужу, — уныло думалось ему на плацу, — на гражданке буду ходить только не в ногу... А пока надо что-то предпринимать. Так жить дальше невозможно!»

Конечно, можно пойти в санчасть и потребовать клинического обследования. Но со слов старослужащих он знал: полкового врача капитана Светлова не проведешь, он каждого видит насквозь. И тут неожиданно Тишкин открыл в себе удивительную способность. А дело было так.

Сержант Васин вышагивал перед отделением:

— Рота убывает на учения. От нас нужен человек для суточного наряда и охраны казармы.

«Этот человек — я!» — твердил про себя Тишкин, весь напрягаясь и не спуская глаз с Васина.

— Останется рядовой Тишкин, — сказал нехотя сержант.

Потом в казарме стало тихо, светло и пусто. Второй дневальный домывал половину длинного коридора, оставляя нетронутой тишкинскую долю.

«Пока наши в карауле, — размышлял он, — попробую-ка я повернуть пустую казарму на два метра влево, чтоб легче смыться с физзарядки». Но как ни пыжился, здание не зарелхнулось.

— На совесть строили, — в сердцах сплюнул Тишкин, почувствовав, что от внутреннего перенапряжения в нем как будто попнула струна. Но самое досадное — уже на следующий день, сколько он не буравил глазами сержанта, тот никак не прореагировал на очередное внушение. А в результате...

С непривычки на марш-броске Тишкин тяжело пыхтел, обливаясь потом. Его организм работал с перебоями. На привале Тишкин рухнул в траву как подкошенный. Было душно и влажно. И все же какая-то непонятная сила заставила его содрогнуться. Он даже присел от нового неожиданного открытия: мухи его облетали, комары отказывались кусать. Он засучил рукава, но мошкара с противным писком уплывала в сторону, облепляя мокрую спину Пети Бычкова. А его, Тишкина, как будто и не было!

После марш-броска Тишкин стремглав

несмотря на всю свою усталость, помчался в санчасть к капитану Светлову.

— Комары... мухи... — в беспомощности бормотал он.

— Что комары, что мухи? — удивился врач.

— Не садятся, не едят!

— Покажите язык, — сказал Светлов строго. — И без паники! Скажите: «А-а»... Так-так! — обычно ироничное лицо капитана стало скорбным. — Случай редкий, но в медицинской литературе описан... Подозреваю у вас дизбактериоз: ваш организм покинули микробы сапрофиты и простейшие лямблии.

— Доктор, а это страшно, когда лямблии ходят? — постукивая зубами, спросил Тишкин.

— Это ненормально, — сказал убежденно капитан Светлов. — Такое возможно, когда человек в полной изоляции. Для проверки диагноза сделаем посев на микрофлору.

«Ну вот, доигрался, — с ужасом подумал Тишкин. — Во мне уже сеют, потом будут бороновать, окучивать...»

Он неожиданно вспомнил, что последнее время с ним никто не разговаривал, а не далее как вчера из-под него вынул стул, будто он и не сидел на нем. «Когда в полной изоляции, — с раздражением повторил про себя Тишкин слова врача. — Нет уж дудки!»

На другой день на зарядке Тишкин присел глубже всех и, пробегае мимо «неподатливого» угла казармы, с отвращением отвернулся.

— В наряд по кухне пойдет... — объявил сержант Васин.

— Я! — не дал ему договорить Тишкин.

— Копать ямы для посадки деревьев...

— Тоже я! — не унимался Тишкин.

— Давай почищу за тебя автомат, — предложил он Пете Бычкову.

— Спасибо, — удивился тот, — свое оружие почищу сам...

— И правильно делаешь! — ничуть не обиделся Тишкин.

Сержант Васин вышагивал перед строем отделения.

— Завтра кросс. Рядовой Тишкин выдвигается на поворот для контроля.

— Зачем?! — бурно запротестовал Тишкин. — Разве я лучший бегун?! Мне надо пахать...

На кроссе Тишкин изо всех сил тянулся за Бычковым. «Ни за что не отстану», — упорно внушал он себе, почти теряя на финише сознание вместе с сапогами. Последним он не был.

Тишкин еще тяжело дышал, когда к нему подошел капитан Светлов.

— Увы, — сказал он печально, — дела неважнейшие: ничего не выросло, нет колоний...

— Есть! Есть колонии! — почти закричал Тишкин. — И сапрофиты, которые лямблии, тоже есть! Разве вы не видите?

— Вижу, — сказал капитан Светлов. — Но если опять перестанут садиться комары и мухи...

Прапорщик
Александр ПАНКРАТЬЕВ

СОМНАМБУЛИЗМ

Я к тебе пришел во сне,
Я тебя не видел долго.
Не застал тебя я дома —
Ты во сне ушла ко мне.

Петр ВЕГИН.

Я люблю бродить во сне —
Мысли чище, чувства выше.
Я гуляю при луне
По карнизам и по крыше.

А вчера забрел к тебе, —
Я тебя не видел долго.
Только ты ушла из дома,
Вероятно, по трубе.

Я замешкался в окне,
Я в тебе засомневался,
Но внезапно догадался:
Ты во сне ушла ко мне!

Счастье свыше мне дано,
Не найти прекрасней темы!
Беспокоит лишь одно —
До сих пор не знаю,
где мы?

ВЕСЕЛЫЙ КАРАНДАШ

Рис. В. БЕЗБОРОВОДА.

Деятельность нашего клуба расширяется. Теперь объявления тех, кто хочет найти друзей, печатаются и в приложении к журналу — газете «Ситуация». Оперативность информации здесь выше, потому что газета еженедельная, продается во всех киосках «Союзпечати», впрочем, как и журнал. Поэтому стоимость публикации объявления в газете — 25 рублей, высылка одного адреса — 5 рублей. Военнослужащие срочной службы оплачивают услуги клуба так же, как и в журнале. Оплата услуг клуба в журнале остается прежней: за опубликование объявления — 10 рублей, за один адрес — 5 рублей.

Письма в клуб «Возможна встреча» [вместе с квитанцией об оплате услуг] присылать по адресу: 107120, г. Москва, Сыромятнинский проезд, 8, редакция журнала.

Оплату услуг клуба производите по адресу: 111250, г. Москва, Е-250, Коммерческий банк «Лефортовский», расчетный счет № 340616, МФО 201207.

Всего Вам доброго! Встреча возможна!

000108—А. З.

Мне хотелось бы, чтоб через Ваш клуб моя дочь познакомилась с курсантом военного училища, человеком долга. И непыющим. А дочке моей 19 лет, учится в медицинском училище, светленькая, симпатичная, рост 155, спортсменка, играет на гитаре, поет, хорошо готовит.

С уважением к вам
и надеждой
А. П.

000120—Н. Ч.

Мне очень хотелось бы познакомиться с военнослужащим, который вернулся со страшной войны в Афганистане и избрал профессию, на мой взгляд, самую мужественную — службу во внутренних войсках. О себе: мне 22 года, люблю природу — лес, горы, увлекаюсь туризмом. В людях прежде всего ценю надежность и умение понять других.

Надежда.

000122—Н. Р.

Уверена, что именно в армии мальчишки становятся настоящими мужчинами. Вот из таких и хочу выбрать себе мужа. Чтоб знать, что он сумеет постоять и словом и делом не только за себя, но и за свою семью, что он не трепач и слову своему цену

знает. В общем, пишу в надежде встретить человека, за которым можно пойти без оглядки. Мне 18, рост 165, стройная, сероглазая брюнетка. Работаю медсестрой. Люблю бокс, хоккей, музыку, природу. Занимаюсь туризмом.

Наташа.

000123—Л. Р.

Высокая (170), не склонная к полноте, кареглазая, интересная шатенка 35 лет с мягким характером, обладающая отличным вкусом, умеющая создать домашний уют, считающая главным в семейной жизни — жить для другого, быть ласковой, нежной женой и надежным другом для создания крепкой семьи, желает познакомиться с офицером, добропорядочным, без вредных привычек, не старше 45 лет.

Лидия.

000124—И. Ш.

Учусь на третьем курсе кулинарного училища (готовлю — пальчики оближешь), 18 лет, рост 167. Веселая, умею шить, вязать. Занимаюсь спортом. Люблю слушать музыку, особенно песни Цоя. Хочу познакомиться с военнослужащим: по-моему, только в военных людях сохранились честь, мужество, умение

держат свое слово. Отвечу всем.

Ирина.

000125—Т. Р.

Мне 23 года, рост 154, шатенка, стройная, образование педагогическое, русская, по гороскопу — Телец. Увлекаюсь собаководством, рукоделием. Была замужем, ждала мужа из армии три года, растила сына, но прожила всего два года — ему захотелось «свободной» жизни. Теперь живем с сынишкой у родителей. Хотелось бы встретить надежного человека, для которого семья не будет обузой.

Татьяна.

000126—Н. С.

Внешние данные: без ложной скромности, довольно привлекательна, блондинка, голубые глаза, неплохо сложена, 22 года, рост 161. Профессия — учитель начальных классов, но это дело не для меня, поэтому сейчас работаю художником-ювелиром. Это да еще рисование — мое хобби. Мои убеждения: хочу встретить мужчину — Рыцаря и такого же максималиста, как я. Верю в любовь и выйду замуж только за любимого, в котором хочу найти прежде всего понимание, деловые качества и ум.

Наталья.

**ВЫ ОДИНОКИ, ВЫ ИЩЕТЕ ДРУГА!
НЕ ОТКЛАДЫВАЙТЕ В СТОРОНУ РУЧКУ — ПИШИТЕ В НАШ КЛУБ.**

приглашает

ОБРАЩАТЬСЯ В ОТДЕЛ КАДРОВ
УПРАВЛЕНИЯ МОСМЕТРОСТРОЯ
ПО АДРЕСУ: МОСКВА, УЛ. КУЙБИШЕВА, 3.
ТЕЛЕФОНЫ: 921-06-21, 928-07-18.

МОСКОВСКИЙ МЕТРОСТРОЙ

Нам требуются проходчики-горнорабочие, изолировщики, слесари-монтажники горного оборудования, слесари-сантехники, электросварщики, шоферы, арматурщики, плотники, штукатуры, маляры, плиточники, токари, фрезеровщики, крановщики. Оплата труда сдельная и повременная. Зарплата 1000-2000 руб. в зависимости от специальности, квалификации и вида работ. Лица, не имеющие указанных профессий, могут их приобрести в технической школе Мосметростроя.

Трудоустроим также инженерно-технических работников: горных инженеров-строителей, инженеров по строительству мостов и тоннелей, механиков, горных инженеров-механиков, инженеров промышленно-гражданского строительства, инженеров-строителей, сантехников, инженеров-автомехаников. Оклады от 500 до 700 руб.

Мы располагаем разнообразными льготами. Работники, проработавшие 10 и более лет в подземных условиях, имеют право оформить пенсию с 50, а на открытых горных работах – с 55-летнего возраста. Суммарный отпуск рабочих на подземных горных работах до 56, а на открытых горных работах до 39 календарных дней. Инженерно-технические работники – горные мастера на подземных работах имеют отпуск до 56 календарных дней. Начальники и механики участка, маркшейдеры – до 52 календарных дней. Рабочие и ИТР Мосметростроя получают премии за ввод объектов в эксплуатацию, экономию материалов и электроэнергию, выполнение целевых заданий, вознаграждения за выслугу лет.

Мосметрострой имеет детские сады и ясли, пионерский лагерь, Дворец культуры, спортивное общество "Локомотив", санаторий-профилакторий, пансионат на берегу Черного моря, в Адлере. Ведется жилищное строительство в Москве.

ПРИГЛАШАЕТ

ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

ПЛУТОН

Производственное объединение "Плуто́н" приглашает на работу станочников, гальваников, работников с радиотехническими специальностями, электрогазосварщиков.

Предприятие специализируется на изготовлении микроволновой бытовой печи "Электроника". Заработная плата рабочих и специалистов составляет 1300 руб. в месяц.

Завод имеет комплекс современных культурно-бытовых, медицинских учреждений, санаторий в Кисловодске, базы отдыха.

НАШ АДРЕС: 107120, МОСКВА,
НИЖНЯЯ СЫРОМЯТНИЧЕСКАЯ УЛ., Д. 11.
ТЕЛЕФОНЫ: 297-18-40, 227-00-25, ДОБ. 2-42,
2-69.